

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С. П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л. М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л. Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Поздняков В. М. – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А. Н. – начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Новиков А. А. – начальник Центральной нормативно-технической лаборатории ФСИН России;

Оботурова Н. С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Попова И. Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю. Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Спасенников Б. А. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки»

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 2 (38)

Вологда 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	4	ФУММ А. М., ЯКОВЛЕВА О. Н. Развитие российского законодательства в сфере исполнения наказаний в XVIII в.	66
БАБАЯН С. Л. К вопросу о профилактической работе с осужденными, состоящими на учете в уголовно- исполнительных инспекциях	4	ДВОРЯНСКОВ И. В., ЗЛОТНИКОВ С. А. Некоторые проблемы совершенствования исполнения наказания в виде лишения свободы в России	69
ГАВРИЛОВ Б. Я. Перспективы возвращения уголовного проступка в российское законодательство	9	ГОЛОДОВ П. В. Административное усмотрение в управленческой практике учреждений и органов уголовно- исполнительной системы	73
ХАРЬКОВСКИЙ Е. Л., СЕРЕДИН А. А. Социальная обусловленность особого уголовно- правового статуса сотрудников правоохранительных органов	13	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	80
ЯНЧУК И. А. О совершенствовании статьи 74 Уголовно- исполнительного кодекса Российской Федерации	18	СЛОБОДЧИКОВ И. М. Постановочные проблемы психологического консультирования осужденных	80
СЕРЕДА С. П. Уголовно-правовые механизмы защиты права на свободу совести и вероисповедания в России .	21	БАЛАМУТ А. Н., СТАРОДУБЦЕВА О. Н., РЕДЁГА Н. В. Об опыте использования потенциала фильмов духовно-нравственной направленности в процессе ресоциализации осужденных в условиях пенитенциарной системы	83
ЖИТКОВ А. А. Актуальные проблемы соучастия в современном уголовном праве	26	МАЛЕТИНА Е. А., ГОДОВАНЕЦ О. Г., БАРСКАЯ А. В. Психологическое сопровождение осужденных, имеющих ограничения по здоровью	87
ДОЛИНИН А. Ю., СМОЛЕВ С. М. Организационно-правовые проблемы прохождения службы в уголовно-исполнительной системе и основные направления их решения	30	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	93
КРЮКОВА Д. Ю., МОКРЕЦОВ Ю. В. Актуальные проблемы правового регулирующего оборота и защиты персональных данных в России	34	ПАНОВА О. Б. Обсуждение морально-правовых дилемм как средство активизации правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии	93
ПАВЛУШКОВ А. Р. Религиозные методы воздействия на осужденных на современном этапе развития уголовно- исполнительной системы	39	АМОСОВА О. С. Проблема совершенствования профилактической работы в области социальной запущенности обучающейся молодежи в образовательных организациях	99
СВИНИН Е. В., ШАХАНОВ В. В. О формах реализации общеправовой презумпции добросовестности гражданина (на примере презумпции добросовестности отбывания уголовного наказания)	43	КОВТУНЕНКО Л. В. Электронное обучение как инновационная форма образовательной деятельности в организациях ФСИН России: проблемы и тенденции развития .	103
КОРЕПИНА А. В. Ответственность за несоблюдение этических и нравственных требований государственными служащими уголовно-исполнительной системы . .	48	РЕЦЕНЗИИ	107
МУРКШТИС М. И. Особенности регламентации уголовной ответственности за незаконный оборот оружия в государствах Таможенного союза ЕврАзЭС	54	ПОТАПОВ А. М. Рецензия на учебное пособие «Методика расследования преступлений коррупционной направленности, совершаемых в уголовно- исполнительной системе» (под общей редакцией Р. М. Морозова)	107
БОДРЫХ С. Е. Наказание в виде принудительных работ: проблемы назначения и исполнения	57	ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ	108
ФОМИЧЕВ Д. А. Проблемы реализации прогрессивной системы при исполнении наказания в виде лишения свободы	60	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	108

CONTENT

JURISPRUDENCE	4	FUMM A.M., YAKOVLEVA O. N. Development of Russian legislation in the sphere of execution of punishments in the XVIII century	66
BABAYAN S. L. On the question of preventive work with convicts who are registered in the penal inspections.	4	DVORYANSKOV I. V., ZLOTNIKOV S. A. Some problems of perfection of punishment execution in the form of imprisonment in Russia.	69
GAVRILOV B. YA. Prospects for the return of the misdemeanour in the Russian legislation	9	GOLODOV P. V. Administrative discretion in the management practice of institutions and bodies of the penal system.	73
KHARKOVSKY E. L., SEREDIN A. A. Social conditionality of the special criminally-legal status of law enforcement officers	13	PSYCHOLOGY	80
YANCHUK I. A. On the improvement of Article 74 of the Penal Code of the Russian Federation	18	SLOBODCHIKOV I. M. Settlement problems of psychological counseling convicts.	80
SEREDA S. P. Criminally-legal mechanisms of protection the right to freedom of conscience in Russia	21	BALAMUT A. N., STARODUBTSEVA O. N., REDUOGA N. V. On the experience of using the potential of films of a spiritually-moral orientation in the process of resocialization of convicts in the conditions of the penitentiary system	83
ZHITKOV A. A. Actual problems of complicity in the contemporary criminal law	26	MALETINA E. A., GODOVANETS O. G., BARSKAYA A. V. Psychological support of convicts having health restrictions	87
DOLININ A. YU., SMOLEV S. M. Problematic issues of the organization of passing service in the penal system and the main directions of their solution	30	PEDAGOGY	93
KRYUKOVA D. YU., MOKRETSOV YU. V. Urgent problems of legal regulation of the turnover and protection of personal information in Russia	34	PANOVA O. B. The moral and legal dilemmas discussing as a means of strengthening the legal re-socialization of juvenile convicts in an educational colony	93
PAVLUSHKOV A. R. Religious methods of impact on convicts at the present stage of the penal system development.	39	AMOSOVA O. S. The problem of improving preventive work in the field of social neglect of young people learning in educational institutions.	99
SVININ E. V., SHAKHANOV V. V. On the forms of realization of the general legal presumption of conscientiousness of a citizen (on the example of the presumption of conscientiousness serving a criminal sentence)	43	KOVTUNENKO L. V. E-learning as an innovative form of educational activity in the organizations of FPS of Russia: problems and development trends	103
KOREPINA A. V. Responsibility for non-observance of ethical and moral requirements by the state employees of the penal system	48	REVIEWS	107
MURKSHTIS M. I. Criminal responsibility for illicit arms trafficking in the countries of the Customs Union of the Eurasian Economic Union	54	POTAPOV A.M. A review of the textbook «A Methodology of Investigating Corruption-Related Crimes Committed in the Penal System» (under the general editorship of R. M. Morozov)	107
BODRYKH S. E. Forced labor: appointment problems and execution	57	INFORMATION, ADVERTISEMENTS	108
FOMICHEV D. A. Problems of implementing the progressive system in the execution of imprisonment	60	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	108

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.8

К вопросу о профилактической работе с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях

С. Л. БАБАЯН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

В статье анализируется профилактическая работа с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, предлагается ввести институт общественных инспекторов с целью повышения эффективности работы с данной категорией осужденных, обосновывается отнесение мер поощрения и взыскания к важным средствам профилактической работы и предлагаются пути совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в данной области.

Ключевые слова: профилактическая работа; предупреждение; общественные инспекторы; осужденные; уголовно-исполнительные инспекции; меры поощрения; меры взыскания; поощрительные нормы и институты.

On the question of preventive work with convicts who are registered in the penal inspections

S. L. BABAYAN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor

The article is devoted to preventive work with the convicts, registered in the penal inspections. It is proposed to introduce the institute of public inspectors with the purpose of increase of efficiency of preventive work with this category of convicted persons. It substantiates the assignment of incentive measures and penalties to important means of preventive work and suggests ways of improving criminal and penal enforcement legislation in this area.

Key words: prophylaxis; prevention; public inspectors; convicts; penal inspections; incentive measures; penalty measures; incentive norms and institutions.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.06.1997 г. № 729 (ред. от 23.04.2012 г.) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности»¹ одной из основных задач, стоящих перед данными подразделениями, является предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами,

состоящими на учете в инспекциях. Повышение эффективности профилактической работы с данными лицами выступает важным направлением совершенствования уголовно-исполнительной политики и законодательства.

Согласно Приказу Минюста России от 20.05.2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонаруше-

ний среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы»² деятельность сотрудников исправительных учреждений, в том числе инспекций, по предотвращению правонарушений связана с выявлением и обнаружением лиц, имеющих намерение совершить правонарушение, и принятием к ним мер превентивного характера с целью недопущения реализации этих намерений (на стадии обнаружения умысла). При пресечении правонарушений определяются лица, подготавливающие или способствующие противоправному поведению, с принятием к ним профилактических мер в целях недопущения перерастания подготовительных действий в оконченное правонарушение (на стадии покушения).

Профилактика обеспечивается путем надзора и контроля за осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции, выявления причин и условий, способствующих совершению ими правонарушений, разработки и осуществления мер по их устранению (общая профилактика), установления лиц, от которых можно ожидать противоправных действий, и принятия мер по оказанию на них необходимого воздействия (индивидуальная профилактика). Общая профилактика включает: выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений; выработку и принятие мер по устранению данных обстоятельств; совершенствование деятельности инспекции по контролю за осужденными, их трудовой деятельностью, материально-бытовым обеспечением, а также оперативно-розыскной и воспитательной работы в области предупреждения совершения правонарушений среди осужденных³.

Успех профилактической работы также зависит от уровня взаимодействия исправительных учреждений с территориальными правоохранительными органами, государственными, общественными и религиозными организациями. На наш взгляд, представляется актуальным введение института общественных инспекторов в уголовно-исполнительных инспекциях, основной задачей которых должно быть оказание помощи в контроле за поведением лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, в проведении воспитательной и профилактической работы с ними. В обязанности общественного инспектора должны входить проверка осужденных по месту жительства и работы, содействие в их трудоустройстве совместно с местным центром занятости населения, контроль за выполне-

нием администрацией организаций, в которых работают осужденные, требований законодательства и т. д. Кроме того, они могут иметь право посещать осужденных по месту жительства и учебы, проводить с ними воспитательные мероприятия.

Следует отметить, что в истории отечественной пенитенциарной системы есть опыт использования общественных инспекторов. Так, в соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 23.08.1978 г. «Об утверждении Положения об общественных инспекторах органов, ведающих исполнением исправительных работ»⁴ данный институт был учрежден в целях повышения роли общественности в исправлении и перевоспитании лиц, осужденных к исправительным работам без лишения свободы, а также привлеченных к исправительным работам в административном порядке. При этом общественные инспекторы, активно и добросовестно исполняющие свои обязанности, добившиеся положительных результатов в работе, в соответствии с п. 10 данного указа поощрялись исполнительными комитетами районных, городских советов народных депутатов, органами внутренних дел, общественными организациями, руководителями предприятий, организаций и учреждений объявлением благодарности, награждением почетной грамотой, занесением в Книгу или на Доску почета, денежной премией, ценным подарком. В связи с этим целесообразно разработать положение об общественных инспекторах уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России для привлечения институтов гражданского общества к контролю за поведением осужденных, а также помощи в работе инспекций.

Так, например, в 2000 г. в Ростовской области был утвержден Приказ ГУИН Минюста России по Ростовской области от 08.04.2000 г. № 243 «Об объявлении Положения об общественных инспекторах уголовно-исполнительных инспекций ГУИН Минюста России по Ростовской области»⁵. К сожалению, данный опыт не был распространен на все инспекции страны. В 2001 г. на федеральном уровне предпринималась попытка разработать и утвердить Примерное положение об общественных инспекторах уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, но приказ ГУИН Минюста России от 22.11.2001 г. № 212, не просуществовав двух лет, был отменен, так как не прошел регистрацию в Минюсте

России. По мнению Н. В. Ольховика, проблему организации воспитательной работы с осужденными и предупреждения совершения подучетными новых преступлений невозможно решить без привлечения общественности к исполнению наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества⁶. Представляется, что использование общественных инспекторов будет способствовать укреплению взаимодействия уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества, уменьшению нагрузки на сотрудников инспекций, улучшению воспитательной и профилактической работы с осужденными.

Открытость и доступность процесса исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества, максимальное вовлечение общественности в оказание содействия в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, а также в контроле за их деятельностью являются факторами реализации принципа демократизма в уголовно-исполнительной системе. В соответствии с ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»⁷ задачами такого контроля являются повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества, содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов, формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению и др. По мнению председателя Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека В. А. Федотова, только всеобщий общественный контроль поможет победить коррупцию, казнокрадство, разгильдяйство, обеспечить реальное гражданское участие на любом уровне, в любой сфере⁸.

В связи с этим представляется важным предусмотреть общественный контроль за обеспечением прав человека при отбывании наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также порядок содействия общественных объединений в работе уголовно-исполнительных инспекций в целях исправления осужденных. Общественный контроль будет способствовать предупреждению коррупционных проявлений и иных правонарушений в деятельности данных учреждений, обеспечению прозрачности и открытости при исполнении наказаний.

Кроме того, представители общественных наблюдательных комиссий и объединений смогут оказывать содействие инспекциям в исправлении и предупреждении правонарушений и преступлений среди этой категории осужденных. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно разработать проект федерального закона «Об общественном контроле за соблюдением прав лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и об оказании содействия общественных объединений». Принятие данного законодательного акта позволит организационно мобилизовать все существующие на обслуживаемой уголовно-исполнительной инспекцией территории реабилитационные ресурсы, урегулировать в том числе вопросы привлечения негосударственных организаций и объединений, частных лиц к работе с осужденными без изоляции от общества⁹.

Известно, что постоянный надзор за осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции, выполняет важную профилактическую функцию и одновременно является одним из требований режима отбывания наказания. В соответствии с п. 26 Приказа Минюста России от 11.10.2010 г. № 258 (ред. от 02.11.2016 г.) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы»¹⁰ инспекцией осуществляется надзор за отбыванием осужденными данного вида наказания, заключающийся в наблюдении за их поведением, соблюдением ими установленных судом ограничений и принятии в случае необходимости законных мер воздействия. Для обеспечения надзора, предупреждения преступлений и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных инспекция имеет право своевременно применять меры дисциплинарного воздействия, к которым относятся меры взыскания и поощрения.

Согласно ч. 1, 2 ст. 58 УИК РФ уголовно-исполнительная инспекция может применять в отношении осужденных к ограничению свободы взыскания в виде предупреждения и официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений. Однако в законе не указано, что в отношении осужденных к исправительным и обязательным работам применяются меры взыскания. Например, в ч. 2 ст. 46 УИК РФ за нарушение осужденным к исправительным работам порядка и условий отбывания наказания инспекция может предупредить его в письменной форме о за-

мене исправительных работ другим видом наказания. Соответствующее положение предусмотрено и в отношении осужденных к обязательным работам (ч. 1 ст. 29 УИК РФ). В связи с этим логично было бы предусмотреть меры взыскания в виде предупреждения, а в последующем и официального предостережения о недопустимости нарушения порядка и условий отбывания наказания, что будет способствовать систематизации мер взыскания в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Соответственно, в ч. 1 ст. 29 УИК РФ следует указать меры взыскания и основания их применения к осужденным к обязательным работам, а в ч. 2, 3 ст. 46 УИК РФ – к осужденным к исправительным работам.

Анализируя меры поощрения, можно прийти к выводу, что весьма слабо развито поощрительное воздействие в отношении осужденных. Меры поощрения в отношении осужденных к исправительным работам вообще не предусмотрены в законе, к данной категории лиц не применяется позитивное стимулирование правопослушного поведения, что не соответствует принципам уголовно-исполнительного законодательства. Отметим, что в некоторых странах СНГ такие меры предусмотрены. Так, в соответствии с ч. 1, 2 ст. 46 УИК Украины меры поощрения применяются к осужденным к исправительным работам как собственником предприятия, учреждения, организации, на котором трудится осужденный, так и уголовно-исполнительными инспекциями.

По данным нашего исследования, на вопрос «Как Вы думаете, целесообразно ли предусмотреть в законе возможность применения представителями уголовно-исполнительных инспекций к лицам, осужденным к исправительным работам, меры поощрения в виде снятия ранее наложенного взыскания – предупреждения о замене исправительных работ другим видом наказания?» 61,1 % опрошенных сотрудников ответил положительно, 32,3 % – отрицательно, 6,6 % – затруднились ответить¹¹. В связи с этим в отношении положительно характеризующихся осужденных к исправительным работам целесообразно предусмотреть возможность досрочного снятия ранее наложенного взыскания. При этом следует указать, по аналогии с порядком применения мер поощрения к осужденным к ограничению свободы (ч. 5 ст. 59 УИК РФ), что досрочное снятие ранее наложенного взыскания допускается не ранее трех месяцев со дня наложения предупреждения, а также не ранее шести месяцев

со дня наложения официального предостережения о недопустимости нарушений порядка и условий отбывания наказания.

К осужденным к обязательным работам также не предусмотрены меры поощрения, хотя за нарушение порядка и условий отбывания наказания уголовно-исполнительная инспекция имеет право предупредить осужденного об ответственности (ч. 1 ст. 29 УИК РФ). На наш взгляд, по аналогии с осужденными к исправительным работам целесообразно предусмотреть в отношении осужденных к обязательным работам меру поощрения в виде досрочного снятия ранее наложенного взыскания, применяемую уголовно-исполнительной инспекцией. Так как обязательные работы устанавливаются на срок от 60 до 480 ч и отбываются не свыше четырех часов в день (ч. 2 ст. 49 УК РФ), то представляется оптимальным установить срок отбытия наказания для снятия ранее наложенного взыскания в виде предупреждения после отбытия не менее 50 ч, что может соответствовать с учетом рабочих дней одному месяцу обязательных работ, а для снятия ранее наложенного взыскания в виде предостережения – после отбытия не менее 100 ч. С учетом небольшого срока отбытия данного вида наказания эти сроки для досрочного снятия ранее наложенного взыскания будут реальными для этой категории осужденных.

Кроме того, следует предусмотреть в законе применение представителями инспекции к осужденным к исправительным и обязательным работам мер поощрения в виде благодарности. По данным нашего исследования, положительно к такой инициативе относятся 57,8 % сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, отрицательно – 35,2 %, 7 % затруднились ответить.

Таким образом, поощрения морального характера могут эффективно стимулировать исправление осужденных. Основаниями применения данных мер могут быть позитивное социально активное поведение и добросовестное отношение к труду осужденного. Правом применения предусмотренных мер поощрения пользуется в полном объеме начальник уголовно-исполнительной инспекции или замещающее его лицо.

Согласно ч. 5 ст. 46 УК РФ в случае злого уклонения осужденного от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, за исключением случаев назначения штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа

или взятки, штраф заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы. Соответственно, штраф может заменяться исправительными работами. Тогда представляется возможным применение к положительно характеризующимся осужденным к исправительным работам поощрительного института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в виде штрафа¹². Следует отметить, что уголовно-исполнительное законодательство Украины предусматривает в качестве меры поощрения к таким осужденным представление в суд материалов по замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в виде штрафа (ч. 2 ст. 46 УИК Украины).

По материалам нашего исследования, на вопрос «Следует ли предусмотреть в законе возможность применения судами по ходатайству уголовно-исполнительной инспекции к положительно характеризующимся осужденным к исправительным работам замены неотбытой части наказания более мягким его видом в виде штрафа?» 72,6 % сотрудников ответили положительно, 23,2 % – отрицательно, а 4,2 % затруднились ответить¹³.

На наш взгляд, также необходимо восстановить условно-досрочное освобождение в отношении осужденных к исправительным работам. Отсутствие такой возможности является причиной низкой мотивации к добросовестному выполнению своих обязанностей¹⁴. Кроме того, целесообразно указать в законе, что данная мера не применяется к осужденным, которым назначены исправительные работы в порядке применения ст. 80 УК РФ, то есть в случае реализации поощрительного института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, в связи с тем что к ним уже был

применен институт досрочного освобождения от отбывания наказания.

Поощрительные институты следует применять после фактического отбытия осужденным не менее половины срока наказания в связи со значимостью этих средств поощрительного воздействия и необходимостью изучения личности осужденного в период отбывания наказания. С учетом возрастных и социально-психологических особенностей личности несовершеннолетнего формальное основание применения этих институтов целесообразно установить после фактического отбытия им не менее одной трети срока наказания. Также важно предусмотреть, что при применении данных поощрительных институтов фактически отбытый осужденным к исправительным работам срок наказания не может быть менее шести месяцев, а для несовершеннолетних – менее трех месяцев, так как для изучения осужденного и определения степени его исправления уголовно-исполнительной инспекции необходим определенный период времени.

Таким образом, введение института общественных инспекторов исправительной колонии, создание общественного контроля за обеспечением прав человека при отбывании наказаний, не связанных с изоляцией от общества, применение инспекциями мер поощрений и взысканий, а судами позитивных стимулов в виде поощрительных институтов условно-досрочного освобождения и замены наказания в порядке ст. 80 УК РФ в отношении некоторых категорий осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, могут быть значимыми факторами в успешной профилактической работе с ними, что в целом будет способствовать достижению цели их исправления в период отбывания наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 1997. № 25. Ст. 2947.

² См.: Российская газета. 2013. 5 мая.

³ См.: Абатуров А. И. Профилактика злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, совершенных осужденными в исправительных колониях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 89.

⁴ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 35. Ст. 940.

⁵ См.: URL: <http://www.coast.ru/referats/library1/editions/prison/28/34.htm> (дата обращения: 10.05.2017).

⁶ См.: Ольховик Н. В. Организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 72.

⁷ См.: СЗ РФ. 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4213.

⁸ См.: Из стенограммы заседания совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53440> (дата обращения: 10.05.2017).

⁹ См.: Голодов П. В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-право-

¹ См.: SZ RF. 1997. № 25. St. 2947.

² См.: Rossijskaja gazeta. 2013. 5 maja.

³ См.: Abaturov A. I. Profilaktika zlostnyh narushenij ustanovlennogo porjadka otbyvanija nakazanija, sovershennyh osuzhdennymi v ispravitel'nyh kolonijah : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. S. 89.

⁴ См.: Vedomosti VS RSFSR. 1978. № 35. St. 940.

⁵ См.: URL: <http://www.coast.ru/referats/library1/editions/prison/28/34.htm> (data obrashhenija: 10.05.2017).

⁶ См.: Ol'hovik N. V. Organizacija dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'nyh inspekcij // Ugolovnaja justicija. 2013. № 1 (1). S. 72.

⁷ См.: SZ RF. 2014. № 30 (Ch. I). St. 4213.

⁸ См.: Iz stenogrammy zasedanija soveta po razvitiiju grazhdanskogo obshhestva i pravam cheloveka. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53440> (data obrashhenija: 10.05.2017).

⁹ См.: Golodov P. V. Zarubezhnyj opyt i perspektivy sozdanija sluzhby probacii v Rossii: organizacionno-pravovye aspekty //

вые аспекты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 2 (14). С. 81–88.

¹⁰ См.: Российская газета. 2010. 27 окт.

¹¹ См. подр.: Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 383.

¹² См.: Орлов В. Н. Исполнение и отбывание уголовных наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и исправительное воздействие на осужденных : лекция. М., 2011. С. 36.

¹³ См. подр.: Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 383.

¹⁴ См.: Ольховик Н. В. Средства обеспечения непенитенциарного режима // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 1. С. 57; Орлов В. Н. Исполнение и отбывание уголовных наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и исправительное воздействие на осужденных. С. 36.

Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2011. № 2 (14). S. 81–88.

¹⁰ Sm.: Rossijskaja gazeta. 2010. 27 okt.

¹¹ Sm. podr.: Babajan S. L. Pooshhritel'nye instituty ugovolno-ispolnitel'nogo prava (teorija i praktika primenenija) : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2014. S. 383.

¹² Sm.: Orlov V. N. Ispolnenie i otbyvanie ugovolnyh nakazanij v vide objazatel'nyh robot, ispravitel'nyh robot, ogranichenija svobody i ispravitel'noe vozdejstvie na osuzhdennyh : lekcija. M., 2011. S. 36.

¹³ Sm. podr.: Babajan S. L. Pooshhritel'nye instituty ugovolno-ispolnitel'nogo prava (teorija i praktika primenenija). С. 261.

¹⁴ См.: Ol'hovik N. V. Sredstva obespechenija nepenitenciar'nogo rezhima // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2011. № 1. С. 57; Orlov V. N. Ispolnenie i otbyvanie ugovolnyh nakazanij v vide objazatel'nyh robot, ispravitel'nyh robot, ogranichenija svobody i ispravitel'noe vozdejstvie na osuzhdennyh. S. 36.

УДК 343.1

Перспективы возвращения уголовного проступка в российское законодательство

Б. Я. ГАВРИЛОВ – профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

В статье обсуждается возможность введения в уголовное законодательство категории уголовного проступка, обосновывается его роль в дифференциации уголовной ответственности в целях оптимизации деятельности как органов внутренних дел, так и органов уголовно-исполнительной системы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовный проступок; дифференциация уголовной ответственности; оптимизация деятельности; органы внутренних дел; уголовно-исполнительная система.

Prospects for the return of the misdemeanour in the Russian legislation

B. YA. GAVRILOV – Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

The article is devoted to the possibility of introducing a category of misdemeanour in the criminal legislation, and justifies its role in the differentiation of the criminal liability that is intended to facilitate optimization of the both of internal affairs bodies as well as bodies of the penal system.

Key words: criminal misdemeanour; criminal liability differentiation; optimization of activities of bodies of internal affairs; penal system.

В последнее десятилетие как в научной среде (С. В. Максимов¹, Е. В. Рогова², В. Ф. Цепелев³, Н. С. Щедрин⁴ и др.), так и среди практикующих юристов (Б. Я. Гаврилов⁵,

В. В. Гордиенко⁶ и др.) активно обсуждается проблема возвращения в УК РФ уголовного проступка. С 2003 г.⁷ проводится политика либерализации уголовного наказания, направленная на дифференциацию уголовной ответственности за совершение противоправных деяний, не представляющих значительной общественной опасности⁸. В УК РФ предлагается ввести градацию противоправных деяний на преступления и уголовные проступки с целью более точной социально-политической и правовой оценки не только степени общественной опасности противоправного деяния, но и, что не менее значимо, лица, его совершившего.

Еще до принятия УК РФ 1996 г. отдельными российскими учеными (Г. А. Кригер⁹, Н. Ф. Кузнецовой¹⁰, М. Д. Шаргородским¹¹ и др.) высказывалась идея выделения в уголовном законе такой группы общественно опасных деяний, как уголовные проступки, что нашло отражение в ряде законопроектов того времени. Например, в 1974 г. рабочей группой В. И. Курляндского был подготовлен проект Кодекса уголовных проступков¹².

В условиях гуманизации российского уголовного законодательства требуется переоценка его отдельных институтов, которые призваны обеспечивать развитие

общественных отношений в современных социально-политических и экономических условиях. Этим обусловлены и достаточно масштабные изменения уголовного закона в июле 2016 г., направленные на либерализацию уголовной ответственности (в частности, федеральные законы от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ¹³, № 324-ФЗ¹⁴ и № 326-ФЗ¹⁵, неоднозначно воспринятые в первую очередь в научной среде).

Комментируя эти изменения, председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев отметил, что принятые нормы в части либерализации отечественного уголовного права требуют законодательного продолжения, поэтому в УК РФ предлагается ввести новый уголовно-правовой элемент – наказуемый проступок¹⁶.

Обозначим некоторые доводы по данному вопросу для включения в УК РФ уголовных проступков:

1. Перенасыщенность действующего законодательства уголовно-правовыми запретами, следствием чего является привлечение ежегодно к уголовной ответственности в 1992–2001 гг. более 1,5 млн взрослого населения страны, а в 2012–2016 гг. – порядка 900 тыс., что ведет к значительной криминализации общества (см. табл.).

Число обвиняемых по направленным в суд уголовным делам¹⁷

	Период (год)								
	1999	2001	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Число обвиняемых (чел.)	1 552 620	1 503 943	1 210 196	999 518	891 313	881 487	859 506	884 609	913 994

Указанные факты и привели, очевидно, к формированию среди высших должностных лиц государства мнения о необходимости декриминализации ряда деяний, не имеющих большой общественной опасности, и общему смягчению карательной политики за преступления небольшой тяжести. На данное обстоятельство председатель Верховного Суда Российской Федерации на протяжении ряда лет неоднократно обращал внимание¹⁸. Сегодня это частично реализовано указанными выше федеральными законами путем декриминализации отдельных видов преступлений с переводом их в административные правонарушения. Однако, по нашему мнению, это может привести к ослаблению борьбы с некоторыми достаточно опасными противоправными деяниями (например, кражами чужого имущества или деяниями, связанными с незаконным оборотом наркотиков)¹⁹.

К этой же категории противоправных деяний следует отнести и декриминализованную значительную часть побоев, за совершение которых, кроме группы тех, которые перечислены в ст. 116 УК РФ, предусмотрена административная ответственность, то есть практически утрачено то их значение, которое заключалось в двойной превенции, направленной на предупреждение преступлений, связанных с насилием над личностью, включая так называемые преступления на почве семейно-бытовых отношений, в том числе и убийства, факты причинения вреда здоровью различной степени тяжести.

2. При введении в УК РФ уголовного проступка излишним станет понятие деяния, в силу малозначительности не представляющего общественной опасности, закрепленное в ч. 2 ст. 14 УК РФ, положения которой сегодня порождают неоднородную судебную практику. К примеру, Судебная колле-

гия по уголовным делам Иркутского областного суда отменила приговор в отношении гр. Д., осужденного по ч. 1 ст. 161 УК РФ за открытое хищение коробки мармелада стоимостью 165 руб. 55 коп., поскольку, хотя деяние формально и подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности, так как не причинило существенного вреда потерпевшей. Или, например, по приговору Смирныховского районного суда Сахалинской области П., незаконно выловивший 8 штук рыбы кеты в местах ее нереста и тем самым причинивший ущерб на сумму 4640 руб., оправдан по п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ, так как его деяние в силу малозначительности не представляет общественной опасности. Напротив, в Иркутской области за вылов рыбы окуня в количестве 30 штук осужден М., причинивший ущерб в размере 510 руб.²⁰

На наш взгляд, необходимость введения уголовного проступка обусловлена и негативной тенденцией снижения уровня процессуального реагирования на сообщения о преступлении. Если в 2008 г. были возбуждены 2,6 млн уголовных дел и по 5,3 млн сообщений о преступлениях приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, то в 2015–2016 гг. примерно на 1,9 млн возбужденных уголовных дел пришлось уже 6,8 млн «отказных» материалов, по которым эти деяния, по оценке правоприменителя, не представляли в силу малозначительности общественной опасности. Более того, судебная практика до внесения указанных выше изменений в части установления порога уголовной ответственности в 2,5 тыс. руб. по ч. 1 ст. 158 УК РФ знала многочисленные примеры, когда квалифицированные виды краж (ч. 2, 3 ст. 158 УК РФ) не признавались преступлениями в силу малозначительности при размере ущерба менее тысячи рублей. Но такие деяния не могли быть квалифицированы и как административные правонарушения, поскольку согласно ст. 7.27 КоАП РФ хищение признается мелким только при отсутствии квалифицирующих признаков преступлений. В результате складывалась ситуация, что, например, в 2015–2016 гг. порядка 1,2 млн краж не получили должной юридической оценки со стороны государства, поскольку по ним приняты решения об

отказе в возбуждении уголовного дела, несмотря на то что лицо, совершившее кражу, не установлено, что прямо противоречит положениям ч. 1 ст. 148 УК РФ²¹.

3. Непосредственным следствием сложившейся практики явилась недоверенность показателей уголовно-правовой статистики. То, что статистическая картина не отображает реальное состояние преступности, наглядно видно из сравнения коэффициента преступности в России (1500 преступлений на 100 000 тыс. населения) и Германии, Франции, Италии, где данный показатель в 4–5 раз, а в Швеции в 8,5 раз выше, хотя уровень безопасности и общественного порядка здесь обеспечен в большей степени, чем в России. При этом должного отражения в учете преступлений не находят главным образом преступления небольшой и средней тяжести, хотя в структуре регистрируемой преступности они, например, в 2015–2016 гг. составляли порядка ¼. Этим самым обусловлено существенное снижение (с 3,85 млн преступлений в 2006 г. до 2,16 млн преступлений в 2016 г.) преступности как в целом по стране, так и по субъектам Российской Федерации. При введении категории «уголовный проступок» статистическая картина преступности, безусловно, будет более реалистичной²².

При закреплении категории уголовного проступка необходимо предусмотреть, чтобы осуждение не влекло судимости, уголовно-правовые последствия которой достаточно существенны в социальном плане, поскольку затрагивают права данного гражданина на определенные профессии, ограничивают его в решении ряда бытовых вопросов (получение кредита, выезд за границу и т. п.). При этом ряд ограничений несет не только само виновное лицо, но и его близкие родственники.

4. Введение в российское уголовное законодательство рассматриваемой категории также позволит сократить число лиц, осуждаемых к лишению свободы, и, соответственно, снизить уровень судимости населения и рецидива. Кроме того, могут быть установлены более короткие сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Тем самым выделение части преступлений в уголовные проступки и их законодательное закрепление позволят, как отмечено выше, более адекватно формировать статистику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Максимов С. В. УК на перепутье. Стоит ли форсировать работу над новым кодексом. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/07/uk.html> (дата обращения: 15.04.2017).

¹ См.: Maksimov S. V. UK na pereput'e. Stoit li forsirovat' rabotu nad novym kodeksom. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/07/uk.html> (data obrashhenija: 15.04.2017).

² См.: Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Перспективы закрепления уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5.

³ См.: Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова (Москва, 27–28 мая 2004 г.). М., 2005. С. 331–419.

⁴ См.: Щедрин Н. С. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 7.

⁵ См. подр.: Гаврилов Б. Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Российский следователь. 2011. № 16. С. 10.

⁶ См.: Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Там же. С. 4–5.

⁷ См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

⁸ См. об этом: Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса: моногр. М., 2006; Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: моногр. М., 2008.

⁹ См.: Кригер Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Сер. Право. 1979. № 2. С. 7–8.

¹⁰ См.: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 167–170.

¹¹ См.: Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма: межвуз. науч. конф. / отв. ред. Н. А. Беляев и др. Л., 1961. С. 78.

¹² См.: Кодекс уголовных проступков: проект. М., 1974.

¹³ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (Ч. II). Ст. 4256.

¹⁴ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 03.07.2016 г. № 324-ФЗ // Там же.

¹⁵ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: федер. закон от 03.07.2016 г. № 326-ФЗ // Там же. Ст. 4259.

¹⁶ См.: Российская газета. 2016. 21 июля.

¹⁷ См.: Сведения о результатах следственной работы по форме I-E: приказ Генпрокуратуры России от 20.02.2015 г. № 83 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения № 1-E (сведения о следственной работе и дознании) и № 1-EM (сведения об основных показателях следственной работы и дознания)».

¹⁸ См.: Чиновник перед высшим судом. Вячеслав Лебедев: мы поддержим гражданина в споре с бюрократом: интервью председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева // Российская газета. 2008. 2 дек.

¹⁹ См. подр.: Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37). С. 18–25.

²⁰ См. подр.: Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) // Мировой судья. 2016. № 12. С. 20–31.

²¹ См.: Сведения о результатах рассмотрения сообщений о преступлениях по форме 2-E за 2015–2016 гг.: приказ Генпрокуратуры России от 27.02.2015 г. № 89 «Об утверждении и введении в действие формы федерального статистического

² См.: Gavrilov B. Ja., Rogova E. V. Perspektivy zakreplenija ugodnogo prostupka v kontekste reformirovanija ugodnogo zakonodatel'stva Rossii // Rossijskaja justicija. 2016. № 11. S. 2–5.

³ См.: Cepelev V. F. Sootnoshenie prestuplenija i inyh pravonarushenij: sravnitel'nyj aspekt // Sootnoshenie prestuplenij i inyh pravonarushenij: sovremennye problemy: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 250-letiju obrazovanija Mosk. gos. un-ta im. M. V. Lomonosova (Moskva, 27–28 maja 2004 g.). M., 2005. S. 331–419.

⁴ См.: Shhedrin N. S. Osnovnye napravlenija reformirovanija sistemy mer ugodnogo vozdejstvija: opyt zakonodatel'nogo proektirovanija // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2012. № 2. S. 7.

⁵ См. подр.: Gavrilov B. Ja. O merah po zakonodatel'nomu sovershenstvovaniju dosudebnogo proizvodstva // Rossijskij sledovatel'. 2011. № 16. S. 10.

⁶ См.: Gordienko V. V. Zakonodatel'nye novelly i ih rol' v povyshenii jeffektivnosti bor'by s prestupnost'ju // Tam zhe. S. 4–5.

⁷ См.: O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugodovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 08.12.2003 g. № 162-FZ // SZ RF. 2003. № 50. St. 4848.

⁸ См. об этом: Alekseev A. I., Ovchinskij V. S., Pobegajlo Je. F. Rossijskaja ugodnaja politika: preodolenie krizisa: monogr. M., 2006; Gavrilov B. Ja. Sovremennaja ugodnaja politika Rossii: cifry i fakty: monogr. M., 2008.

⁹ См.: Kriger G. A. Konstitucija SSSR i sovershenstvovanie ugodnogo zakonodatel'stva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Pravo. 1979. № 2. S. 7–8.

¹⁰ См.: Kuznecova N. F. Prestuplenie i prestupnost'. M., 1969. S. 167–170.

¹¹ См.: Shargorodskij M. D. Voprosy obshhego uchenija o nakazanijah v period razvernutoj stroitel'stva kommunisticheskogo obshhestva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo v period razvernutoj stroitel'stva kommunizma: mezhvuz. nauch. konf. / otv. red. N. A. Beljaev i dr. L., 1961. S. 78.

¹² См.: Kodeks ugodovnyh prostupkov: proekt. M., 1974.

¹³ См.: O vnesenii izmenenij v Ugodovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugodovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovanija osnovanij i porjadka osvobozhdenija ot ugodovnoj otvetstvennosti: feder. zakon ot 03.07.2016 g. № 323-FZ // SZ RF. 2016. № 27 (Ch. II). St. 4256.

¹⁴ См.: O vnesenii izmenenij v Ugodovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugodovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 03.07.2016 g. № 324-FZ // Там же.

¹⁵ См.: O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s prinjatiem Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Ugodovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugodovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovanija osnovanij i porjadka osvobozhdenija ot ugodovnoj otvetstvennosti»: feder. zakon ot 03.07.2016 g. № 326-FZ // Там же. St. 4259.

¹⁶ См.: Rossijskaja gazeta. 2016. 21 ijulja.

¹⁷ См.: Svedenija o rezul'tatah sledstvennoj raboty po forme I-E: prikaz Genprokuratury Rossii ot 20.02.2015 g. № 83 «Ob utverzhenii form federal'nogo statisticheskogo nabljudenija № 1-E (svedenija o sledstvennoj rabote i doznanii) i № 1-EM (svedenija ob osnovnyh pokazateljah sledstvennoj raboty i doznanii)».

¹⁸ См.: Chinovnik pered vysshim sudom. Vjacheslav Lebedev: my podderzhim grazhdanina v spore s bjurokratom: interv'ju predsedatelya Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii V. M. Lebedeva // Rossijskaja gazeta. 2008. 2 dek.

¹⁹ См. подр.: Gavrilov B. Ja. Dosudebnoe proizvodstvo po UPK RF: koncepcija sovershenstvovanija // Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii. 2016. № 1 (37). S. 18–25.

²⁰ См. подр.: Gavrilov B. Ja., Rogova E. V. Mirovaja justicija i ugodovnyj prostupok: mnenie uchenogo i praktika (obosnovanie problemy, sovremennoe sostojanie i mery po sovershenstvovaniju) // Mirovoj sud'ja. 2016. № 12. S. 20–31.

²¹ См.: Svedenija o rezul'tatah rassmotrenijah soobshhenij o prestuplenijah po forme 2-E za 2015–2016 gg.: prikaz Genprokuratury Rossii ot 27.02.2015 g. № 89 «Ob utverzhenii i vvedenii v dejstvie formy federal'nogo statisticheskogo nabljudenija № 2-E (svedenija o rassmotrenii soobshhenij o prestuplenijah)».

наблюдения № 2-Е (сведения о рассмотрении сообщений о преступлении)».

²² См.: Сведения о количестве зарегистрированных преступлений по форме 1-А за 2006 и 2016 годы : приказ МВД России от 28.02.2012 г. № 134 «О статистической отчетности органов внутренних дел Российской Федерации».

²² Sm.: Svedenija o kolichestve zaregistrovannyh prestuplenij po forme 1-A za 2006 i 2016 gody : prikaz MVD Rossii ot 28.02.2012 g. № 134 «O statisticheskoj otchetnosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii».

УДК 343.2

Социальная обусловленность особого уголовно-правового статуса сотрудников правоохранительных органов

Е. Л. ХАРЬКОВСКИЙ – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

А. А. СЕРЕДИН – начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы влияния социальных факторов на уголовно-правовой статус сотрудников правоохранительных органов, выступающих в качестве потерпевших и субъектов преступления. Авторами делается вывод о необходимости распространения законодательных положений об ответственности сотрудников ОВД на представителей всех правоохранительных органов, а также о двоякой роли фактора общественного сознания в определении правового положения сотрудника: при определении статуса потерпевшего – второстепенной, при определении статуса субъекта преступления – доминирующей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сотрудник правоохранительного органа; дифференциация уголовной ответственности; криминализация; уголовно-правовой статус; проблемы законодательной регламентации.

Social conditionality of the special criminally-legal status of law enforcement officers

E. L. KHARKOVSKY – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

A. A. SEREDIN – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article examines the impact of social factors on the criminal legal status of law enforcement officers acting as victims and subjects of crime. The authors conclude that it is necessary to extend the legislative provisions on the responsibility of officers in the bodies of internal affairs to representatives of all law enforcement agencies, as well as the dual role of the factor of public consciousness in determining the legal status of the employee: when determining the status of the victim, it is secondary, while determining the status of the subject of the crime is the dominant one.

Key words: law enforcement officer; differentiation of criminal responsibility; criminalization; criminally-legal status; problems of legislative regulation.

Существующие и вновь вводимые нормативные положения, устанавливающие особый уголовно-правовой статус сотрудников

правоохранительных органов как потерпевших и субъектов преступления, имеют социальную основу. Некоторые факторы сво-

ей значимостью выделяются особо. Деяние должно существенно отличаться признаком общественной опасности от ситуации, когда подобное действие (бездействие) совершено в обстановке, которая не затрагивает интересы сотрудника правоохранительного органа. Помимо этого, преступное деяние должно характеризоваться типичностью общественной опасности, требуется наличие социальной и объективной потребностей установления специального правового положения.

Рассмотрим вопрос о влиянии социальных факторов на правовое положение сотрудников правоохранительных органов как потерпевших. Не смотря на то что правоохранительные органы являются гарантом общественной безопасности, их представители сами становятся объектом посягательства и нуждаются в защите. По этой причине в УК РФ законодатель выделил сотрудника в качестве самостоятельного потерпевшего. Такая необходимость обусловлена усугублением общественной опасности содеянного в сравнении с ситуацией, когда потерпевшим является иное лицо безотносительно к выполняемой социальной роли. Подобные составы преступлений предусматривают ответственность за дезорганизацию деятельности правоохранительных органов путем посягательства на сотрудника. Отягчающий фактор здесь представлен появлением второго объекта преступления – помимо личных благ страдают интересы государства.

Вторая предпосылка возникновения в уголовном законе специального потерпевшего и тем самым дифференциации ответственности связывается с типичностью ситуации, в которой страдают интересы именно данной категории лиц. Так, в советский период развития уголовного законодательства появление сотрудника правоохранительного органа как специального потерпевшего сопряжено с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. Включение сотрудника в качестве признака состава преступления именно в этот исторический момент – следствие снижения авторитета правоохранительных органов, участившихся случаев посягательств на установленный порядок управления. Аналогичные общественно опасные деяния, безусловно, имели место и в 1920–1940-е гг. Однако с течением времени изменилась их интенсивность, произошла переоценка охраняемых уголовным законом ценностей и, как результат, были внесены законодательные изменения.

Еще одним условием установления особого статуса сотрудников правоохранительных органов в уголовном законе являются особенности общественного сознания, что представляется промежуточным звеном между социальной необходимостью и ее трансформацией в виде уголовно-правовых предписаний. Классической является ситуация, при которой именно доминирующие в обществе воззрения, общепринятые традиции, формируясь в определенный исторический промежуток и получив закрепление в виде норм морали, определяют сущностную картину и адекватность вновь создаваемых нормативных предписаний¹. Законодатель не должен вводить искусственные положения, которые не отвечают сложившимся общественным настроениям. Его задача – закрепление устоявшихся социальных отношений и предпочтений.

Следует отметить, что, по данным ВЦИОМ за 2015 г., менее половины (46 %) респондентов доверяли сотрудникам полиции². Тем не менее государство как форма общественного устройства не может существовать без механизма управления и принуждения. А значит, его представители нуждаются в адекватной защите, несмотря на несоответствие принятых решений социальным ожиданиям.

Установление специального уголовно-правового статуса сотрудников должно отвечать объективным общественным потребностям и может противоречить субъективным запросам населения и даже мнению большинства. Управление в государстве осуществляется гораздо чаще с привлечением институтов представительной демократии. Подобная ситуация наблюдается во многих случаях, связанных с принятием непопулярных решений: в части запрета на применение смертной казни³, повышения тарифов, введения платы за проезд по автодорогам и т. п.

Четвертой предпосылкой внесения в текст УК РФ положений, определяющих особый статус сотрудников правоохранительных органов, является объективная потребность государства. Поскольку особенности общественного сознания не всегда соответствуют объективной потребности, понимание соответствующей необходимости происходит лишь на уровне государственного механизма. Государство в целях самосохранения заинтересовано в защите собственных представителей. Воспроизведение в УК РФ 1996 г. в качестве критерия дифференциации уголовной ответственности признака сотрудника правоохранитель-

ного органа как специального потерпевшего было вызвано: 1) необходимостью укрепления авторитета представителей государственной власти; 2) сложившейся более чем полувековой законодательной традицией; 3) значительным числом посягательств на сотрудников правоохранительных органов. По данным РИА Новости, только в течение 2015 г. при исполнении служебных обязанностей погибли более ста сотрудников МВД России⁴.

Таким образом, влияние указанных обстоятельств на принятие законодательного решения о дифференциации ответственности за посягательства на сотрудника правоохранительного органа имеет свои особенности. Требование об учете специфики общественного сознания замещалось объективной потребностью. В этом смысле появление в уголовном законе сотрудника правоохранительного органа в качестве специального потерпевшего было вызвано более объективными предпосылками, связанными с необходимостью его усиленной защиты, нежели сопряжено с соответствующим социальным запросом. Именно государственная потребность явилась здесь главным правообразующим фактором⁵, доминирующим над общественным сознанием.

Более поздний период развития уголовного законодательства характеризуется утверждением положений обратного свойства, которые ухудшали позиции сотрудника (при совершении им преступления). Данные нормы были призваны установить особое правовое положение сотрудников правоохранительных органов как субъектов преступления. Решение о включении в УК РФ соответствующих правовых норм также принималось на основе социальных факторов, которые транслировали факт наличия в содеянномотягчающих обстоятельств.

Государство не может осуществлять собственные функции, минуя своих представителей, без делегирования части полномочий. При этом осуществление такой миссии – огромная ответственность. Сотрудники правоохранительных органов должны быть образцом для других. Они наделяются дополнительными правами, существенно расширяется круг их возможностей, а значит, и поле для злоупотребления правом. Именно правоохранительные органы обязаны защищать правопорядок. Такую обязанность каждый сотрудник принимает на себя добровольно, поэтому, если он перестает отстаивать интересы государства и стремится к достижению личных целей в служебной

деятельности, посягает на общественные отношения, которые он обязан охранять, либо просто бездействует в ситуации, когда обязан совершить социально значимый поступок, должна наступать «дополнительная ответственность». Этим подтверждается наличие факторов гипертрофированной общественной опасности и объективной потребности нормативной констатации специального правового положения сотрудников.

Налицо фактор типичности совершения общественно опасных деяний сотрудниками правоохранительных органов. Так, только в отношении сотрудников полиции за год с учетом высокого уровня латентности возбуждается 3–4 тыс. уголовных дел⁶.

Поводом к принятию соответствующих норм явились разрозненные, но получившие большой общественный резонанс тяжкие и особо тяжкие преступления сотрудников правоохранительных органов, преимущественно органов внутренних дел. Единичные эпизоды преступного поведения отдельной категории сотрудников воспринимаются как основание для принятия решений лишь в отношении этой ограниченной категории лиц. Так, в 2010 г. появились положения, которые ввели новое материальное основание ответственности сотрудников (ст. 286.1 УК РФ «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа») и привели к ее ужесточению (п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ «Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел»). Внесение подобных поправок лишь отчасти соответствует потребностям эффективного противодействия преступности.

С одной стороны, обоснованная негативная общественная реакция была транслирована законодателем и нашла отражение в уголовном законе, с другой – не учитывались характер деятельности сотрудников органов внутренних дел, их доля в общей массе сотрудников правоохранительных органов. Во многом внесение соответствующих поправок имело ситуативный характер. Этим, скорее всего, можно объяснить отсутствие в ст. 286.1 УК РФ упоминания об ответственности сотрудников других правоохранительных органов. Такое дополнение является необходимым, поскольку управление каждой правоохранительной структурой предполагает вынесение приказа, неисполнение которого чревато опасностью причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан, организаций, охраняемым законом интересам общества или государства. Отсутствуют также

положения, аналогичные п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, отягчающие ответственность за сам факт совершения умышленного преступления сотрудниками других правоохранительных органов.

Оценка деятельности тех или иных правоохранительных структур населением зависит не столько от качественного подбора сотрудников, поскольку все они проходят профессиональный отбор по схожим критериям, сколько от доли их представителей в общей массе лиц, проходящих службу в органах правопорядка, и специфики служебных полномочий, предопределяющей частоту общения с ними граждан. Так, предельная штатная численность сотрудников органов внутренних дел (без персонала по охране и обслуживанию зданий), финансируемая за счет ассигнований федерального бюджета, в настоящее время составляет 905 тыс. чел.⁷, уголовно-исполнительной системы – 225 тыс.⁸ (25 % от численности органов внутренних дел), федеральной службы судебных приставов (без персонала по охране и обслуживанию зданий) – 75 тыс.⁹ (8 %), прокуратуры – 51 тыс.¹⁰ (6 %), следственного комитета – 21 тыс.¹¹ (2 %). Информация о численности ФСБ России носит закрытый характер, но по некоторым оценкам вместе с сотрудниками пограничной службы составляет около 200 тыс. чел. (примерно 22 %). Таким образом, сотрудники органов внутренних дел составляют абсолютное большинство лиц, проходящих службу в правоохранительных органах, именно они в большей мере находятся в постоянном контакте с гражданами. Нельзя также не учитывать и специфику деятельности ведомства (предупреждение, пресечение, выявление и раскрытие правонарушений, обеспечение правопорядка в общественных местах, безопасности дорожного движения). Работа полиции предполагает применение мер государственного принуждения, спецсредств, ограничение прав и свобод граждан и по другим основаниям, что также способно вызывать негативную реакцию населения.

Увеличение числа контактов граждан с представителями тех или иных государственных структур прямо пропорционально не только количеству правонарушений с их стороны, но и фактам качественного исполнения должностных обязанностей, включая проявление героизма. Однако общественный резонанс часто вызывают именно негативные события.

С одной стороны, более строгая ответственность сотрудников правоохранитель-

ных органов за допущенные ими нарушения обоснованна. Однако установление уголовной ответственности должно сопровождаться соблюдением «карательного баланса». Разрозненность законодательных положений, ситуативность вносимых изменений подрывают реализацию принципов справедливости и равенства граждан перед законом.

Усиление ответственности влечет за собой ухудшение уголовно-правового положения виновного и, как следствие, изменение наказуемости деяния осужденного. Изменение уголовно-правового статуса виновных в совершении преступлений, посягающих на сотрудников правоохранительных органов, а также статуса самих сотрудников на основе квалифицированных и вновь вводимых составов преступлений коррелирует с тенденциями уголовной политики и состоянием экономики государства. Сегодня государством в качестве основного избрано гуманистическое направление развития уголовного законодательства, которое предполагает сокращение экономического бремени. Об этом свидетельствуют вносимые в УК РФ изменения и принимаемые программные «декларации». Так, например, в параграфе 5 разд. III Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.¹² указывается на необходимость внесения корректив в Общую и Особенную части УК РФ. Предлагается и в дальнейшем расширять сферу применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, за счет реализации следующих инициатив: введения новых альтернативных наказаний (в частности, с 2017 г. – принудительных работ); увеличения количества санкций, предусматривающих наказания, не связанные с изоляцией от общества (в первую очередь, исправительные и обязательные работы); изменения содержания отдельных видов наказаний, что позволяет сделать их более адекватными социальным реалиям (например, ограничение свободы, штраф); расширения практики применения наказаний, альтернативных лишению свободы. Реализация данной декларации уже привела к существенному сокращению сотрудников в органах, призванных бороться с преступностью, а также снижению количества лиц, лишенных свободы; прогнозируется сохранение такой динамики с увеличением к 2020 г. общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, на 200 тыс. Достижение подобного результата

требует изменения текста уголовного закона и правоприменительной практики в сторону улучшения положения виновного. Дифференциация же ответственности, связанная с коррекцией уголовно-правового статуса сотрудника правоохранительного органа (и в качестве субъекта преступления, и как потерпевшего), предполагает усиление ответственности.

Любое ужесточение, имеющее уголовно-правовую основу, влечет за собой увеличение расходов в части реализации наказания. Чем менее опасным является преступление, тем меньше вероятность назначения лишения свободы. Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, по общему правилу является менее затратным. Оно не предполагает круглосуточный надзор и длительное содержание осужденного за счет государства. С увеличением в уголовном законе доли особо тяжких и тяжких преступлений растет и нагрузка на государственный бюджет. Законодатель не может не учитывать ожидаемый от дифференциации уголовной ответственности экономический эффект.

В этих условиях появление в уголовном законе специальных составов преступлений, усугубляющих ответственность виновного при совершении им преступных деяний против сотрудников правоохранительных органов, а также самих сотрудников, определенным образом противоречит кризисным явлениям рецессии в экономике России и проводимой гуманистической политике в сфере уголовного законодательства. Однако ожидаемые затраты бюджета

не должны иметь решающее значение и быть главным аргументом принятия решения по данному вопросу. Поскольку государство – не коммерческое предприятие, получение экономической выгоды и снижение затрат – важная, но не первостепенная задача.

В заключение отметим, что:

– существование в УК РФ положений, ужесточающих ответственность за совершение преступлений против сотрудников правоохранительных органов и самими сотрудниками с использованием предоставленных полномочий, безусловно, оправданно;

– в ходе принятия решений о коррекции уголовно-правового статуса сотрудника правоохранительного органа фактор общественного сознания играл различную роль: при определении правового статуса сотрудника как потерпевшего он был вытеснен объективной социальной необходимостью, а при рассмотрении его как субъекта преступления, наоборот, данному фактору была отведена доминирующая роль;

– необходимо унифицировать положения об ответственности сотрудников органов внутренних дел, распространив их на представителей всех правоохранительных органов;

– экономическая ситуация в стране задает исходные условия принятия правовых решений об улучшении (ухудшении) положения лица, совершившего преступление, является фактором, подлежащим безусловному учету, однако получение положительного экономического эффекта от реализации уголовно-правовых положений – важная, но не первостепенная задача.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 61.

² См.: Мухаметшина Е. Полицейским недостает доверия // Ведомости. 2015. 9 нояб.

³ См.: Меняется ли отношение россиян к смертной казни. URL: <http://fom.ru/Bezопасnost-i-pravo/12128> (дата обращения: 20.03.2017).

⁴ См.: День памяти погибших сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://ria.ru/spravka/20161108/1480833343.html> (дата обращения: 20.03.2017).

⁵ Термин введен Н. Ф. Кузнецовой (см.: Кузнецова Н. Ф. Социальная обусловленность уголовного закона // Правовые исследования : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию Т. Н. Церетели. Тбилиси, 1977. С. 36).

⁶ См.: Фалалеев М. Стоп-кадры // Российская газета. 2013. 18 дек.

⁷ См.: О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 05.05.2014 г. № 300 // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2396.

⁸ См.: Об установлении штатной численности работников уголовно-исполнительной системы : указ Президента Российской Федерации от 27.11.2015 г. № 577 // Там же. 2015. № 48 (Ч. II). Ст. 6818.

¹ Sm.: Rogova E. V. Uchenie o differenciacii ugovolnoj otvetstvennosti : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2014. S. 61.

² Sm.: Muhametshina E. Policejskim nedostaet doverija // Vedomosti. 2015. 9 nojab.

³ Sm.: Menjaetsja li otnoshenie rossijan k smertnoj kazni. URL: <http://fom.ru/Bezопасnost-i-pravo/12128> (data obrashhenija: 20.03.2017).

⁴ Sm.: Den' pamjati pogibshih sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://ria.ru/spravka/20161108/1480833343.html> (data obrashhenija: 20.03.2017).

⁵ Termin veden N. F. Kuznecovoj (sm.: Kuznecova N. F. Social'naja obuslovlennost' ugovolnogo zakona // Pravovye issledovanija : sb. nauch. st., posvjashh. 70-letiju T. N. Cereteli. Tbilisi, 1977. S. 36).

⁶ Sm.: Falaleev M. Stop-kadry // Rossijskaja gazeta. 2013. 18 dek.

⁷ Sm.: O nekotoryh voprosah Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.05.2014 g. № 300 // SZ RF. 2014. № 19. St. 2396.

⁸ Sm.: Ob ustanovlenii shtatnoj chislennosti rabotnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 27.11.2015 g. № 577 // Tam zhe. 2015. № 48 (Ch. II). St. 6818.

⁹ См.: Вопросы Федеральной службы судебных приставов : указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1316 // Там же. 2004. № 42. Ст. 4111.

¹⁰ См.: Об общей штатной численности органов прокуратуры Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 22.12.2016 г. № 701 // Там же. 2016. № 52 (Ч. V). Ст. 7615.

¹¹ См.: Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 14.01.2011 г. № 38 // Там же. 2011. № 4. Ст. 572.

¹² См.: Там же. 2010. № 43. Ст. 5544.

⁹ Sm.: Voprosy Federal'noj sluzhby sudebnyh pristavov : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.10.2004 g. № 1316 // Tam zhe. 2004. № 42. St. 4111.

¹⁰ Sm.: Ob obshhej shtatnoj chislennosti organov prokuratury Rossijskoj Federacii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 22.12.2016 g. № 701 // Tam zhe. 2016. № 52 (Ch. V). St. 7615.

¹¹ Sm.: Voprosy dejatel'nosti Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14.01.2011 g. № 38 // Tam zhe. 2011. № 4. St. 572.

¹² Sm.: Tam zhe. 2010. № 43. St. 5544.

УДК 343.81

О совершенствовании статьи 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации

И. А. ЯНЧУК – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье поднимается вопрос о совершенствовании ст. 74 УИК РФ, закрепляющей виды исправительных учреждений и категории осужденных, отбывающих в них наказания, дается анализ статьи с учетом положений уголовного закона, указывается на необходимость приведения ее в соответствие с нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: лишение свободы; виды исправительных учреждений; классификация осужденных; впервые осужденные; изменение вида исправительного учреждения; дифференциация исполнения наказания.

On the improvement of Article 74 of the Penal Code of the Russian Federation

I. A. YANCHUK – Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article raises the issue of the shortcomings of Article 74 of the Penal Code of the Russian Federation, which fixes the types of correctional facilities and the category of convicts serving their sentences in them. The analysis of this article is made and takes into account the provisions of the criminal law, it is pointed out the need to improve it and bring it in line with the norms of criminal and penal legislation.

Key words: deprivation of liberty; types of correctional facilities; classification of convicts; first convicts; change in the type of correctional institution; differentiation of execution of punishment.

В целях реализации дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, безопасности заключенных, предотвращения негативного влияния различных по степени общественной опасности категорий осужденных уголовно-исполнительное

законодательство предусматривает раздельное содержание различных категорий осужденных к лишению свободы. Наиболее эффективным способом разделения спецконтингента является распределение осужденных по различным видам исправи-

тельных учреждений. Еще С. В. Познышев прогнозировал, что «в будущем, вероятно, каждый тип преступников найдет себе место в особой “социальной клинике” с соответствующими его особенностям методами “социального лечения”»¹. В нашей стране распределение осужденных по различным пенитенциарным учреждениям возникло с появлением тюрем и существует по сей день². В настоящее время перечень видов исправительных учреждений с указанием категорий осужденных, которые отбывают в них наказание, содержится в ст. 74 УИК РФ. Между тем анализ данной статьи и ее сравнение с положениями уголовного законодательства показывают, что она требует существенной доработки в части используемых формулировок.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это рассогласование формулировок ст. 74 УИК РФ и положений уголовного законодательства. Так, в ч. 5 ст. 74 УИК РФ указывается на то, что «в исправительных колониях строгого режима отбывают наказание мужчины, впервые осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений», тогда как в ст. 58 УК РФ говорится о том, что в данных колониях содержатся мужчины, осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшие лишение свободы. Разница между терминами «впервые осужденные к лишению свободы» и «ранее не отбывавшие лишение свободы» очевидна. В данном случае законодатель необоснованно сузил круг лиц, отбывающих наказание в исправительных колониях строгого режима. Так, не являющимися впервые осужденными к лишению свободы, но относящимися к ранее не отбывавшим лишение свободы будут лица, осуждавшиеся к лишению свободы, но его не отбывавшие в силу разного рода причин. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»³ к ним относит: лиц, осуждавшихся к лишению свободы, но фактически не отбывавшие наказание в исправительном учреждении в связи с применением к ним акта об амнистии или освобождением от отбывания наказания в порядке помилования либо неприведением в исполнение приговора в случае истечения установленного законом срока давности обвинительного приговора; лиц, ранее осуждавшихся к лишению свободы в пределах срока нахождения под стражей или под домашним арестом в каче-

стве меры пресечения; лиц, уклонившихся от получения предписания о порядке следования к месту отбывания наказания самостоятельно на основании ст. 75.1 УИК РФ по вступившему в законную силу приговору либо получивших данное предписание, но не прибывших в колонию-поселение, и др. В этой связи полагаем целесообразным унифицировать законодательные формулировки и привести уголовно-исполнительное законодательство в соответствие с уголовным. Необходимо внести изменения в ч. 5 ст. 74 УИК РФ путем исключения слова «впервые» и дополнения после слов «особо тяжких преступлений» словами «ранее не отбывавшие наказание в виде лишения свободы».

Не согласована с УК РФ и формулировка ч. 3 ст. 74 УИК РФ. Так, в п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ указывается, что лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание наказания назначается в колониях-поселениях. Однако в рассматриваемой статье УИК РФ в части перечисления категорий отбывающих наказание в колониях-поселениях нет указания на такую характеристику осужденного, как отсутствие факта отбывания наказания. Такой неточности формулировок в законе быть не должно. В этой связи предлагаем внести изменения в ч. 3 ст. 74 УИК РФ и дополнить ее после слов «преступления небольшой и средней тяжести» словами «ранее не отбывавшие лишение свободы».

Как известно, осужденным женщинам не назначается отбывание наказания в тюрьмах. Кроме того, они не подлежат переводу в тюрьму и в порядке ст. 78 УИК РФ при изменении вида исправительного учреждения. Вместе с тем в ч. 7 ст. 74 УИК РФ предполагается содержание женщин в тюрьмах либо, по крайней мере, не дается ясного представления, могут они там содержаться или нет. В предыдущих частях данной статьи имеется четкое указание на пол осужденного, а если такое указание отсутствует, то норма распространяется на оба пола. В ч. 7 ст. 74 УИК РФ также отсутствует указание на пол осужденного. Логика подсказывает, что рассматриваемая норма должна распространяться и на женщин, однако ст. 58 УК РФ и ст. 78 УИК РФ говорят об обратном. В этой связи требуется уточнить формулировку ч. 7 ст. 74 УИК РФ и указать, что в тюрьмах

содержатся только осужденные мужского пола.

Говоря о категориях осужденных, отбывающих наказание в тюрьмах, следует обратить внимание и на ст. 130 УИК РФ. Формулировка ч. 1 указанной статьи вызывает серьезные нарекания. Так, в ней говорится, что «в тюрьмах содержатся мужчины, осужденные к лишению свободы на срок свыше пяти лет с отбыванием части срока наказания в тюрьме, а также осужденные, переведенные в тюрьму на срок до трех лет за нарушение установленного порядка отбывания наказания в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов». Однако если обратиться к ч. 7 ст. 74 УИК РФ, то можно обнаружить, что в тюрьмах отбывают наказание не все осужденные к лишению свободы на срок свыше пяти лет, а только осужденные за особо тяжкие преступления. Более того, в ч. 1 ст. 130 УИК РФ по непонятным причинам отсутствуют лица, совершившие преступления при особо опасном рецидиве, которые также отбывают наказание в тюрьме.

Кроме того, вызывает сомнения и утверждение о том, что в тюрьмы переводятся осужденные из исправительных колоний общего, строгого и особого режимов за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Согласно ч. 4 ст. 78 УИК РФ в тюрьмы переводятся злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания. Данный перевод осуществляется по причине систематических нарушений режима, нежелания выполнять требования администрации исправительного учреждения, отсутствия признаков исправления и в целом отрицательной характеристики осужденного. А за нарушение установленного порядка отбывания наказания к осужденному применяется мера взыскания согласно ст. 115 УИК РФ. И если говорить о том, что осужденные переводятся в тюрьму за нарушение установленного порядка отбывания наказания, то встает вопрос о двойной наказуемости, что недопустимо. Поэтому считаем, что ч. 1 ст. 130 УИК РФ сформулирована некорректно и ее необходимо привести в соответствие со ст. 58 УК РФ и ст. 78 УИК РФ. Думается, что первое предложение ч. 1 ст. 130 УИК РФ должно выглядеть следующим образом: «В тюрьмах содержатся мужчины, осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений на срок свыше пяти лет, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений с отбы-

ванием части срока наказания в тюрьме, а также осужденные, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, переведенные в тюрьму на срок до трех лет из исправительных колоний общего, строгого и особого режимов». Между тем встает вопрос о целесообразности указания перечня осужденных, отбывающих наказание в тюрьме, в ч. 1 ст. 130 УИК РФ при наличии ст. 74 УИК РФ. Думается, что его можно исключить.

Отдельно следует остановиться на ч. 4 ст. 74 УИК РФ. Она не выглядит противоречащей нормам уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, однако сформулирована неточно. В связи с тем что в исправительных колониях общего режима содержится сравнительно широкий перечень категорий осужденных, законодатель указывает в статье только тех, кто там не должен отбывать наказание. В данных учреждениях содержатся все осужденные мужчины, кроме тех, кто отбывает наказание в исправительных колониях строгого и особого режимов, а также в тюрьмах, и все осужденные женщины. Очевидно, что перечень сильно расширен, прежде всего потому, что не указан вид наказания. Согласимся, что осужденные к обязательным или исправительным работам могут отбывать лишение свободы в случае их замены при злостном уклонении. Однако при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью такое вряд ли возможно. Думается, что лучше указать те категории осужденных, которые действительно отбывают наказание в исправительных колониях общего режима, а именно: мужчины, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшие наказание в виде лишения свободы; женщины, осужденные к лишению свободы; осужденные к наказаниям в виде штрафа, обязательных, исправительных, принудительных работ, ограничения свободы, которым данные виды наказаний заменены на лишение свободы в связи с уклонением от их отбывания; осужденные, переведенные из воспитательных колоний; осужденные, переведенные из колоний-поселений в порядке ст. 78 УИК РФ; а также осужденные, совершившие преступления небольшой или средней тяжести, ранее не отбывавшие лишение свободы, либо по неосторожности, которым суд назначил отбывание наказания в исправительной колонии

общего режима в порядке п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ с указанием мотивов принятого решения в приговоре.

Кроме обозначенных выше недостатков ч. 5 ст. 74 УИК РФ содержит неполный перечень осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях строгого режима. Необоснованно не указаны осужденные, переведенные из исправительных колоний особого режима в порядке ст. 78 УИК РФ.

Полагаем, что необходимо в ч. 5 ст. 74 УИК РФ включить и данную категорию осужденных.

Таким образом, нами обозначены предложения по внесению изменений в нормы УИК РФ, регулирующие распределение осужденных по видам исправительных учреждений. Полагаем, что они окажутся полезными в деле совершенствования уголовно-исполнительного законодательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. С. 165.

² См.: Середина С. П., Житков А. А. Историческое развитие нормативного закрепления в российском законодательстве места и вида учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 23–28.

³ См.: Российская газета. 2014. 4 июня.

¹ Poznyshov S. V. Osnovy penitenciarnoj nauki. M., 1923. S. 165.

² Sm.: Sereda S. P., Zhitkov A. A. Istoricheskoe razvitie normativnogo zakreplenija v rossijskom zakonodatel'stve mesta i vida uchrezhdenij, prednaznachennyh dlja otbyvanija nakazanija v vide lishenija svobody // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 4 (36). S. 23–28.

³ Sm.: Rossijskaja gazeta. 2014. 4 ijunja.

УДК 343.4

Уголовно-правовые механизмы защиты права на свободу совести и вероисповедания в России

С. П. СЕРЕДА – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются исторический опыт развития и современное закрепление уголовно-правовых механизмов защиты права на свободу совести и вероисповедания в России; анализируются уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за нарушение данного конституционного права, соответствующие составы преступлений соотносятся с составами административных правонарушений в указанной сфере; отмечаются неточность и дублирование положений уголовного закона и административно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания; формулируются предложения по внесению изменений в ст. 148 УК РФ.

Ключевые слова: свобода совести и вероисповедания; уголовная ответственность; преступление; административное правонарушение.

Criminally-legal mechanisms of protection the right to freedom of conscience in Russia

S. P. SEREDA – Scientific Secretary of the Scientific Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article examines the historical experience of development and modern consolidation of criminal legal mechanisms for protecting the right to freedom of conscience in Russia; analyzes criminal law standards providing for responsibility for

the violation of this constitutional right, the relevant corpus delicti are correlated with the corpus delicti of administrative offenses in this area; there is noted inaccuracy and duplication of the provisions of the criminal law and the administrative and legal norms providing for responsibility for the violation of the right to freedom of conscience; proposals are formulated to amend Art. 148 Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: freedom of conscience; criminal liability; a crime; administrative offense.

Обеспечение и защита свободы совести и вероисповедания всегда были значимы для многонационального и многоконфессионального российского государства. Правовому регулированию отношений в данной сфере, в том числе посредством уголовно-правовых мер, на различных этапах исторического развития уделялось особое внимание.

Как отмечают некоторые специалисты, уже Русская Правда представляла собой церковный судебник, роль церкви и церковная юрисдикция затрагивались в Новгородской и Псковской судных грамотах, появившихся в результате кодификации в XV в.¹ В Судебнике 1497 г. впервые говорится о противоцерковном преступлении, в Стоглаве 1551 г. некоторые нормы были посвящены уголовному праву, а в статьях Соборного уложения 1649 г. впервые в светской кодификации предусматривалась ответственность за церковные преступления, которые в кодексе стояли на первом месте².

До XVII в. включительно расширялась компетенция церковного суда, происходил институциональный обмен судебными полномочиями между церковью и государством, однако в имперский период юрисдикция церкви стала сокращаться³. В XVIII в. в уголовном законодательстве России все больше усиливается отделение правовых норм от религиозных предписаний, термина «преступление» от христианского понятия «грех»⁴.

В XIX в. православное вероисповедание носило официальный характер и считалось основой самодержавной власти, однако при этом уже закреплялась и свобода вероисповедания, что нашло отражение в составлении Свода законов Российской империи 1832 г. и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в которых устанавливалась ответственность за преступления против веры⁵. Общая направленность правовых норм об ответственности за религиозные преступления сохранялась и в Уложении о наказаниях 1885 г., а также в Уголовном уложении 1903 г., которое уже защищало от посягательств не только православие, но и иные признанные нехристианские вероисповедания⁶.

23 апреля 1906 г. были приняты Основные законы Российской империи, в которых закреплялось, что «российские подданные пользуются свободой веры»⁷. Однако в 1917 г. после Февральской и Октябрьской революций в нашей стране начался период радикальных мер в разрешении вопросов, касающихся свободы совести и вероисповедания. И Конституция РСФСР 1918 г., и Конституция РСФСР 1925 г., и Конституция СССР 1936 г. провозглашали свободу совести, религиозной и антирелигиозной пропаганды⁸. Однако на практике гонения на верующих начались с первых дней советской власти и продлились до середины XX в., а общее число пострадавших за веру составило, по оценкам некоторых специалистов, 564 тыс. чел. только из числа духовенства и их семей⁹.

Конституция СССР 1977 г. гарантировала гражданам СССР свободу совести. Однако, по мнению ученых, международно-правовые стандарты о свободе совести в это время практически не учитывались, а понятие светского государства фактически приравнивалось к атеистическому восприятию любых организационных форм¹⁰.

Конституция Российской Федерации (ст. 14) провозглашает нашу страну светским государством и устанавливает, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28).

Как показывают различные исследования, за последние 25 лет доля верующих в нашей стране выросла с 49 до 67 %, при этом от 60 до 80 % россиян считают себя православными, около 40 % идентифицирует себя с Русской православной церковью. Около 6,5 % исповедуют ислам, 1,2 % – традиционную религию своих предков, поклоняются богам и силам природы, 0,4 % – буддизм, 0,2 % – протестантизм, 0,1 % – католицизм,

0,1 % – иудаизм¹¹. Официально в России на 1 января 2017 г. было зарегистрировано 29 840 религиозных организаций, относящихся к 48 конфессиям, что превышает аналогичный показатель прошлого года¹².

От возможности реализации права на свободу совести и вероисповедания во многом зависит благополучие конкретного человека, а также государства и общества в целом. Отношение к религии предопределяет отношение человека к другим ценностям, людям, государству и обществу, обуславливает его поведение. Злоупотребление же свободой совести и вероисповедания либо нарушение этого права нередко влечет значительные негативные последствия, о чем, в частности, свидетельствуют статистические данные.

В 2015 г. органами юстиции и прокуратуры было выявлено около 1 тыс. нарушений закона о религиозных объединениях и противодействии экстремизму, сделан вывод о создании опасных предпосылок для распространения религиозного экстремизма. За последние десять лет судом запрещена деятельность 71 организации, пропагандирующей радикальные идеи, в том числе в связи с признанием экстремистскими – 47, террористическими – 24¹³.

Граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут установленную федеральными законами ответственность, в том числе уголовную, за нарушение законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных объединениях. Основы системы мер защиты и обеспечения свободы совести и вероисповедания в нашей стране закреплены в Федеральном законе от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁴, а также в ряде других связанных с ним нормативных правовых актах, в частности в Федеральном законе от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁵.

В ст. 3, 4, 6 и других федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» названы основные возможные нарушения законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных объединениях, за большинство из которых предусматривается только общий запрет на их совершение и недопущение. В соответствии со ст. 26 данного закона нарушение законодательства в рассматриваемой сфере влечет уголовную, административную и иную ответственность

в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В ст. 148 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания, в том числе: за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, совершение которых в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, влечет более строгое наказание; незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, влекущее более строгое наказание, если совершено лицом с использованием своего служебного положения либо с применением насилия или с угрозой его применения. Кроме того, мотивы религиозной ненависти или вражды учитываются как отягчающие наказание обстоятельства (ст. 63) и квалифицирующие признаки, влекущие более строгое наказание за совершение целого ряда других преступлений: убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ч. 4 ст. 150), хулиганство (ст. 213), вандализм (ст. 214), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244) и др.

Уголовный закон также предусматривает ответственность за такие деяния, как создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, руководство таким объединением, участие в нем, а равно пропаганду его деяний (ст. 239); действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам отношения к религии, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (ст. 282); организация экстремистского сообщества (ст. 282.1); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2). Религиозные признаки также могут являться частью таких преступлений, как нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136) и геноцид (ст. 357).

В целом следует отметить, что уголовное право достаточно полно охватывает своими

нормами и предусматривает ответственность за наиболее опасные нарушения законодательства о свободе совести, вероисповедания и о религиозных объединениях. Использование достаточно широких формулировок при описании преступлений (например, «незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний» (ч. 3 ст. 148)), с одной стороны, позволяет охватить большую часть нарушений в рассматриваемой сфере, упомянутых в федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях», а с другой – по-разному трактовать одни и те же деяния. На наш взгляд, уголовная ответственность за наиболее опасные нарушения свободы совести и вероисповедания (принуждение к определению отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, к участию в деятельности религиозных объединений, к участию в обучении религии, особенно в отношении несовершеннолетних) должна быть прямо предусмотрена в ст. 148 УК РФ.

Кроме этого, следует отметить, что различия между отдельными составами преступлений и административных правонарушений в рассматриваемой сфере являются либо незначительными, либо неточными (ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ и ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, ч. 3 ст. 148 УК РФ и ч. 1 ст. 5.26 КоАП РФ). Так, в соответствии со ст. 5.26 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушения законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных объединениях, в том числе за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания (ч. 1 ст. 5.26) и умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчу или уничтожение (ч. 2 ст. 5.26), схожие с деяниями, ответственность за которые предусмотрена соответственно ч. 3 и ч. 1 ст. 148 УК РФ (незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, а также публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств). Преступление, о котором идет речь в ч. 3 ст. 148 УК РФ, фактически представляет со-

бой воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания, охватывает большую часть отношений в сфере реализации рассматриваемого конституционного права. В свою очередь, административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, фактически является одним из возможных проявлений публичного оскорбления религиозных чувств, уголовная ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 148 УК РФ. При этом следует отметить, что, хотя практика привлечения к административной ответственности по ст. 5.26 КоАП РФ и незначительна, однако количество рассматриваемых судами дел растет. Так, в 2014 г. по этой статье судами общей юрисдикции по первой инстанции было рассмотрено 7 дел, в 2015 г. – 5, а в 2016 г. – 81¹⁶.

В соответствии с федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях» религиозная организация является одной из двух разновидностей религиозных объединений наряду с религиозной группой. Основное различие состоит в том, что религиозная группа осуществляет деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица (ст. 7). Однако, несмотря на это, и религиозная организация, и религиозная группа являются добровольными объединениями граждан в целях совместного исповедания и распространения веры. Конституционное право на свободу совести и вероисповедания в равной мере должно охраняться законом и судом независимо от того, о какой форме религиозного объединения граждан идет речь. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в соответствии с ч. 3 ст. 148 УК РФ уголовная ответственность предусмотрена за воспрепятствование деятельности лишь религиозных организаций. Религиозные группы этой уголовно-правовой нормой не защищаются.

Следует отметить, что по ст. 148, а также по ряду других названных выше статей уголовного закона ежегодно осуждается достаточно незначительное количество лиц. Так, по ст. 148 УК РФ было осуждено: в 2016 г. – 5 чел., причем все по ч. 1 – за публичные действия, выражающие неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих; в 2015 г. – 2 чел., один из которых признан неменяемым; в 2014 г. осужденных по данной статье не было, что может объясняться как латентностью преступлений, так и несовершенством самой нормы, делающей ее невос-

требуемой. В то же время из приведенных данных видно, хотя и незначительная, но отрицательная динамика преступлений в указанной сфере, причем с преобладанием деяний, связанных с публичным оскорблением религиозных чувств верующих. Также необходимо учитывать, что даже одно такое деяние сегодня вызывает общественный резонанс.

Анализ норм, содержащихся в ст. 148 УК РФ, позволяет говорить об их неполноте, так как они касаются лишь свободы вероисповедания, оставляя без внимания свободу совести как неотъемлемую часть рассматриваемого конституционного права. Содержание данной статьи не соответствует ее названию. Ведь согласно ст. 28 Конституции Российской Федерации свобода совести и вероисповедания предполагает не только свободу религиозных, но и иных убеждений. При этом, как справедливо указывают некоторые авторы, провести четкую грань между религиозными и иными убеждениями, а значит и между религиозными и иными объединениями граждан очень сложно, в том числе и по причине намеренных действий отдельных участников этих отношений, преследующих деструктивные цели¹⁷.

Об опасных процессах в сфере реализации свободы совести и вероисповедания свидетельствует статистика о преступлениях экстремистской направленности. Так, за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, в том числе по религиозным мотивам, по ст. 282 УК РФ в 2016 г. было осуждено 395 чел., в 2015 г. – 378, в 2014 г. – 115, по ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» в 2016 г. – 16 чел., в 2015 г. – 7, в 2014 г. – 4; по ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации» в 2016 г. – 18 чел., в 2015 г. – 29, в 2014 г. – 22¹⁸. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2015 г. отмечен заметный рост преступлений экстремист-

ской направленности (с 1034 до 1329), количество случаев возбуждения ненависти, вражды, публичных призывов к экстремистской деятельности выросло на 40 %¹⁹.

Таким образом, следует отметить, что в действующем уголовном законодательстве России уделяется достаточно большое внимание защите конституционного права на свободу совести и вероисповедания. Вместе с тем широкие формулировки закона и дублирование норм при описании составов административных правонарушений и преступлений в указанной сфере создают возможности для произвольного толкования и применения соответствующих норм на практике. Необходимо более точное описание составов правонарушений и преступлений, в том числе отдельное закрепление в ст. 148 УК РФ уголовной ответственности за основное нарушение свободы совести и вероисповедания – принуждение к определению отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, к участию в деятельности религиозных объединений, к участию в обучении религии, особенно в отношении несовершеннолетних. Также необходимо провести более четкую грань между составами административных правонарушений и преступлений, предусмотренных ч. 1, ч. 2 ст. 148 УК РФ и ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, ч. 3 ст. 148 УК РФ и ч. 1 ст. 5.26 КоАП РФ. Кроме этого, следует обеспечить равную уголовно-правовую защиту религиозных групп и религиозных организаций от воспрепятствования их деятельности, для чего необходимо в ч. 3 ст. 148 УК РФ слова «религиозных организаций» заменить словами «религиозных объединений». Также ст. 148 УК РФ нуждается в уточнении и дополнении и в части, касающейся обеспечения защиты от нарушений права не только на свободу вероисповедания, религиозных убеждений, но и совести.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 19, 214; Исаев И. А. История государства и права России : учеб. М., 2004. С. 40, 62.

² См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 172; Земцов Б. Н. История отечественного государства и права : учеб.-метод. комплекс. М., 2009. С. 74.

³ См.: Павлушков А. Р. Практика применения телесных наказаний Русской православной церковью в имперский период // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (30). С. 101; Он же. Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике Российского государства // Там же. 2014. № 2 (26). С. 83.

⁴ См.: Земцов Б. Н. История отечественного государства и права. С. 109.

¹ См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. M., 1984. T. 1. S. 19, 214; Isaev I. A. Istorija gosudarstva i prava Rossii : uceb. M., 2004. S. 40, 62.

² См.: Isaev I. A. Istorija gosudarstva i prava Rossii. S. 172; Zemcov B. N. Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava : uceb.-metod. kompleks. M., 2009. S. 74.

³ См.: Pavlushkov A. R. Praktika primeneniya telesnyh nakazaniy Russkoj pravoslavnoj cerkov'ju v imperskij period // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 3 (30). S. 101; On zhe. Anafema kak forma ugolovnoj i politicheskoj repressii v karatel'noj politike Rossijskogo gosudarstva // Tam zhe. 2014. № 2 (26). S. 83.

⁴ См.: Zemcov B. N. Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava. S. 109.

- ⁵ См.: Исаев И. А. История государства и права России. С. 377.
- ⁶ См.: Шингарева Н. В. Религиозные преступления и ответственность за их совершение в Уголовном уложении 1903 г. // Вестник экономической безопасности. 2015. № 5. С. 147–150.
- ⁷ Земцов Б. Н. История отечественного государства и права. С. 172.
- ⁸ См.: Памятники российского права : в 35 т. / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2016. Т. 24; Права человека в России: история, теория и практика : учеб. пособие / Караманукян Д. Т. [и др.]. Омск, 2015. С. 38.
- ⁹ См.: Емельянов Н. Е., Хайлова О. И. Гонения на русскую православную церковь (1917–1950-е годы) // Россия и современный мир. 2008. № 4 (61). С. 111–128.
- ¹⁰ См.: Дорская А. А. Российская конституционно-правовая традиция регулирования свободы совести // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юрид. науки. 2016. № 1 (21). С. 17–24.
- ¹¹ См.: URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115677> (дата обращения: 15.05.2017); Атлас религий и национальностей России. URL: <http://sreda.org/arena> (дата обращения: 15.05.2017).
- ¹² См.: URL: http://minjust.ru/sites/default/files/itogovyy_doklad_za_2015_g_1_0.pdf (дата обращения: 16.05.2017); URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/gosudar/02-11.docx (дата обращения: 16.05.2017).
- ¹³ См.: URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1091254/> (дата обращения: 17.05.2017).
- ¹⁴ См.: СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
- ¹⁵ См.: Там же. 2002. № 30. Ст. 3031.
- ¹⁶ См.: URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 17.05.2017).
- ¹⁷ См.: Рудаков А. М. Теоретико-правовые проблемы реализации свободы вероисповедания осужденными к лишению свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2 (26). С. 31–35.
- ¹⁸ См.: URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 17.05.2017).
- ¹⁹ См.: URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1091254/> (дата обращения: 17.05.2017).
- ⁵ См.: Isaev I. A. Istorija gosudarstva i prava Rossii. S. 377.
- ⁶ См.: Shingareva N. V. Religioznye prestuplenija i otvetstvennost' za ih sovershenie v Ugolovnom ulozhenii 1903 g. // Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti. 2015. № 5. S. 147–150.
- ⁷ Zemcov B. N. Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava. S. 172.
- ⁸ См.: Pamjatniki rossijskogo prava : v 35 t. / pod obshh. red. R. L. Hachaturova. M., 2016. T. 24; Prava cheloveka v Rossii: istorija, teorija i praktika : ucheb. posobie / Karamanukjan D. T. [i dr.]. Omsk, 2015. S. 38.
- ⁹ См.: Emel'janov N. E., Hajlova O. I. Gonenija na russkuju pravoslavnuju cerkov' (1917–1950-e gody) // Rossija i sovremennyy mir. 2008. № 4 (61). S. 111–128.
- ¹⁰ См.: Dorskaja A. A. Rossijskaja konstitucionno-pravovaja tradicija regulirovanija svobody sovesti // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Jurid. nauki. 2016. № 1 (21). S. 17–24.
- ¹¹ См.: URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115677> (дата обращения: 15.05.2017); Atlas religij i nacional'nostej Rossii. URL: <http://sreda.org/arena> (дата обращения: 15.05.2017).
- ¹² См.: URL: http://minjust.ru/sites/default/files/itogovyy_doklad_za_2015_g_1_0.pdf (дата обращения: 16.05.2017); URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/gosudar/02-11.docx (дата обращения: 16.05.2017).
- ¹³ См.: URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1091254/> (дата обращения: 17.05.2017).
- ¹⁴ См.: SZ RF. 1997. № 39. St. 4465.
- ¹⁵ См.: Там же. 2002. № 30. St. 3031.
- ¹⁶ См.: URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 17.05.2017).
- ¹⁷ См.: Rudakov A. M. Teoretiko-pravovye problemy realizacii svobody veroispovedanija osuzhdennymi k lisheniju svobody // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 2 (26). S. 31–35.
- ¹⁸ См.: URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 17.05.2017).
- ¹⁹ См.: URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1091254/> (дата обращения: 17.05.2017).

УДК 343.22

Актуальные проблемы соучастия в современном уголовном праве

А. А. ЖИТКОВ – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются формы соучастия в современном уголовном законодательстве на примере конкретных статей Особенной части УК РФ, освещается судебная практика по привлечению к уголовной ответственности за деяния при совместном неосторожном причинении вреда, а также формулируются конкретные предложения по совершенствованию института соучастия.

Ключевые слова: соучастие; умышленное преступление; преступление по неосторожности; причинение вреда; причинение вреда группой лиц.

Actual problems of complicity in the contemporary criminal law

A. A. ZHITKOV – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article analyzes the forms of complicity in the contemporary criminal law on the example of specific articles of the Special part of the Criminal code of the Russian Federation, highlights the judicial practice of criminal prosecution for the crimes with joint careless infliction of harm, and also formulates concrete suggestions on perfection of institute of complicity.

Key words: complicity; intentional crime; the crime of negligence; causing harm; the harming group of people.

Институт соучастия традиционно является одним из наиболее сложных в теории уголовного права. Его корни уходят еще к средневековым правовым источникам. Однако до настоящего времени он остается дискуссионным. Большое количество способов группового совершения преступлений, отсутствие ясности и конкретности уголовных норм, касающихся соучастия, неоднозначная судебная практика создают трудности в вопросах квалификации групповых преступлений, индивидуализации и дифференциации ответственности¹.

Спор о возможности соучастия в неосторожном преступлении среди отечественных ученых имеет давнюю историю. Еще в XIX в. известные российские правоведы отмечали, что «соучастие есть умышленное содействие умышленному совершению преступления. Несомненно, что человек, действовавший по неосторожности, может быть виновником, но не может нести ответственности за совместное действие других, то есть он может быть ответственным за неосторожность, но не за соучастие»².

Анализ уголовного законодательства зарубежных стран показывает, что вопрос соучастия в неосторожном преступлении решается по-разному. Например, законодательство США, Англии, Италии, Франции допускает неосторожное соучастие, тогда как Беларуси, Казахстана, Украины, Китая исключает такую возможность.

В советском уголовном праве рассматриваемое понятие нашло свое законодательное закрепление только с принятием в 1960 г. УК РСФСР³. В предыдущих кодексах 1922 и 1926 гг. предусматривалась лишь ответственность за групповые преступления, а само понятие соучастия не раскрывалось.

В ст. 17 УК РСФСР 1960 г. соучастие определялось как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Такая дефиниция вызывала разногласия, так как содержала указание на совместное участие двух и более лиц в совершении преступления без учета форм вины, то есть теоретически в соучастии могли совершаться преступления с любой формой вины, как умышленные, так и не-

сторожные. Это дало новый толчок для дискуссии о возможности соучастия в неосторожном преступлении.

Мнения отечественных ученых по данному вопросу разделились: некоторые считали, что возможно неосторожное сопричинение вреда (А. Н. Трайнин⁴, М. Д. Шаргородский⁵), другие, например А. А. Пионтковский, М. А. Шнайдер, Г. Б. Виттенберг, выступали против признания возможности соучастия в неосторожном преступлении, предлагая интерпретировать соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления⁶. Однако в тот исторический период мнение указанной группы теоретиков законодателем услышано не было.

В действующем уголовном законодательстве под соучастием в преступлении понимается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ). Данной формулировкой полностью исключается возможность соучастия при совершении неосторожного преступления.

При этом некоторые формулировки Особенной части УК РФ и правоприменительная практика допускают отступление от указанной позиции.

Так, в 2010 г.⁷ УК РФ был дополнен ст. 263.1, предусматривавшей ответственность за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах. В 2014 г.⁸ указанная статья была изменена.

Статья 263.1 в новой редакции предусматривает ответственность за неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба.

Не раскрывая полной уголовно-правовой характеристики преступления, предусмотренного ст. 263.1 УК РФ, остановимся на анализе ее субъективной стороны, которая характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности.

Виновный предвидит возможность причинения тяжкого вреда здоровью человека или крупного ущерба вследствие нарушения требований безопасности, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение (преступное легкомыслие). При преступной небрежности лицо не предполагает наступления вредных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

Кроме изменений в интерпретации диспозиции в 2014 г. ст. 263.1 была дополнена квалифицирующими признаками, а именно: совершение деяний, предусмотренных частями первой или второй, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой.

Указанные новеллы не выдерживают никакой критики, поскольку напрямую противоречат нормам Общей части УК РФ.

В частности, в ст. 35 УК РФ раскрывается понятие совершения преступления при различных видах соучастия. Совершенным группой лиц по предварительному сговору признается преступление, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совершении преступления. Совершенным организованной группой признается преступление, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Таким образом, в обоих случаях лица договариваются либо объединяются для достижения единой преступной цели, которая чаще всего характеризует преступление как оконченное. А достижение такой цели совместными и согласованными действиями говорит о наличии умысла.

Вообще сложно представить группу лиц, предварительно договорившихся и объединившихся для совершения «неосторожного» преступления, потому как при сговоре определяется конечный результат совместных преступных действий, то есть преступная цель, для достижения которой соучастники договариваются о характере и объеме участия каждого, порой распределяя между собой роли.

Состав преступления, предусмотренного ст. 263.1 УК РФ, по своей конструкции материальный, то есть указанное преступление будет считаться оконченным только в случае наступления последствий в виде крупного ущерба либо причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человеку.

Если гипотетически представить, что несколько лиц договорились либо объ-

единились в преступную группу в целях неисполнения требований по обеспечению безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, то, по-видимому, это должно выглядеть как создание ими условий на указанных объектах и средствах, которые будут являться опасными для жизни и здоровья граждан либо могут повлечь причинение крупного ущерба. При этом данные лица будут предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью, смерти человека либо крупного ущерба, а это явно указывает на наличие у соучастников единого преступного умысла. Поэтому такие действия должны быть квалифицированы не по ст. 263.1 УК РФ, а в зависимости от направленности умысла соучастников по другим статьям Особенной части.

Анализ официальных информационных источников свидетельствует об отсутствии статистических данных о привлечении лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 263.1 УК РФ, с момента введения указанной нормы⁹.

На рассмотренном примере несоответствия норм Общей и Особенной частей УК РФ можно вести дискуссию лишь о совершении указанного неосторожного преступления группой лиц без предварительного сговора. Данная формулировка, в свою очередь, позволяет утверждать, что соучастие возможно и при совершении неосторожного преступления.

Следует отметить, что на практике достаточно часто встречаются случаи совершения неосторожных преступлений, общественно опасные последствия которых являются результатом действий либо бездействий нескольких лиц. При этом действия данных лиц могут быть как совместными и согласованными, так и самостоятельными, не взаимосвязанными друг с другом. Последнее не охватывается характеристикой соучастия, так как обязательным его признаком является совместность, о чем справедливо отмечается в научной литературе¹⁰.

Например, двое рабочих, совместно сбрасывая с крыши дома крупногабаритный строительный мусор, причиняют тяжкий вред здоровью рабочего, оказавшегося внизу. Общественно опасные последствия в виде тяжкого вреда здоровью наступают в результате совместных и согласованных действий двух рабочих.

В другом случае, когда водители двух автомобилей, нарушая правила дорожного

движения, выезжают на перекресток на запрещающий сигнал светофора, допускают столкновение, оказываются на тротуаре, сбивают пешехода, причиняя ему тяжкий вред здоровью, последствия наступают от действий также двух лиц, но действовавших самостоятельно и несогласованно.

Рассмотрев эти примеры, можно сделать вывод о возможности совершения неосторожного преступления, общественно опасные последствия которого являются результатом совместных действий (бездействий) нескольких лиц.

Обратимся к судебной практике на примере квалификации деяния по ч. 4 ст. 111 УК РФ, предусматривающей ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, повлекшее по неосторожности его смерть. Подобные преступления являются достаточно распространенными.

Так, приговорами Вологодского городского суда от 19.05.2010 г. Б., Д. и Л. были признаны виновными и осуждены за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшее по неосторожности смерть последнего, совершенное группой лиц по предварительному сговору¹¹, от 15.08.2012 г. К., П. и С. также были осуждены по ч. 4 ст. 111 УК РФ¹². Можно продолжать

этот список, а если обратиться к общероссийской практике, то примеры будут исчисляться сотнями.

Таким образом, и судебная практика свидетельствует о возможности совершения преступления, неосторожные общественно опасные последствия которого являются следствием совместных и согласованных действий группы лиц. Может, проблема заключается не в возможности соучастия в неосторожном преступлении, а в его понятийном определении?

Резюмируя сказанное, сформулируем предложения по совершенствованию уголовного законодательства:

1) следует исключить из ч. 3 ст. 263.1 УК РФ квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору», а из ч. 4 указанной статьи «совершение преступления организованной группой» как не соответствующие нормам Общей части УК РФ и невозможные для применения в судебной практике;

2) необходимо расширить рамки толкования соучастия, предусмотрев его возможность как в умышленном, так и в неосторожном преступлении, что позволит правильно квалифицировать групповые преступления с учетом различных форм вины и дифференцировать ответственность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Противодействие коррупции в УИС: уголовно-правовой и криминологический аспекты : моногр. / Боровиков С. А. [и др.]. Вологда, 2016; Соболев В. В. Основания и дифференциация ответственности соучастников преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 17; Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 1 (21). С. 4–8.

² Левицкий Г. А. Русские и западноевропейские ученые XIX и начала XX вв. об уголовном законе, преступлении и наказании : хрестоматия. СПб., 2004. С. 110.

³ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 (утратил силу).

⁴ См.: Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб., 2004.

⁵ См.: Шаргородский М. Д. Вопросы Общей части уголовного права. Законодательство и судебная практика / отв. ред. В. А. Иванов. Л., 1955; Он же. Некоторые вопросы учения о соучастии // Правоведение. 1960. № 1.

⁶ См.: Пионтковский А. А. Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М., 1954. С. 99; Он же. Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1958. С. 228; Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 8; Виттенберг Г. Б. О некоторых спорных вопросах учения о соучастии // Труды Иркутского государственного университета. 1958. Т. XXVII. Вып. 4. С. 62.

⁷ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением транспортной безопасности : федер. закон от 27.07.2010 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4164.

⁸ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности : федер. закон от 03.02.2014 г. № 15-ФЗ // Там же. 2014. № 6. Ст. 566.

¹ См., напр.: Protivodejstvie korruptcii v UIS: ugovolno-pravovoj i kriminologičeskij aspekty : monogr. / Borovikov S. A. [i dr.]. Vologda, 2016; Sobolev V. V. Osnovaniya i differenciacija otvetstvennosti souchastnikov prestuplenija : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2000. S. 17; Kruglikov L. L., Lapshin V. F. Osobennosti pravovogo soderzhaniya osnovanij differenciacii ugovolnoj otvetstvennosti // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 1 (21). S. 4–8.

² Levickij G. A. Russkie i zapadnoevropejskie uchenye XIX i nachala XX vv. ob ugovolnom zakone, prestuplenii i nakazanii : hrestomatija. SPb., 2004. S. 110.

³ См.: Ведомости VS РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 (утратил силу).

⁴ См.: Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб., 2004.

⁵ См.: Shargorodskij M. D. Voprosy Obshhej chasti ugovolnogo prava. Zakonodatel'stvo i sudebnaja praktika / otv. red. V. A. Ivanov. L., 1955; On zhe. Nekotorye voprosy uchenija o souchastii // Pravovedenie. 1960. № 1.

⁶ См.: Piontkovskij A. A. Voprosy Obshhej chasti ugovolnogo prava v praktike sudebno-prokurorskih organov. M., 1954. S. 99; On zhe. Sovetskoe ugovolnoe pravo. Chast' Obshhaja. M., 1958. S. 228; Shnejder M. A. Souchastie v prestuplenii po sovetskomu ugovolnomu pravu. M., 1958. S. 8; Vittenberg G. B. O nekotoryh spornyh voprosah uchenija o souchastii // Trudy Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 1958. T. XXVII. Vyp. 4. S. 62.

⁷ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением транспортной безопасности : федер. закон от 27.07.2010 г. № 195-ФЗ // SZ RF. 2010. № 31. Ст. 4164.

⁸ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности : федер. закон от 03.02.2014 г. № 15-ФЗ // Там же. 2014. № 6. Ст. 566.

⁹ См.: URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2017).

⁹ См.: URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2017).

¹⁰ См., напр.: Козлов А. П. Соучастие: уголовно-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003; Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

¹¹ См.: Архив Вологодского городского суда. Уголовное дело № 1-377/2010.

¹² См.: Там же. Уголовное дело № 1-531/2012.

¹⁰ См., напр.: Kozlov A. P. Souchastie: ugovovno-pravovye problemy : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb., 2003; Arutjunov A. A. Souchastie v prestuplenii po ugovovnomu pravu Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2006.

¹¹ См.: Arhiv Vologodskogo gorodskogo suda. Ugovovnoe delo № 1-377/2010.

¹² См.: Там же. Ugovovnoe delo № 1-531/2012.

УДК 343.83

Организационно-правовые проблемы прохождения службы в уголовно-исполнительной системе и основные направления их решения

А. Ю. ДОЛИНИН – начальник кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

С. М. СМОЛЕВ – начальник кафедры огневой подготовки Академии ФСИН России

В статье рассматриваются организационно-правовые проблемы, возникающие при прохождении службы в уголовно-исполнительной системе в современных условиях, обосновываются приоритетные направления кадровой политики ФСИН России, реализация которых будет способствовать стабилизации и укреплению кадрового потенциала системы исполнения наказаний.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовно-исполнительная система; прохождение службы; работа с кадрами; персонал уголовно-исполнительной системы; кадровая политика; кадровый потенциал.

Problematic issues of the organization of passing service in the penal system and the main directions of their solution

A. YU. DOLININ – Head of the Department of Management and Organization of the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

S. M. SMOLEV – Head of the Department of shooting training of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with the problems arising in the organization of the service in the penal system in modern conditions, and substantiates the priority directions of personnel policy of the Federal Penal Service of Russia, the implementation of which will contribute to the stabilization and strengthening of the penal system personnel potential.

К e y w o r d s : penal system; passing service; work with the staff; penal system staff; personnel policy; staff potential.

Основная цель работы с кадрами уголовно-исполнительной системы состоит в формировании высокопрофессионального, ста-

бильного и оптимально сбалансированного кадрового состава учреждений и органов ФСИН России. Современная кадровая по-

литика службы реализуется в соответствии с положениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.¹ и Государственной программы Российской Федерации «Юстиция», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 312². В указанных документах определены приоритетные направления кадрового обеспечения работников пенитенциарной системы до 2020 г., в частности повышение престижа службы, улучшение жилищных условий сотрудников и др.

Официальные статистические данные, с одной стороны, свидетельствуют об определенных успехах в кадровом обеспечении деятельности уголовно-исполнительной системы (повышение образовательного уровня персонала, развитие системы отбора и подготовки кандидатов на руководящие должности), но с другой – актуализируют имеющиеся проблемы в организации прохождения службы, которые носят многолетний характер. Так, многие стратегические и тактические задачи, которые ставились ФСИН России в сфере кадрового обеспечения в течение последних десяти лет, до настоящего времени не достигнуты, например:

- остается высоким число нарушений сотрудниками законности и служебной дисциплины, не снижается количество коррупционных правонарушений и преступлений (основная доля дисциплинарных проступков приходится на нарушения исполнительской дисциплины);

- проведенная организационно-штатная оптимизация значительно увеличила нагрузку на персонал исправительных учреждений, что сказывается на эффективности их деятельности, способствует оттоку специалистов;

- не удалось существенно снизить уровень текучести кадров, значительное число сотрудников увольняется из уголовно-исполнительной системы по субъективным причинам, в том числе по собственному желанию (в 2015 г. – 4955 сотрудников, или 23,89 %, в 2016 г. – 4873, или 26,46 %), и по отрицательным основаниям (в 2015 г. – 361 сотрудник, или 1,74 %, в 2016 г. – 522, или 2,83 %)³;

- на фоне омоложения кадрового состава увеличивается число сотрудников, имеющих право на пенсию, что может привести к «размыванию» кадрового ядра и нехватке квалифицированных кадров;

- служба в исправительных учреждениях по-прежнему считается недостаточно пре-

стижной по сравнению с другими правоохранительными органами.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что принимаемые руководством ФСИН России меры по сохранению и укреплению кадрового состава, совершенствованию различных аспектов кадрового обеспечения системы не приносят необходимых результатов. В связи с этим представляется возможным сформулировать и обосновать основные направления совершенствования организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе. В современных условиях приоритетными направлениями кадровой политики, осуществление которых, по нашему мнению, должно проводиться последовательно на всех уровнях управления, являются следующие:

1. Разработка кадровой политики и стратегии ФСИН России в виде Концепции развития кадрового обеспечения на период 2017–2020 гг., главной стратегической целью которой должна стать стабилизация кадрового состава и укрепление кадрового потенциала.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. и Государственная программа Российской Федерации «Юстиция» определили основные направления кадрового обеспечения системы, которые задают ориентиры работы с персоналом. Однако для конкретизации необходима разработка сбалансированной кадровой политики и кадровой стратегии на современном этапе ее развития. Концепция должна представлять собой официальную позицию ФСИН России относительно целей, задач, принципов, методов и приоритетных направлений работы с кадрами, формирования кадрового потенциала учреждений и органов, эффективного управления персоналом и служить важнейшей основой обеспечения результативности всей оперативно-служебной деятельности.

Принятие указанной концепции является объективной потребностью функционирования пенитенциарной системы на современном этапе и станет основой для разработки конкретной программы развития кадрового обеспечения ФСИН России на период до 2020 г. и организационных мероприятий, направленных на дальнейшее совершенствование кадровой работы. Проблемы кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы носят комплексный характер, а их решение предполагает применение адресных целевых мер, разработку системы увязанных между со-

бой мероприятий правового, организационного, социального и иного характера. Это позволит значительно укрепить кадровый состав, повысить его качественный уровень, уменьшить текучесть кадров, обеспечить реализацию принципа преемственности, оздоровить морально-психологическую обстановку в коллективах, повысить социальный статус и престиж сотрудников, усилить эффективность деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

2. Разработка научно обоснованных организационно-штатных структур учреждений и органов ФСИН России, обеспечивающих оптимальную нагрузку работников, способствующих повышению их мотивации.

Отсутствие научно обоснованных нормативов штатной численности работников пенитенциарной системы на фоне нехватки персонала осложняет выполнение задач с надлежащим качеством, увеличивает нагрузку на сотрудников, причем без какой-либо компенсации, способствует оттоку кадров, ухудшает морально-психологический климат в коллективах, увеличивает расходы на подготовку специалистов, повышение квалификации, переподготовку и другие формы обучения. Эти обстоятельства актуализируют необходимость разработки обоснованных организационно-штатных структур учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

В основу методики расчета нормативов штатной численности должна быть положена необходимость достижения баланса между трудозатратами по выполнению в течение года всех возложенных законодательством функций и суммарным объемом годового фонда рабочего времени всех работников, находящихся в штате⁴. Определение научно обоснованных нормативов с учетом фактической нагрузки по каждому направлению оперативно-служебной деятельности в конечном счете будет способствовать повышению мотивации персонала к продолжению службы.

3. Прогнозирование и планирование потребности в кадрах, их профессионального обучения и развития на основе мониторинга кадровой ситуации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

В настоящее время вопросы комплектования нередко решаются ситуационно, эмпирическим путем, без должного анализа, учета перспективных потребностей в кадрах. На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы вопросы подбора, расстановки, обучения, развития и повы-

шения компетентности персонала должны решаться комплексно. Первоначально необходимо утвердить перечень должностей начальствующего состава, подлежащих замещению специалистами с высшим и средним образованием, а также квалификационные требования к должностям. Мониторинг кадровой ситуации должен учитывать динамику движения кадров по категориям и должностным группам.

4. Разработка критериев эффективной оценки профессиональных и личных качеств кандидатов на службу, работников уголовно-исполнительной системы и аттестации персонала, необходимых для решения вопросов повышения качества службы, снижения уровня нарушений дисциплины и коррупционных проявлений. В числе основных критериев должны учитываться следующие: качество и результативность выполнения служебных обязанностей; профессиональный уровень; личностные качества, необходимые для качественного исполнения служебных обязанностей; служебная дисциплина, склонность к коррупционным правонарушениям.

Кроме того, выработка обоснованных критериев для приема кандидатов на службу позволит избежать многих проблем в кадровом обеспечении учреждений и органов ФСИН России, в частности: снизить риск приема случайных кандидатов непосредственно на этапе подбора и отбора кадров; формировать эффективные программы наставничества и адаптации кадров, уменьшить период адаптации молодых сотрудников, снизить уровень текучести молодых специалистов и улучшить закрепление кадров.

5. Внедрение комплексной системы адаптации вновь принятых сотрудников.

Необходимо проводить последовательную работу по обеспечению оптимальных условий для адаптации и закрепления на службе молодых сотрудников, принимать действенные меры к сокращению оттока кадров, особенно выпускников образовательных организаций ФСИН России, активизируя институт наставничества, закрепленный Приказом ФСИН России от 28.12.2010 г. № 555 «Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы»⁵. В первую очередь следует анализировать ожидания потенциальных и вновь принятых сотрудников, а при необходимости проводить мероприятия по профессиональной ориентации.

Целесообразно составлять прогноз стабильной деятельности вновь принятого

сотрудника, определяя, насколько эффективно и как долго он сможет проработать в исправительном учреждении. Следует оперативно реагировать на причины конфликтных ситуаций. При этом особое внимание необходимо уделять молодым сотрудникам в первые три месяца их служебной деятельности, в условиях, когда на них сильное влияние оказывают недостаточная степень освоения профессии и принятые социальные нормы, а график работы является достаточно напряженным⁶.

6. Активное применение социально-психологических методов управления, ориентированных на корректировку целевых установок и мотивации сотрудников в сочетании с четкой регламентацией их прав и обязанностей. Четкая регламентация прав и обязанностей персонала означает, что для каждого сотрудника уголовно-исполнительной системы целесообразно разработать точные регламенты деятельности, максимально сузить возможность «игры без правил». Следует четко формулировать права и обязанности работников во внутренних нормативных актах: должностных инструкциях, положениях о структурных подразделениях.

7. Совершенствование форм и методов нематериальной мотивации и стимулирования персонала уголовно-исполнительной системы, повышение социального статуса и престижа службы. Основными направлениями повышения мотивации сотрудников являются:

- совершенствование системы материального стимулирования сотрудников за успехи в служебной деятельности; выработка критериев оценки их индивидуальной эффективности в целях дифференциации денежного довольствия в зависимости от результатов труда отдельного сотрудника;

- выработка эффективных механизмов нематериального стимулирования, способствующих повышению удовлетворенности сотрудников различными аспектами деятельности. Эти механизмы могут охватывать вопросы служебного продвижения, профессионального обучения, а также различные нематериальные формы признания заслуг.

Представляется, что наиболее приемлемыми и малозатратными направлениями нематериальной мотивации и стимулирования сотрудников являются следующие:

- создание руководством учреждений и органов уголовно-исполнительной системы благоприятных условий и гарантий для проявления каждым работником своих способностей посредством стимулирования его профессионального роста и продвижения по службе;

- развитие состоятельности в служебных коллективах, повышение значимости традиций и ритуалов, стимулов морального поощрения, создание условий для творческой инициативы сотрудников;

- повышение воспитательного значения дисциплинарной практики;

- совершенствование системы адаптации и профессионального становления молодых сотрудников, эффективное использование института наставничества;

- стимулирование стремления молодых сотрудников к повышению профессиональной компетентности в рамках получения дополнительного профессионального образования, повышения квалификации и переподготовки в образовательных организациях ФСИН России, а также в системе служебной подготовки;

- применение сотрудниками психологических служб современных специфических для уголовно-исполнительной системы психологических технологий работы с кадрами, введение регулярного психологического мониторинга и прогнозирования морально-психологического климата;

- проведение с личным составом культурно-досуговых и спортивно-массовых мероприятий с максимальным вовлечением в них сотрудников и членов их семей;

- совершенствование воспитательной работы с личным составом посредством использования эффективных технологий сплочения коллектива, например технологии тимбилдинга (командообразования);

- формирование положительного общественного мнения о деятельности и роли учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в жизни общества, укрепление их авторитета как одного из важнейших социальных институтов государства.

Таким образом, реализация указанных направлений нематериальной мотивации и стимулирования сотрудников будет способствовать профилактике дисциплинарных проступков личного состава, совершенствованию организации прохождения службы, укреплению кадрового потенциала уголовно-исполнительной системы.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Там же. 2014. № 18 (Ч. 2). Ст. 2158.

³ См.: Отчет о деятельности Федеральной службы исполнения наказаний за 2016 год : материалы коллегии ФСИН России. М., 2017.

⁴ См. подр.: Долинин А. Ю. Теоретико-прикладные аспекты определения штатной численности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 30–34.

⁵ См.: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁶ См.: Малкова Л. Л. Трудовая адаптация молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы: средовой подход // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (к 60-летию принятия ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключенными). Вологда, 2016. С. 250–254.

¹ Sm.: SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

² Sm.: Tam zhe. 2014. № 18 (Ch. 2). St. 2158.

³ Sm.: Otchet o dejatel'nosti Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij za 2016 god : materialy kollegii FSIN Rossii. M., 2017.

⁴ Sm. podr.: Dolinin A. Ju. Teoretiko-prikladnye aspekty opredelenija shtatnoj chislenosti sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2015. № 2. S. 30–34.

⁵ Sm.: Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

⁶ Sm.: Malkova L. L. Trudovaja adaptacija molodyh sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: sredovoj podhod // Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy naznachenija i ispolnenija : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (k 60-letiju prinjatija OON Minimal'nyh standartnyh pravil obrashhenija s zakljuchennymi). Vologda, 2016. S. 250–254.

УДК 342.72

Актуальные проблемы правового регулирования оборота и защиты персональных данных в России

Д. Ю. КРЮКОВА – старший преподаватель кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук;

Ю. В. МОКРЕЦОВ – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук

В статье рассматривается российское законодательство в сфере защиты и оборота персональных данных субъекта-обладателя, приводятся основные нормативно-правовые акты по изучаемому вопросу, определяются и классифицируются проблемы регулирования оборота и защиты персональных данных, главными из которых являются организационные, правовые, финансовые, делается акцент на правовых проблемах и способах их решения.

Ключевые слова: персональные данные; субъект персональных данных; оператор; конфиденциальность; юридическая ответственность; автоматизированная обработка информации; оборот; обработка; защита персональных данных; контроль технической защиты.

Urgent problems of legal regulation of the turnover and protection of personal information in Russia

D. YU. KRYUKOVA – Senior Lecturer of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Technics;

YU. V. MOKRETSOV – Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics

The article considers the problem of the Russian legislation in the sphere of protection and a turnover of personal information of the subject-holder, brings the main normative legal acts on the studied question, defines and classifies problems of regulation of a turnover and protection of personal information, the main of which are organizational, legal, financial, emphasis is made on legal problems and ways of their decision.

Key words: personal information; the subject of personal information; the operator; confidentiality; the automated information processing; a turn; processing; protection of personal information; mass media; control of technical protection.

Законодательство иностранных государств в области защиты персональных данных (равно как и отечественное) имеет недолгую историю. Формирование правового регулирования данной сферы осуществляется с конца 70-х гг. XX в. Опыт же разработки полноценных нормативных актов, регулирующих защиту персональных данных при автоматизированной обработке информации, насчитывает всего несколько десятилетий.

Правовые основы защиты и оборота персональных данных были заложены в государствах Европейского союза и США. Процесс формирования правового института персональных данных в Российской Федерации начался намного позже, отправной точкой выступает ратификация в 2005 г. Конвенции Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» 1981 г.¹

В настоящее время помимо Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О персональных данных»² рассматриваемый правовой институт также регулируют федеральные законы, определяющие случаи, технические характеристики и особенности защиты, обработки, контроля в сфере персональных данных. Федеральные и территориальные органы исполнительной власти на основании и в пределах своих полномочий могут принимать нормативные правовые акты по отдельным вопросам, касающимся обработки персональных данных и иных действий.

Следует отметить, что существуют серьезные проблемы в законодательном регулировании данной сферы. В некоторой степени это объясняется относительной новизной действующего закона о персональных данных, а также тем, что поправки к нему просто не успевают за развитием современных технологий³.

Можно выделить несколько групп проблем в сфере защиты персональных данных: правовые, организационные и финансовые.

Проблемы правового характера возникли в связи с неоднозначностью положений федерального закона о защите персональных

данных, которые по-разному трактуются государственными законодательными и исполнительными органами и операторами. В том числе это относится к самому понятию «персональные данные», месту персональных данных в системе информации ограниченного доступа и др.⁴

Организационные проблемы обусловлены недостаточным уровнем организации сбора, хранения, защиты персональных данных на предприятиях, не имеющих для этого финансовых средств. Обычно финансовые и организационные проблемы взаимосвязаны между собой.

В федеральном законе «О персональных данных» проблема их защиты рассматривается только с точки зрения обработки данных. Под обработкой подразумеваются все возможные действия с персональными данными, включая сбор, систематизацию, накопление, хранение, уточнение, использование, распространение, обезличивание, блокирование, уничтожение (ч. 3 ст. 3), то есть действия по непосредственной защите данным законом не охватываются (например, снятие и наложение конфиденциальности, хранение сведений для аутентификации и идентификации пользователей электронных порталов и др.). Очевидно, что такая постановка вопроса является слишком узкой, в связи с чем аспекты защиты персональных данных фактически остаются за рамками правового регулирования.

Система защиты персональных данных является комбинацией технических и технологических мер, а также мер по ее организации и администрированию. Общие технологические требования к обеспечению безопасности установлены действующим законодательством, однако в отношении организационных мер в законе ничего не сказано. Тем не менее безопасность информационных систем возможна только в случае эффективной взаимосвязи технической и организационной составляющей⁵. Как отмечается специалистами по информационной безопасности, камнем преткновения любой, даже самой технически совершенной, автоматизированной информационной системы

являются профессионализм и ответственность обслуживающего ее персонала. При построении автоматизированных информационных систем необходимо учитывать человеческий фактор и иметь подсистему разграничения доступа к информации⁶.

Пользователи социальных сетей нередко не подозревают, что выложенная ими на сайте конфиденциальная информация становится практически навсегда общедоступной для любых третьих лиц и автоматически считается таковой с момента размещения ее в сети субъектом персональных данных. Общедоступные персональные данные, согласно закону о персональных данных, не нуждаются в дальнейшей правовой защите, в том числе и в защите конфиденциальности. Например, субъект – собственник персональных данных с удивлением узнает, что номер его сотового телефона становится известным рекламным фирмам, дочерним организациям или просто третьим физическим лицам, которые начинают навязчиво названивать субъекту по различным вопросам.

Следует обратить внимание на проблему определения действий оператора в случае, если субъект персональных данных сначала сделал свои данные общедоступными, а затем вновь их скрыл. Требуется четкая правовая регламентация всех случаев, в которых гражданин при размещении своих персональных данных автоматически дает согласие на их использование третьими лицами. Необходимо нормативно установить перечень ситуаций, когда на использование тех или иных сведений требуется обязательное согласие лица, их разместившего, зафиксировать формы такого согласия (подтверждения), а также усилить контроль за деятельностью лиц и организаций, которые вправе совершать операции с таким видом информации.

В соответствии с п. 17 требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных⁷ контроль за выполнением указанных требований осуществляется оператором (уполномоченным лицом) самостоятельно и (или) с привлечением на договорной основе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих лицензию на деятельность по технической защите конфиденциальной информации.

Порядок данного лицензирования установлен Постановлением Правительства Российской Федерации от 03.02.2012 г. № 79 «О лицензировании деятельности по

технической защите конфиденциальной информации»⁸.

На сегодняшний день всего 3052 фирмы по всей стране имеют соответствующую лицензию. Например, в Вологодской области таких фирм пять, три в Вологде и две в Череповце. Это очень малое количество, поэтому необходима законодательная проработка вопроса контроля в сфере защиты конфиденциальной информации.

Серьезной остается и проблема защиты тайны личной жизни при условии свободы слова в средствах массовой информации. Обычно подробности частной жизни рядового гражданина мало кого интересуют. Другое дело, когда речь идет о публичных личностях, занимающих высокие государственные должности. Публичность лица определяет лишь частичную открытость его частной жизни. Средства массовой информации должны достоверно и объективно давать гражданам информацию о таком лице, например, в ходе предвыборной кампании, при этом не выходить за рамки закона, а сам закон – предоставлять необходимые правовые условия для знакомства граждан с фактами биографии и частной жизни публичных деятелей.

Нередко информация личного характера в социальных сетях получает распространение без согласия человека, которого она касается, или является неверной из-за несвоевременной ее актуализации и ошибок, поэтому требуется особенная законодательная проработка сферы защиты приватности частной жизни. Очевидно, что закон «О персональных данных» нуждается в доработке и должен быть дополнен нормами, обеспечивающими конфиденциальность персональных данных граждан во взаимоотношениях со средствами массовой информации. На наш взгляд, Закон Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 03.07.2016) «О средствах массовой информации»⁹ необходимо дополнить нормой, прямо устанавливающей недопущение распространения в средствах массовой информации сведений о частной жизни индивида и ее конфиденциальности априори. В исключительных случаях такое распространение возможно только с письменного согласия индивида или в иных случаях, установленных законодательно.

Вопросы обеспечения конфиденциальности персональных данных в отечественном законодательстве, по сравнению с зарубежным, имеют свои особенности. В российском законе содержится прямое указание

на то, что персональные данные граждан представляют собой конфиденциальную информацию, но при этом порядок их защиты прописан поверхностно.

Еще одной немаловажной проблемой является отсутствие в УК РФ состава преступления, который бы напрямую касался персональных данных, что делает проблематичным привлечение виновных лиц к уголовной ответственности за преступления в сфере оборота и защиты персональных данных. Предусмотренные УК РФ составы (в том числе ст. 137, 138, 272, 273) носят неопределенный характер и только частично охватывают деяния, нарушающие правила работы в рассматриваемой области. Разобщенность норм, сложности в квалификации преступлений не способствуют эффективному поддержанию законности в сфере охраны персональных данных. Решением данной проблемы может быть введение нового состава преступления, который описывал бы противоправные деяния и предусматривал уголовную ответственность за совершение противоправных деяний с персональными данными гражданина. Отягчающим обстоятельством данного состава должно быть совершение противоправных деяний с персональными данными с использованием служебного положения и с особо тяжкими последствиями (гибель или причинение тяжкого вреда здоровью субъекта персональных данных). Имеющиеся в УК РФ составы преступлений, которые могут быть связаны с персональными данными, необходимо дополнить формулировкой «персональные данные» в необходимой грамматической конструкции (например, ч. 1 ст. 137 УК РФ переформулировать как незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, а также персональных данных лица без его согласия).

Сделаем акцент еще на одной проблеме, связанной с защитой и оборотом персональных данных. Большинство вопросов применения законодательства о персональных данных пересекаются с трудовыми отношениями. Основная проблема в данной сфере касается оборота и защиты персональных данных соискателей, то есть лиц, которые только устраиваются на работу. Специальная правовая регламентация таких процедур в ТК РФ отсутствует.

В процессе трудоустройства соискатель направляет резюме, проходит проверку на профессиональные качества, различные собеседования, психологические тестирования, проверку в службе безопасности.

В итоге у оператора накапливается достаточное количество персональных данных. К сожалению, ТК РФ оставляет все эти продолжительные по времени и насыщенные по обмену информацией процедуры за рамками правового регулирования. Закрепленное в п. 4 ст. 86 ТК РФ требование об обязательном согласии работника на обработку своих персональных данных правомочно только в отношении работника, но не соискателя. На наш взгляд, данная проблема требует законодательного решения.

Следует отметить, что работодатель собирает и обрабатывает персональные данные работников в процессе не только их устройства на работу, но и последующей трудовой деятельности (прослушивание телефонных переговоров, установление камер видеонаблюдения, мониторинг локальной сети Интернет, проверка электронной корреспонденции и т. д.). Такие персональные данные априори больше связаны с частной жизнью сотрудников, чем с выполняемыми ими трудовыми функциями. Таким образом, работодатель нарушает нормы ТК РФ о запрете сбора дополнительных персональных данных работодателем (п. 5 ст. 86) и принцип, закрепленный в ст. 5 закона «О персональных данных», согласно которому объем, характер и способы обработки персональных данных должны соответствовать целям обработки и недопустимости сбора избыточных персональных данных.

Решение данной проблемы зависит, прежде всего, от наличия определенной гражданской сознательности. При повторяющихся правонарушениях сами работники могут инициировать в защиту своих прав соответствующие проверки органами исполнительной власти, судебные иски. Безусловно, большое значение имеют эффективная деятельность государственных контролирующих органов и последовательная политика в отношении применения санкций.

Законодатель признает, что в действующем законе о персональных данных имеются пробелы. Это следует из пояснительной записки к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных”» и ст. 28.3 Кодекса об административных правонарушениях¹⁰. В частности, в КоАП РФ были внесены поправки в области увеличения административных штрафов за правонарушения в сфере оборота и защиты персональных данных¹¹.

Можно сделать вывод, что органы законодательной власти стараются учитывать замечания и предложения, направленные на

совершенствование действующего закона о персональных данных, в том числе связанные со ст. 23.46 КоАП РФ, согласно которой на сегодняшний день уполномоченные органы не имеют права возбуждать дела по ст. 13.11 КоАП РФ «Нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных)». К уполномоченным органам в первую очередь относится Роскомнадзор, который с 1 июля 2017 г. будет наделен правом возбуждать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 13.11 КоАП РФ, что является логичным выводом исходя из функционала данной федеральной службы.

Нельзя не отметить и проблему правовой грамотности населения в сфере персональных данных. Нередко граждане, не осознавая последствий, добровольно предоставляют свои персональные данные и дают согласие на их обработку третьим лицам. Решением данной проблемы является повышение правовой грамотности населения и квалификации операторов, осуществляющих обработку персональных данных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2014. № 5. Ст. 419.

² См.: Там же. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451; 2016. № 27 (Ч. 1). Ст. 4164.

³ См., напр.: Парфенов Н. П., Стахно Р. Е. Оптимизация требований к обработке персональных данных // *European Science*. 2016. № 11 (21). С. 25–28; Терещенко Л. К., Тиунов О. И. Правовой режим персональных данных // *Журнал российского права*. 2014. № 12 (216). С. 42–49; Трофимцева С. Ю. К вопросу об обеспечении защиты персональных данных в России // *Сборники конференций НИЦ «Социосфера»*. 2014. № 63. С. 120–125; Хлестова Д. Р., Попов К. Г. К вопросу о правовых аспектах защиты персональных данных // *Символ науки*. 2016. № 4–3. С. 136–138.

⁴ См.: Петрыкина Н. И. *Правовое регулирование оборота персональных данных. Теория и практика* : учеб. М., 2013. С. 14.

⁵ См.: Бабкин А. А., Панфилова О. А., Шлыков С. А. *Информационные технологии и системы и их использование в сфере управления персоналом* : учеб. пособие. Вологда, 2012. С. 56.

⁶ См.: Титов Д. В., Мокрецов Ю. В. *Применение систем автоматизации в процессе подготовки инженеров в ВПЭ ФСИН России* // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2016. № 2 (165). С. 40–42.

⁷ См.: Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных : постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 г. № 1119 // СЗ РФ. 2012. № 45. Ст. 6257.

⁸ См.: Там же. № 7. Ст. 863.

⁹ См.: *Ведомости СНД и ВС РФ*. 1992. № 7. Ст. 300.

¹⁰ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=d oc&base=PRJ&n=129000&dst> (дата обращения: 15.12.2016).

¹¹ См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 07.02.2017 г. № 13-ФЗ (вступает в силу 1 июля 2017 г.).

Таким образом, все вышеперечисленные проблемы свидетельствуют о том, что действующее законодательство нуждается в существенной доработке. Государство обязано совершенствовать правовое регулирование в области обработки и защиты персональных данных. Однако это не означает, что только государство должно решать указанные проблемы. Общество, а также специалисты в области права и информационной безопасности также должны принимать активное участие в разработке предложений по усовершенствованию законодательства в данной области. Кроме того, сами граждане должны стремиться обеспечивать безопасность своих персональных данных путем непредоставления такой информации, например, в социальных сетях и на интернет-ресурсах.

Взаимодействие государства и граждан, повышение уровня правовой грамотности населения, а также ответственности граждан при подписании согласия и иных формах предоставления персональных данных позволят качественно усовершенствовать действующее законодательство и решить имеющиеся проблемы.

¹ См.: SZ RF. 2014. № 5. Ст. 419.

² См.: Там же. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451; 2016. № 27 (Ч. 1). Ст. 4164.

³ См., напр.: Parfenov N. P., Stahno R. E. *Optimizacija trebovanij k obrabotke personal'nyh dannyh* // *European Science*. 2016. № 11 (21). С. 25–28; Tereshhenko L. K., Tiunov O. I. *Pravovoj rezhim personal'nyh dannyh* // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2014. № 12 (216). С. 42–49; Trofimceva S. Ju. *K voprosu ob obespechenii zashhity personal'nyh dannyh v Rossii* // *Sborniki konferencij NIC «Sociosfera»*. 2014. № 63. С. 120–125; Hlestova D. R., Popov K. G. *K voprosu o pravovyh aspektah zashhity personal'nyh dannyh* // *Simvol nauki*. 2016. № 4–3. С. 136–138.

⁴ См.: Petrykina N. I. *Pravovoe regulirovanie oborota personal'nyh dannyh. Teorija i praktika* : ucheb. M., 2013. С. 14.

⁵ См.: Babkin A. A., Panfilova O. A., Shlykov S. A. *Informacionnye tehnologii i sistemy i ih ispol'zovanie v sfere upravlenija personalom* : ucheb. posobie. Vologda, 2012. С. 56.

⁶ См.: Titov D. V., Mokrecov Ju. V. *Primenenie sistem avtomatizacii v processe podgotovki inzhenerov v VIPJe FSIN Rossii* // *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy*. 2016. № 2 (165). С. 40–42.

⁷ См.: Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных : постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 г. № 1119 // SZ RF. 2012. № 45. Ст. 6257.

⁸ См.: Там же. № 7. Ст. 863.

⁹ См.: *Vedomosti SND i VS RF*. 1992. № 7. Ст. 300.

¹⁰ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=d oc&base=PRJ&n=129000&dst> (дата обращения: 15.12.2016).

¹¹ См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 07.02.2017 г. № 13-ФЗ (вступает в силу 1 июля 2017 г.).

УДК 93/94:343.8

Религиозные методы воздействия на осужденных на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы

А. Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

В статье рассматриваются проблема применения религиозных методов воздействия на осужденных в современных условиях, динамика роста культовых сооружений в местах лишения свободы, соразмерность их количества численности осужденных; анализируется национальная правовая база и канонические установления, позволяющие использовать различные формы религиозного воздействия на осужденных.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения; исправление осужденных; тюремный капеллан; религиозные формы и методы воздействия; тюремная церковь; показатель расчета вместимости тюремного храма; Русская православная церковь.

Religious methods of impact on convicts at the present stage of the penal system development

A. R. PAVLUSHKOV – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor

The article deals with the problem of applying religious methods of impact on convicts in modern conditions, the growth dynamics of religious buildings in places of deprivation of liberty, and their proportionality of the number of convicts. The national legal framework and canonical regulations that allow using different forms of religious influence on convicts are analyzed.

Key words: Church-state relations; rehabilitation of offenders; prison chaplain; religious forms and methods of influence; the prison church; the rate for calculating the capacity of the prison temple; the Russian Orthodox Church.

Современная пенитенциарная система России представляет собой динамично развивающуюся структуру учреждений различного типа, предназначенных для ресоциализации осужденных и подготовки их к возвращению в общество в качестве законопослушных граждан. В арсенале многообразных воспитательных средств активно используются инструменты, которые в советское время отвергались по идеологическим соображениям. К их числу относятся методы религиозного воздействия, обращение к которым стало возможным по причине глубокого общественного кризиса, повлекшего за собой необходимость коренной модернизации всех государственных институтов в постперестроечное время. Для этого осуществляется как реанимация дореволюционного опыта, так и поиск новых форм

работы с осужденными, в основе которых лежит отказ от карательных принципов уголовного судопроизводства и переход на концепцию гуманизации наказания¹, во многом обусловленной законодательной инициативой ведущих политических партий².

Серьезным стимулом к использованию религиозных методов воздействия на осужденных стала адаптация отечественной уголовно-исполнительной системы к международным правовым стандартам, ориентирующим государства активно задействовать потенциал религиозных организаций в деятельности пенитенциарных учреждений и с этой целью использовать уже сложившийся передовой опыт европейских государств³.

За последние двадцать лет религиозные организации достаточно прочно оформи-

лись среди тюремного населения, чему в немалой степени способствовала легализация тюремного миссионерства и подписание соглашений о сотрудничестве между Федеральной службой исполнения наказаний и ведущими конфессиями. В результате только ежегодный прирост культовых учреждений в местах лишения свободы составил 8–10 %.

По состоянию на 1 мая 2017 г. при исправительных учреждениях ФСИН России действует 642 культовых объекта: 568 православных храмов и часовен, 61 исламская мечеть, 10 буддийских дуганов, 3 костела Римско-католической церкви, более 700 молитвенных комнат⁴. Они, по мысли законодателя, должны не только способствовать реализации права осужденных на свободу вероисповедания, но и наряду с образовательными заведениями будут заниматься воспитанием и ресоциализацией. Для сравнения, на тот же период в местах лишения свободы функционирует 1108 учебно-воспитательных заведений: 312 вечерних (сменных) общеобразовательных школ, 489 учебно-консультационных пунктов, 307 федеральных казенных профессиональных образовательных учреждений. С учетом масштабов «церковной экспансии» надо полагать, что религиозные меры воздействия в ближайшей перспективе должны прочно войти в систему воспитательных средств.

Следует обратить внимание на доминирующее положение восточно-христианской церкви в местах лишения свободы. По совокупности православных храмов и часовен составляют 88 % от общего числа культовых учреждений. Всего, согласно официальным данным ФСИН России, в 2017 г. числилось 568 православных тюремных храмов и часовен без учета молитвенных комнат. Для сравнения, доля мечетей при исправительных учреждениях составила 9,5 %, буддийских дуганов – 1,5 %, костелов – 0,04 %. Прирост православных храмов в исправительных учреждениях с 1993 по 2001 г. составил 1300 % (с 17 до 224 учреждений). На 70 % увеличилось количество молельных комнат за тот же период. В последующие годы темпы роста были значительно снижены, что вполне естественно, но в целом по-прежнему остались высокими. Общее количество православных храмов при исправительных учреждениях с 2001 по 2016 г. увеличилось на 210 %, молельных комнат – на 30 %⁵. Проведенный анализ официальной статистики ФСИН России позволяет полагать, что существующих православных храмов при

исправительных учреждениях вполне достаточно для удовлетворения религиозных потребностей осужденных. Кроме того, общая тенденция к сокращению количества осужденных также дает основание прогнозировать, что в перспективе культовые учреждения Русской православной церкви вполне справятся с поставленными задачами и их прирост будет естественным образом замедляться.

Господствующее положение Русской православной церкви в пенитенциарной сфере объясняется не только национальной структурой населения, но и особенностями исторических традиций. Православная церковь в дореволюционный период активно занималась пенитенциарной деятельностью, а православные священники были приравнены по своему статусу к тюремному персоналу с определением государственных льгот и пособий. Более того, весь уклад жизни российского общества регулировался религиозными нормами, а церковный календарь охватывал все стороны повседневности. Именно в тот период религия оказывала мощное воздействие на правосознание.

В современный период господства светских ценностей церковь утратила доминирующее положение в обществе, но ее влияние по-прежнему остается значительным. Во многом этому способствовало возрождение приходской жизни, изменение государственной политики по отношению к религии, усиление роли локальных религиозных общин.

Происходящие перемены отразились и на развитии государственно-церковных отношений, в том числе в правоохранительной сфере. Появляются рамочные соглашения между Русской православной церковью и различными правоохранительными структурами. С 1996 по 2014 г. было подписано четыре соглашения между ФСИН России и РПЦ, каждое из которых знаменовало определенный этап в развитии взаимоотношений. Они демонстрировали не только изменение государственной политики в отношении церкви, но и открывали новые возможности для совместной работы силовых органов с религиозными общинами, в них обозначались ориентиры возможного сотрудничества⁶.

В настоящее время действует соглашение о сотрудничестве между ФСИН России и Русской православной церковью от 22.02.2011 г., предполагающее осуществление ряда пилотных проектов в четырех субъектах страны по учреждению институ-

та тюремных капелланов, созданию специальных центров по подготовке тюремных священнослужителей, а также расширению форм религиозной работы с осужденными, направленными на воспитание законопослушной личности.

Показательным в этом отношении является позиция самой Русской православной церкви, которая предпринимает значительные усилия для расширения собственного присутствия в пенитенциарных учреждениях. Так, в 2013 г. была принята «Миссия тюремного служения Русской Православной Церкви и пенитенциарные учреждения» – программный документ, определивший основные направления деятельности православных миссионеров. В их число входят:

- защита прав осужденных;
- реализация естественного права на удовлетворение религиозных чувств осужденных;
- содействие ресоциализации в процессе подготовки к освобождению из мест заключения;
- создание реабилитационных центров для бывших заключенных;
- участие в программах восстановительного правосудия⁷.

Церковь стала активнее участвовать на всех этапах нахождения осужденного в местах лишения свободы – от следственного изолятора до социального сопровождения после освобождения.

В миссии акцентировалось внимание на необходимости возрождения службы тюремных капелланов для работы в исправительных учреждениях. Заручившись поддержкой ФСИН России, Русская православная церковь выступила с инициативой по включению священнослужителей в штат отдельных исправительных учреждений⁸. Однако до настоящего времени это предложение не получило юридического оформления, о чем свидетельствует отсутствие правового механизма кадрового обеспечения священнослужителями мест лишения свободы. Это объясняется противоречиями в позициях государства и доминирующих церковных организаций на институционализацию деятельности тюремных священников, несовершенством концептуальной и юридической проработки вопроса.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что европейскую практику тюремного священства нельзя воспринимать и переносить на российскую почву буквально, поскольку деятельность западных капелланов

носит более универсальный характер. Священник выступает от лица всех верующих, а тюремный храм ориентирован в меньшей степени на совершение богослужения и в большей – на проповедническую деятельность. В России конфессиональные границы выражены гораздо четче и острее, и в этом смысле западный подход к организации универсального тюремного храма вряд ли будет уместен, несмотря на то что на рубеже XIX–XX столетий существовали подобные примеры в отечественной пенитенциарной системе.

Непосредственно формы и методы религиозного воздействия указаны в различных документах. Так, принятая в 2000 г. Социальная концепция Русской православной церкви явилась программным документом, в котором обосновывалась необходимость тюремного миссионерства⁹. Подчеркивалось, что церкви и государству необходимо объединить усилия по профилактике преступности путем воспитания и просвещения, направленных на утверждение в обществе истинных нравственных ценностей. Главный источник преступности церковь видела в «помрачении состояния человеческой души», которую и предлагалось исправить с помощью различных воспитательных средств, среди них:

- культивирование идей христианского патриотизма на основе отечественной истории (разд. II.3);
- объяснение природы греха и грехопадения (разд. II.4);
- христианские наставления (разд. III.6);
- повседневное просвещение и воспитание осужденных на основе «положительных духовных ценностей и нравственных идеалов» (разд. IX.2);
- пастырские беседы с заключенными, покаяние, участие в богослужении, приобщение осужденных к духовной культуре (разд. IX.4).

В Социальной концепции обозначены и грани сотрудничества (семнадцать направлений). К их числу относятся и вопросы, непосредственно связанные с воспитанием граждан и формированием ответственного отношения к государству и обществу, то есть то, что принято называть правосознанием:

- забота о сохранении нравственности в обществе;
- духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание;
- попечительское направление;
- участие в процессе ресоциализации осужденных;

– развитие исторического и культурного наследия.

В Социальной концепции указаны и формы решения поставленных задач:

– диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений;

– дела милосердия и благотворительности;

– развитие совместных социальных программ;

– охрана культурного наследия;

– деятельность религиозных средств массовой информации.

В Миссии тюремного служения предлагаются новые формы работы с осужденными: создание медиатек при тюремных храмах, радиовещание, подготовка и прокат документальных фильмов о жизни осужденных. Отчасти в данном случае используется европейский опыт работы с осужденными, где средствам религиозных коммуникаций уделяется пристальное внимание, что было обусловлено не столько требованием времени, сколько новыми перспективными техническими возможностями¹⁰.

Государство, таким образом, ставит перед руководством ФСИН России масштабную, но крайне важную задачу – использовать ресурсы церковных организаций в воспитательном процессе осужденных. Решение этого вопроса не ограничивается только строительством церковных зданий, а предполагает выработку целого комплекса совместных мероприятий основных религиозных организаций и ФСИН России. Данная деятельность может быть реализована по нескольким направлениям:

– создание соответствующей нормативно-правовой базы, которая позволит сформулировать правовое положение духовного лица (тюремного капеллана), работающего на постоянной основе на режимном объекте. Это крайне сложная задача, поскольку легализация правового статуса вступает в противоречие с конституционным принципом светского государства. Однако пенитенциарный опыт европейских государств доказывает возможность введения такого института;

– определение компетенции тюремных священников. Очевидно, что, возлагая на них государственные функции исправления осужденных, нельзя ограничиваться только обрядовой стороной. Серьезным подспорьем в изучении этого вопроса может стать анализ дореволюционных пенитенциарных практик, в ходе которых был выработан своеобразный профессиональный кодекс тюремного священника. Его деятельность была интегрирована в различные стороны функционирования тюремного учреждения;

– выработка оптимальных форм совместной работы религиозных организаций и пенитенциарных учреждений. В качестве приоритетных должны выступать такие принципы, как законность, целесообразность и полезность. Усиление внимания на их соблюдении связано с увеличением тоталитарных сект, занимающихся открытой вербовкой своих членов. Под видом оказания психологической помощи на деле идет вербовка новых членов сект, деятельность которых, как правило, противоречит базовым интересам государства. Не случайно противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества, ставится в качестве приоритетной задачи Русской православной церкви.

Таким образом, за последние годы сложилась достаточно устойчивая система взаимоотношений религиозных организаций с пенитенциарными учреждениями, где ключевую роль играет Русская православная церковь. Этот вывод подкрепляется и мнениями исследователей в области изучения государственно-церковных отношений на современном этапе. Они полагают, что сотрудничество церкви и государства носит взаимовыгодный характер и направлено на реализацию важнейших государственных задач¹¹.

Доминирующая роль Русской православной церкви является очевидной, а методы работы православного клира в местах лишения свободы признаются как целесообразные. Следовательно, новым этапом сотрудничества в этом направлении должно стать обобщение и пропаганда сложившихся практик и юридическое оформление новых форм воспитательной работы¹².

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Антонян Е. А. Вопросы гуманизации исполнения наказаний в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4. С. 278–287.

¹ Sm.: Antonjan E. A. Voprosy gumanizacii ispolnenija nakazanij v Rossii i zarubezhnyh stranah // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2009. № 4. S. 278–287.

² См.: Наумов А. В. Уголовная политика в области назначения и исполнения наказания: противоречие между законодательным идеалом и практикой // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5. С. 7.

³ См.: Матвеев Д. О. Обеспечение религиозных прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в свете международных правовых актов // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 60-летию принятия ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключенными) : сб. материалов международ. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 13 ноября 2015 г.) / под общ. ред. П. В. Голодова. Вологда, 2016. С. 263–267.

⁴ См.: Официальный сайт ФСИН России. Статистические данные. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://fsin.pf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 06.06.2017).

⁵ См. подр.: Павлушков А. Р. Этапы взаимодействия пенитенциарных учреждений и Православной церкви в новейшей истории России: преемственность исторического развития, особенности и результаты // История государства и права. 2015. № 2. С. 54–59.

⁶ См. подр.: Он же. Соглашения о сотрудничестве Русской православной церкви и уголовно-исполнительной системы: генезис взаимодействия, особенности и результаты (1996–2014 гг.) // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф. (14 ноября 2014 г.) / отв. ред. А. В. Малько. Рязань, 2014. Вып. 3. С. 287–391.

⁷ См.: Миссия тюремного служения Русской Православной Церкви и пенитенциарные учреждения // Журнал Святейшего Синода. 2013. № 27.

⁸ См.: Рекомендации международной научно-практической конференции «Взаимодействие Русской православной церкви с государственной системой исполнения наказаний: опыт, проблемы, перспективы» // Мир всем. Газета Синодального отдела Московского патриархата по тюремному служению. 2013. № 10 (118). С. 4–6.

⁹ См.: Основы Социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 03.06.2017).

¹⁰ См. подр.: Павлушков А. Р. Правовой механизм взаимодействия Русской православной церкви и отечественной пенитенциарной системы: источники, направления, особенности // Юридический мир. 2015. № 8. С. 53–57.

¹¹ См.: Катин В. И. Церковь и власть в России: новые явления во взаимоотношениях // История государства и права. 2013. № 11. С. 13–16.

¹² См.: Основные направления работы и деятельности Синодального отдела по тюремному служению. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1492496.html> (дата обращения: 07.12.2016).

² Sm.: Naumov A. V. Ugolovnaja politika v oblasti naznachenija i ispolnenija nakazanija: protivorechie mezhdru zakonodatel'nyim idealom i praktikoj // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2009. № 5. S. 7.

³ Sm.: Matveev D. O. Obespechenie religioznyh prav osuzhdennyh i lic, sodержashhihsja pod strazhej, v svete mezhdunarodnyh pravovyh aktov // Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy naznachenija i ispolnenija (k 60-letiju prinjatija OON Minimal'nyh standartnyh pravil obrashhenija s zakljuchennymi) : sb. materialov mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (g. Vologda, 13 nojabrja 2015 g.) / pod obshh. red. P. V. Golodova. Vologda, 2016. S. 263–267.

⁴ Sm.: Oficial'nyj sajt FSIN Rossii. Statisticheskie dannye. Kratkaja harakteristika ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. URL: <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (data obrashhenija: 06.06.2017).

⁵ Sm. podr.: Pavlushkov A. R. Jetapy vzaimodejstvija penitencijarnyh uchrezhdenij i Pravoslavnoj cerkvi v novejshej istorii Rossii: preemstvennost' istoricheskogo razvitija, osobennosti i rezul'taty // Istorija gosudarstva i prava. 2015. № 2. S. 54–59.

⁶ Sm. podr.: On zhe. Soglashenija o sotrudnichestve Russkoj pravoslavnoj cerkvi i ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: genezis vzaimodejstvija, osobennosti i rezul'taty (1996–2014 gg.) // Pravo i politika: teoreticheskie i prakticheskie problemy : sb. materialov III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (14 nojabrja 2014 g.) / otv. red. A. V. Mal'ko. Rjazan', 2014. Vyp. 3. S. 287–391.

⁷ Sm.: Missija tjuremnogo sluzhenija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i penitencijarnye uchrezhdenija // Zhurnal Svjatejshego Sinoda. 2013. № 27.

⁸ Sm.: Rekomendacii mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Vzaimodejstvie Russkoj pravoslavnoj cerkvi s gosudarstvennoj sistemoj ispolnenija nakazanij: opyt, problemy, perspektivy» // Mir vsem. Gazeta Sinodal'nogo otdela Moskovskogo patriarhata po tjuremnomu sluzheniju. 2013. № 10 (118). S. 4–6.

⁹ Sm.: Osnovy Social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (data obrashhenija: 03.06.2017).

¹⁰ Sm. podr.: Pavlushkov A. R. Pravovoj mehanizm vzaimodejstvija Russkoj pravoslavnoj cerkvi i otechestvennoj penitencijarnoj sistemy: istochniki, napravlenija, osobennosti // Juridicheskij mir. 2015. № 8. S. 53–57.

¹¹ Sm.: Katin V. I. Cerkov' i vlast' v Rossii: novye javlenija vo vzaimootnoshenijah // Istorija gosudarstva i prava. 2013. № 11. S. 13–16.

¹² Sm.: Osnovnye napravlenija raboty i dejatel'nosti Sinodal'nogo otdela po tjuremnomu sluzheniju. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1492496.html> (data obrashhenija: 07.12.2016).

УДК 343.8

О формах реализации общеправовой презумпции добросовестности гражданина (на примере презумпции добросовестности отбывания уголовного наказания)

Е. В. СВИНИН – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. ШАХАНОВ – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье аргументируется необходимость нормативного закрепления презумпции добросовестности отбывания уголовного наказания, содержанием которой выступает обязанность осужденных добросовестно отбывать назначенное судом наказание, то есть выполнять все установленные обязанности и запреты, а также предпринимать усилия для своего исправления.

Ключевые слова: презумпция; фикция; социально-правовая активность; добросовестность; уголовное наказание; правопорядок.

On the forms of realization of the general legal presumption of conscientiousness of a citizen (on the example of the presumption of conscientiousness serving a criminal sentence)

E. V. SVININ – Deputy Head of the Department of State Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor;

V. V. SHAKHANOV – Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law

The paper argues the necessity of normative consolidation of the presumption of conscientiousness in serving a criminal sentence, the content of which is the duty of the convicted persons to conscientiously serve the punishment imposed by the court, that means, conscientiously fulfill all established duties and bans, as well as to make efforts to correct themselves. The presumption of conscientiousness in serving a criminal sentence can be refuted by the court that should entail as legal consequences changes in the terms of a conscientious served criminal sentence.

Key words: presumption; fiction; social and legal activity; conscientiousness; criminal sentence; law and order.

Правовые презумпции выполняют важную роль в правовом регулировании общественных отношений. Как справедливо указывал В. К. Бабаев, социальное значение правовых презумпций состоит в том, что они выступают в качестве способа, облегчающего достижение истины, а также создают возможность использования их при оценке аналогичных предметов или явлений с точки зрения существования или несуществования последних¹.

Презумпция добросовестности гражданина относится к числу общеправовых². В российском законодательстве можно встретить различные формы ее реализации. В соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц; ч. 3 ст. 1 ГК РФ устанавливает, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; ст. 1 и 5 Федерального закона от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 28.03.2017) «О рекламе»³ предусматривают принципы добросовестной конкуренции и добросо-

вестной рекламы; ч. 4 ст. 20.3 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ устанавливает, что при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредитора и общества. Юридической науке известны также презумпции знания закона, презумпция добросовестности налогоплательщика, презумпция невиновности.

Содержание презумпции добросовестности связано с позитивной ответственностью субъектов права, которые проявляют достаточно высокий уровень социально-правовой активности. Представляется, что общеправовой характер правовой презумпции выражается в том, что независимо от закрепления в отраслях законодательства существует общая обязанность действовать добросовестно и правомерно.

Презумпция добросовестности получила частичное закрепление в нормах УИК РФ. Добросовестность закрепляется как одно

из оснований применения мер поощрения к осужденным (ч. 1 ст. 113 УИК РФ); она учитывается при осуществлении переводов из обычных условий отбывания наказания в облегченные в исправительных колониях общего (ч. 2 ст. 120 УИК РФ), строгого (ч. 2 ст. 122 УИК РФ) и особого (ч. 2 ст. 124 УИК РФ) режимов. В указанных нормах добросовестность рассматривается в узком смысле – как особое отношение к труду (учебе). Аналогично данное понятие используется в ст. 141 УИК РФ, которая закрепляет цели организации учебно-воспитательного процесса с несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание в воспитательных колониях.

Нельзя не отметить ряд правовых норм, которые хотя и не оперируют понятием «добросовестность», но фактически основываются на этой конструкции. В содержательном отношении идея добросовестности отбывания уголовного наказания отражается в таком понятии, как «положительно характеризующиеся осужденные» (ч. 2 ст. 78 УИК РФ). Добросовестное отношение к отбыванию уголовного наказания позволяет осужденным рассчитывать на существенное послабление в режиме отбывания (например, на перевод из одного вида исправительного учреждения в другое). Так, положительно характеризующиеся осужденные могут быть переведены для дальнейшего отбывания наказания: из тюрьмы в исправительную колонию, из исправительной колонии особого режима в исправительную колонию строгого режима, из исправительных колоний общего режима в колонию-поселение, из исправительных колоний строгого режима в колонию-поселение.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»⁵ раскрываются некоторые признаки добросовестного отношения к отбыванию уголовного наказания. В частности, в соответствии с п. 27 указанного постановления вывод о том, что осужденный положительно характеризуется, должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению представления или ходатайства. При этом необходимо учитывать соблюдение Правил внутреннего распорядка, выполнение требований администрации исправительного учреждения, участие в мероприятиях воспитательного

характера и общественной жизни исправительного учреждения, поощрения и взыскания, поддержание отношений с родственниками, а также с осужденными, положительно или отрицательно характеризующимися, перевод на облегченные условия содержания и др.

Необходимо заметить, что правовая конструкция перевода осужденных из обычных в облегченные либо строгие условия содержания также основывается на идее добросовестности отбывания наказания. При этом, уголовно-исполнительное законодательство понятие «добросовестность» использует в узком смысле – только для характеристики отношения к труду, но не по отношению к отбыванию уголовного наказания в целом.

Правовая сущность презумпции добросовестности в уголовно-исполнительном законодательстве реализована лишь частично. Представляется необходимым более полное и последовательное законодательное закрепление этой презумпции в нормах УИК РФ.

Следует обратить внимание, что осужденный не просто находится на территории исправительного учреждения. Он выполняет (в принудительном порядке) решение, содержащееся в приговоре суда. Соответственно, отбывая уголовное наказание в исправительных учреждениях, осужденный должен соблюдать установленные запреты и выполнять обязанности. Хотелось бы акцентировать внимание, что в российской правовой системе неисполнение судебного решения является правонарушением, за которое может следовать как административная, так и уголовная ответственность.

К примеру, ст. 17.3 КоАП РФ устанавливает ответственность за неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов. В соответствии со ст. 17.4 КоАП РФ административная ответственность возникнет в случае непринятия мер по частному определению суда или представлению судьи. На основании ст. 315 УК РФ наступает уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта.

Обвинительный приговор суда фактически выступает тем юридическим фактом, который обуславливает возникновение длительных правоотношений, в рамках которых на осужденного возлагается общая обязанность добросовестно относиться к отбыванию назначенного уголовного наказания.

Своеобразным ориентиром добросовестного отношения к назначенному уголовному наказанию могут служить цели уголовного наказания, закрепленные в ч. 1 ст. 1 УИК РФ.

Содержание презумпции добросовестности отбывания уголовного наказания можно определить как общее предположение, что осужденные добросовестно выполняют обязанности и соблюдают запреты, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством. Несоблюдение установленных ограничений может выражаться в различного рода нарушениях порядка отбывания наказания, за которые к осужденным применяются меры взыскания (ст. 115 УИК РФ). Таким образом, презумпция добросовестности отбывания уголовного наказания должна носить опровержимый характер.

На наш взгляд, если осужденный систематически совершает злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания, то он фактически нарушает не только требования установленного режима, но и не исполняет решение суда. Речь идет о том, что осужденный уклоняется от достижения цели наказания, а также исполнения возложенных на него обязанностей отбывания уголовного наказания, хотя фактически и находится на территории исправительного учреждения.

Отбытием уголовного наказания следует считать поведение осужденных, основанное на добросовестном отношении к назначенному наказанию, то есть на соблюдении запретов и выполнении обязанностей.

По решению суда поведение осужденного может быть признано недобросовестным. Опровержение судом презумпции добросовестности должно влечь за собой определенные правовые последствия. К примеру, время нахождения в ШИЗО (ПКТ, ЕПКТ) не засчитывать в срок отбытого наказания либо не учитывать при определении отбытого срока, необходимого для условно-досрочного освобождения (перевода из одного вида исправительного учреждения в другое). Таким образом, презумпция добросовестности должна быть напрямую связана с фикцией течения сроков отбытия уголовного наказания.

Данные средства носят исключительный, можно сказать, крайний характер, поэтому должны использоваться только судом. Однако существование такой правовой возможности вполне оправданно и логично. Представляется, что в полномочиях суда необходимо предусмотреть возможность принимать как положительные, так и отрица-

тельные решения в отношении осужденных. Действующее законодательство позволяет досрочно освободить осужденного. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Полагаем, что допустима и обратная ситуация: если осужденный предпринимает значительные усилия по противодействию для своего исправления либо исправления других осужденных, то в отношении такого осужденного необходимо принимать исключительные правоограничительные меры (в частности, не засчитывать в срок отбытого наказания время нахождения осужденного в ШИЗО, ПКТ (ЕПКТ)). Особо отметим, что конкретные основания и порядок применения данной меры к осужденным заслуживают отдельного исследования. В рамках настоящей статьи нами аргументируется лишь потенциальная возможность существования такого института в правовой системе России. Вместе с тем выскажем ряд общих суждений.

Добросовестным следует признавать как социально активное поведение осужденных, то есть тех, которые находятся на облегченных условиях содержания, так и обычное правомерное поведение осужденных, находящихся в обычных условиях содержания. Основанием для обращения администрации исправительного учреждения в суд с целью признать поведение осужденного недобросовестным может быть, к примеру, трехкратное в течение года применение таких дисциплинарных мер, как водворение в ШИЗО, ПКТ (ЕПКТ) в отношении осужденных, содержащихся в строгих условиях содержания. Соответственно, суд может прийти к выводу, что осужденный действует недобросовестно, уклоняется от отбывания уголовного наказания, и на этом основании срок нахождения осужденного в ШИЗО, ПКТ (ЕПКТ) не засчитывать в срок назначенного уголовного наказания.

Еще раз выскажем принципиальную точку зрения, что основания и порядок применения фикции течения сроков отбытия уголовного наказания заслуживают отдельного исследования и всестороннего обсуждения.

Внедрение в российскую правовую систему подобных институтов связано с тем, что современное уголовно-исполнительное законодательство и практика его примене-

ния недостаточно эффективны. Косвенно об этом свидетельствует среднесписочная численность осужденных на различных условиях содержания: в строгих и обычных условиях содержания она остается стабильной. Так, в 2012 г. на строгих условиях отбывания наказания находилось 25 303 чел., в обычных – 494 927, на облегченных условиях – 91 797⁶. В 2016 г. на строгих условиях отбывания наказания находилось 24 008 чел., в обычных – 445 483, на облегченных условиях – 64 061⁷.

Представленные статистические данные позволяют утверждать, что, во-первых, значительная масса осужденных не мотивирована к социально активному поведению, поскольку находится в обычных условиях содержания, во-вторых, происходит снижение численности лиц, находящихся в облегченных условиях содержания. Кроме того, существует довольно устойчивая группа осужденных, оказывающих противодействие администрации исправительных учреждений. Весьма показательна статистика количества лиц, совершивших злостные нарушения. Так, в 2012 г. их количество составило 21 955 чел.⁸, в 2016 г. – 19 166⁹.

Существующие меры «не работают» в части исправления осужденных и предупреждения новых дисциплинарных проступков. Одной из причин может служить «привыкание» осужденных к подобным мерам, что порождает эффект выгорания мотивации поступать добросовестно и правомерно. Стабильный уровень преступности на территории исправительных колоний также подтверждает сделанный вывод. Так, в 2012 г. в исправительных колониях зарегистрировано – 887 преступлений¹⁰, а в 2016 г. – 851¹¹.

В настоящее время в уголовно-исполнительном законодательстве презумпция добросовестности не закреплена. В результате независимо от поведения осужденного считается, что он добросовестно отбыл назначенное судом уголовное наказание, даже если систематически совершал злостные нарушения и активно противодействовал администрации исправительного учреждения.

Представляется, что в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве должны существовать нормы, определяющие, что отбытие уголовного наказания должно быть добросовестным. Исправление осужденного – это цель не только администрации исправительного учреждения, но и самого осужденного, к достижению которой он должен добросовестно идти. Неисполнение этой общей обязанности может служить

основанием для исключения фактически отбытого срока в зачет назначенного судом срока уголовного наказания. Полагаем, что законодательные презумпция и фикция будут способствовать укреплению пенитенциарного правопорядка, поскольку окажут сильное мотивирующее воздействие на осужденных в целях обеспечения социально активного и добросовестного поведения при отбывании уголовного наказания.

Как справедливо отмечает П. В. Голодов, процесс исправления осужденных соответствует двум основным типам мотивирования человеческого поведения – внутреннему и внешнему. Необходимый исправительный эффект может быть получен только при сочетании рассмотренных типов мотивирования¹². Предлагаемые технико-юридические средства оказывают преимущественно внешнее мотивирующее воздействие, хотя и превентивный эффект внутреннего мотивирования осужденных к своему исправлению также возможен.

Следует учитывать, что в правопорядке вообще и пенитенциарном в частности необходимо различать юридические и социальные стороны. Так, пенитенциарный правопорядок представляет собой систему норм, а также процедуры их реализации, которые обуславливают достижение юридических и социальных результатов. Юридические результаты пенитенциарного правопорядка выражаются, к примеру, в изоляции лиц, осужденных к лишению свободы, в течение всего срока, назначенного по приговору суда (соблюдении их прав, недопущении совершения ими правонарушений и преступлений), и освобождении их по отбытии наказания. Социальные результаты характеризуют исправление осужденных, то есть изменение их внутреннего отношения к преступной деятельности. Следует заключить, что юридические результаты должны способствовать появлению социальных.

Существующий пенитенциарный правопорядок нуждается в коренном обновлении механизма формирования социально активных установок осужденных. Обеспечить это может лишь более углубленная дифференциация отбывания уголовного наказания, предполагающая серьезное ужесточение мер к злостным нарушителям при одновременном качественном улучшении облегченных условий содержания.

Предлагаемые презумпция и фикция в сфере добросовестности отбывания наказания обеспечат более глубокую дифференциацию и усилят мотивацию осужденных к

социально активному поведению, однако их внедрению в правовую систему должна предшествовать серьезная исследовательская работа в части уточнения порядка и основания применения. Кроме того, необходимо существенно реформировать институт взыскания осужденных, для которого характерен ряд внутренних противоречий¹³. Современное законодательство допускает (а правоприменительная практика реализует) возможность перевода осужденных в ШИЗО (ПКТ) за незначительные нарушения

(к примеру, несоблюдение формы одежды). Подобные случаи девальвируют дисциплинарное наказание и поэтому не допустимы.

Следует учитывать, что презумпции и фикции – это технико-юридические инструменты, позволяющие не только выражать волю законодателя, но и достигать необходимого социального эффекта в правовом регулировании общественных отношений. В то же время их использование в законодательстве открывает дискуссию о социальной эффективности права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 12.

² См., напр.: Липень С. В. К вопросу о системе общеправовых презумпций // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 210.

³ См.: СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

⁴ См.: Там же. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁵ См.: Российская газета. 2014. 4 июня.

⁶ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь–декабрь 2012 г.: информ.-аналит. сб. Тверь, 2013. С. 216.

⁷ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь–декабрь 2016 г.: информ.-аналит. сб. Тверь, 2017. С. 263.

⁸ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь–декабрь 2012 г. С. 213

⁹ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь–декабрь 2016 г. С. 261

¹⁰ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь–декабрь 2012 г. С. 26.

¹¹ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь–декабрь 2016 г. С. 26.

¹² См.: Голодов П. В. Средства исправления осужденных: проблемы классификации и правовой регламентации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 32–33.

¹³ См. подр.: Янчук И. А. О недостатках законодательного закрепления мер поощрения и взыскания, применяемых к осужденным, лишенным свободы // Вестник УИС. 2015. № 10. С. 29–31.

¹ Sm.: Babaev V. K. Prezumpcii v sovetskom prave. Gor'kij, 1974. S. 12.

² Sm., napr.: Lipen' S. V. K voprosu o sisteme obshhepravovykh prezumpcij // Juridicheskaja tehnika. 2010. № 4. S. 210.

³ Sm.: SZ RF. 2006. № 12. St. 1232.

⁴ Sm.: Tam zhe. 2002. № 43. St. 4190.

⁵ Sm.: Rossijskaja gazeta. 2014. 4 ijunja.

⁶ Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii. Janvar'-dekabr' 2012 g.: inform.-analit. sb. Tver', 2013. S. 216.

⁷ Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii. Janvar'-dekabr' 2016 g.: inform.-analit. sb. Tver', 2017. S. 263.

⁸ Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii. Janvar'-dekabr' 2012 g. S. 213

⁹ Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii. Janvar'-dekabr' 2016 g. S. 261

¹⁰ Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii. Janvar'-dekabr' 2012 g. S. 26.

¹¹ Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii. Janvar'-dekabr' 2016 g. S. 26.

¹² Sm.: Golodov P. V. Sredstva ispravlenija osuzhdennykh: problemy klassifikacii i pravovoj reglamentacii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 2 (34). S. 32–33.

¹³ Sm. podr.: Janchuk I. A. O nedostatkah zakonodatel'nogo zakreplenija mer pooshhrenija i vzyskanija, primenjaemykh k osuzhdennym, lishennym svobody // Vedomosti UIS. 2015. № 10. S. 29–31.

УДК 174.4:343.8

Ответственность за несоблюдение этических и нравственных требований государственными служащими уголовно-исполнительной системы

А. В. КОРЕПИНА – заведующая кафедрой административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В статье раскрывается роль и значение морально-нравственных основ ответственности государственных служащих уголовно-исполнительной системы, ана-

лизируются положения действующего Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы, материалы судебной практики о применении его положений, обосновывается необходимость совершенствования законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: позитивная ответственность; этические и нравственные требования; этический кодекс уголовно-исполнительной системы; дисциплинарная ответственность служащих уголовно-исполнительной системы.

Responsibility for non-observance of ethical and moral requirements by the state employees of the penal system

A. V. KOREPINA – Head of Department of Administrative and Financial Law of the North-West Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), PhD. in Law, Associate Professor

The article shows the role and importance of the moral foundations of the responsibility of state employees of the penal system. The author analyzes the norms of the current Code of ethics and behavior of the state employees and civil workers of the penal system, as well as materials of judicial practice on the application of its provisions, it substantiates the idea of the necessity of improving the legislation in this area.

Key words: positive responsibility; ethical and moral requirements; the ethical code of the penal system; the disciplinary responsibility of employees of the penal system.

Социальная значимость института государственной службы предполагает повышенную ответственность государственных служащих за свои действия не только перед государством, но и перед самим обществом.

В юридической литературе идея осознания субъектом права полезности своего правомерного поведения перед обществом и государством получила название «концепция позитивной ответственности». Обоснованная в 1960-х гг. теория позитивной (активной, перспективной) ответственности нашла как своих последователей, так и критиков¹.

Сторонники позитивной ответственности в содержание юридической ответственности наряду с негативной (ретроспективной) ответственностью включают обязанность субъекта действовать правомерно. Так, по мнению П. Е. Недбайло, позитивная ответственность у человека возникает уже тогда, когда он приступает к выполнению возложенных на него обязанностей². Н. И. Матузов отмечает, что позитивная ответственность – это постоянная, добровольная и глубоко осознанная ответственность личности за надлежащее исполнение своих юридических обязанностей и гражданского долга³. Отстаивая место позитивной ответственности в механизме правового регулирования,

Н. В. Витрук указывает на позитивную ответственность как «несомненную социально-правовую, конституционную ценность, составляющую часть более общего вопроса о повышении эффективности правового регулирования»⁴.

Противники позитивной ответственности считают рассуждения о ней необоснованными, объединяющими данную категорию с такими неправовыми явлениями, как мораль и правосознание⁵. Признавая несостоятельность концепции позитивной юридической ответственности, А. В. Мильков настаивает на том, что ответственность, заключающаяся в осознании долга, убежденности, добросовестном использовании прав есть с философских позиций внутренняя ответственность, внутренняя моральная инстанция личности. По мнению ученого, она не имеет правовых признаков, не регламентируется правовыми нормами и, следовательно, не может признаваться стороной (аспектом) юридической ответственности⁶.

По нашему мнению, противопоставление юридической ответственности морально-нравственным основам представляется не совсем верным. Политика государства в области повышения законности и правопорядка не сводится только к наказательно-карательным методам государственного воздействия. Она носит комплексный харак-

тер и включает различные меры политического, социально-экономического, правового, организационного, информационного, в том числе и морального, характера. Последние рассчитаны на обеспечение добровольного соблюдения субъектами права возложенных на них государством обязанностей, и потому профилактический аспект данных мер нельзя недооценивать.

Комплексный характер государственной политики, а также приоритетное использование профилактических мер в области обеспечения законности в государственном управлении во многом реализуемы за счет признания государством важности моральных норм поведения, сложившихся в обществе, и при необходимости их закрепления в соответствующих правовых документах. Здесь мы согласны с авторами одного из учебников, посвященного вопросам государственной службы, в котором прописана замечательная идея о том, что «государственная служба не должна и не может утратить специфику, качественно отличающую ее от других организаций и общественных институтов. Главное в этой специфике – ее назначение – служить общественным интересам... А чтобы обеспечить это в условиях изменений, необходимо особое внимание к моральным принципам и ценностям служащих»⁷.

Стоит отметить, что в зарубежных странах нравственному регулированию государственно-служебных отношений придается особое значение. По мнению ученых-юристов, «такая ситуация обусловлена следующими обстоятельствами: а) авторитет власти напрямую зависит от нравственных качеств чиновников; б) нарушения моральных норм государственными служащими являются серьезным дестабилизирующим фактором в обществе; в) профессия государственного служащего является проводником воли государства»⁸. Нормативно-правовые акты о государственной службе различных государств содержат требования о соответствии государственных служащих «высоким стандартам честности, поведения и заботы об общественных интересах»⁹, о необходимости «примерного религиозного и морального поведения»¹⁰, «тактичного и вежливого поведения должностных лиц по отношению к своему начальству, своим коллегам и посетителям», «справедливого, честного и бескорыстного, самоотверженного служения обществу»¹¹.

Широко используемой формой закрепления моральных норм как в нашей стране, так

и в других государствах является создание этических кодексов профессиональной деятельности. В Российской Федерации основой для разработки этических кодексов в сфере государственной службы стал Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (далее – Типовой кодекс этики)¹². На его основе разработано более 100 отраслевых и региональных этических кодексов. Однако об их месте в системе правового регулирования в юридической науке пока не сложилось единого мнения. Одни ученые полагают, что подобного рода акты не содержат самостоятельных правовых норм, а являются сводом принципов служебной этики и основных правил служебного поведения¹³. Другие, наоборот, указывают на очевидность правовой природы этических кодексов поведения в сфере государственной службы¹⁴, что, на наш взгляд, неоспоримо по отношению к отраслевым и региональным этическим кодексам, которые утверждены нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а потому обязательны к исполнению.

Кодекс этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы (далее – служащих УИС) утвержден Приказом ФСИН России от 11.01.2012 г. № 5 (далее – Этический кодекс УИС)¹⁵. В сравнительном аспекте с другими этическими кодексами, в том числе с Типовым кодексом этики, прежде всего, хочется обратить внимание на развернутый характер целей действия его положений. Это не только установление этических и нравственных основ служебного поведения служащих УИС, но и «воспитание высоконравственной личности служащих УИС», «формирование единства убеждений и взглядов, ориентированных на профессионально-этический эталон поведения», «регулирование профессионально-этических проблем взаимоотношений», «выработка у служащих УИС потребности соблюдения профессионально-этических норм поведения не только в процессе служебной деятельности, но и в повседневной жизни», «формирование позитивного облика компетентного поведения служащих УИС». Как видим, целевое предназначение Этического кодекса УИС ориентировано не только на повышение эффективности выполнения служащими УИС

своих должностных обязанностей, но и на укрепление авторитета государственной службы в УИС и повышение доверия граждан к органам и учреждениям УИС.

Структурно Этический кодекс УИС кардинально не отличается от других кодексов этики государственной службы. Он включает основные принципы и правила служебного поведения служащих УИС и рекомендательные этические правила служебного поведения служащих. Первые, по сути, дублируют положения Указа Президента РФ от 12.08.2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»¹⁶. Такой момент имеет место в каждом этическом кодексе государственных служащих, что дает основание некоторым ученым считать, что указ является наиболее подходящей и достаточной правовой формой закрепления правил этического поведения государственных служащих¹⁷. Особые нравственные требования предъявляются к служащим УИС, наделенным организационно-распорядительными полномочиями по отношению к другим служащим. На них возлагается обязанность принимать меры к тому, чтобы подчиненные не допускали коррупционно опасного поведения.

Этические правила служебного поведения служащих УИС сформулированы исходя их принципа гуманизма, основанного на конституционном положении о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Они ориентированы на соблюдение нравственных норм при взаимоотношениях, прежде всего, с гражданами, а также друг с другом в целях установления в служебном коллективе деловых взаимоотношений. Служащим рекомендовано: а) быть вежливыми, доброжелательными, корректными, внимательными и проявлять терпимость в общении с гражданами и коллегами; б) воздерживаться от любого вида высказываний и действий дискриминационного характера по признакам пола, возраста, расы, национальности, языка, гражданства, социального, имущественного или семейного положения, политических или религиозных предпочтений; грубости, проявлений пренебрежительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний, предъявления неправомерных, незаслуженных обвинений; угроз, оскорбительных выражений или реплик, действий, препятствующих нормальному общению или провоцирующих противоправное поведение; курения во время служебных совещаний, бесед, иного служебного общения с гражданами.

Примером нарушений этических норм поведения служащим УИС служит дело № 33-1926, рассмотренное Мурманским областным судом 9 июля 2014 г. Из материалов дела следует, что сотрудница уголовно-исполнительной инспекции УФСИН России по Мурманской области была привлечена к дисциплинарной ответственности в виде строгого выговора за некорректное поведение при исполнении своих служебных обязанностей в отношении старшего помощника прокурора г. Апатиты Мурманской области, что привело к воспрепятствованию проведения прокурорской проверки. Судебная коллегия согласилась с доказанностью факта совершения дисциплинарного проступка, выразившегося в несоблюдении по отношению к должностному лицу органов прокуратуры требований Этического кодекса УИС, подтвердив, что «соблюдение последних в системе правовых актов, регулирующих службу в органах уголовно-исполнительной системы, является обязанностью сотрудника уголовно-исполнительной системы»¹⁸.

Этические правила предъявляют требования и к внешнему виду служащих. Основаны они на принципе соответствия внешнего вида сотрудника общепринятому деловому стилю, которому присущи официальность, сдержанность, традиционность, аккуратность. В отличие от других этических кодексов здесь они сформулированы достаточно сухо, учитывая установленное законодательством требование к ношению форменной одежды.

Таким образом, закрепив нравственные нормы в Этическом кодексе уголовно-исполнительной системы, государство сделало их правовыми. Необходимо иметь в виду, что согласие с положениями рассматриваемого кодекса является условием приема на службу в органы и учреждения пенитенциарной системы, так как установлено требование по обязательному ознакомлению служащих и граждан, поступающих на службу, с положениями данного правового акта. При этом судебная практика при разрешении дел об оспаривании решений о привлечении к дисциплинарной ответственности исходит из обязанности служащего знакомиться с содержанием положений Этического кодекса УИС, «поскольку указанный документ утвержден приказом ФСИН России, находится в общем доступе»¹⁹.

Этический кодекс УИС не предусматривает какой-либо ответственности за неисполнение его требований. Бланкетные нормы

на этот счет также отсутствуют. Соблюдение служащими положений рассматриваемого документа должно учитываться при использовании кадровых технологий, а также при наложении дисциплинарных взысканий. Установлено, что соблюдение основных положений Этического кодекса УИС дает право служащим на «уважение, доверие и поддержку в служебной и повседневной деятельности со стороны коллег, граждан и общества в целом». Ничего не говорится и о возможности привлечения служащих к моральной ответственности (моральному осуждению), как это сделано в Типовом кодексе этики.

На этот счет в юридической литературе есть мнение, что этические кодексы по своей сути являются дисциплинарными стандартами поведения государственных служащих и предполагают возможность применения дисциплинарных санкций за их нарушение²⁰. И это вполне соответствует сложившейся на сегодняшний день практике привлечения к ответственности за нарушение положений Этического кодекса УИС. Вопрос о наказании служащих за неисполнение нравственно-этических требований решается в дисциплинарном порядке в соответствии с законодательством о государственной службе²¹. Судебные инстанции признают легитимными акты о привлечении сотрудников уголовно-исполнительной системы к дисциплинарной ответственности, в том числе за совершение проступков, несовместимых с требованиями, предъявляемыми к личным, нравственным качествам служащих. В частности, основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения с государственной службы является совершение грубых административных правонарушений (например, управление транспортным средством в состоянии опьянения, отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения), а также ряда иных правонарушений (например, причинение телесных повреждений).

Несомненно, компетентность служащего складывается не только из профессиональных знаний, умений, навыков, опыта работы, но и духовно-нравственных качеств личности, которые формируют персональную ответственность служащего перед государством и обществом. Особенность прохождения службы предполагает специфику реализации этических и нравственных норм в профессиональной деятельности ее служащих. И здесь общим нравственным ориентиром должен стать Этический кодекс

УИС. На наш взгляд, положения действующего Этического кодекса УИС требуют совершенствования как структурно, так и по содержанию. Он должен включать пять разделов. Чтобы исключить дублирование норм Типового кодекса этики, в первом разделе «Общие положения» целесообразно прописать цели и общие принципы поведения служащих УИС (принципы законности, гуманизма, равенства, ответственности, политической нейтральности, порядочности, честности, патриотизма, терпимости и уважения к обычаям и традициям народов и др.).

Во втором разделе «Служебные правила поведения» следует раскрыть обязанности служащих, связанные с профессиональным выполнением возложенных на них обязанностей (исполнять должностные обязанности добросовестно и на высоком профессиональном уровне в целях обеспечения эффективной работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; осуществлять свою деятельность в пределах полномочий соответствующего учреждения или органа уголовно-исполнительной системы; соблюдать беспристрастность, исключаящую возможность влияния на их служебную деятельность решений политических партий и общественных объединений, соблюдать нормы служебной, профессиональной этики и правила делового поведения и др.). В данном разделе необходимо закреплению вопросов урегулирования конфликта интересов на государственной службе.

В третьем разделе «Правила поведения с гражданами и организациями» следует определить основы взаимоотношений, в том числе этические правила поведения служащих уголовно-исполнительной системы с отдельными гражданами, профессиональными группами и организациями, политическими партиями и общественными объединениями, средствами массовой информации. Отдельным подразделом необходимо выделить «Правила поведения служащих уголовно-исполнительной системы с осужденными».

В четвертом разделе «Деловые взаимоотношения на службе» важно регламентировать правила поведения служащих в коллективе с целью установления конструктивного сотрудничества друг с другом, определить основы взаимоотношений служащих, наделенных организационно-распорядительными полномочиями, со своими подчиненными для формирования в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы благоприятного морально-психологическо-

го климата, закрепить требования к внешнему деловому виду служащих.

В пятом разделе «Ответственность за нарушение положений Этического кодекса УИС» необходимо предусмотреть неблагоприятные последствия за несоблюдение требований кодекса, в том числе назначение

дисциплинарных взысканий, а также установить обязанность руководителей учитывать положения кодекса при решении кадровых вопросов (при проведении аттестаций, комплексной оценки служащих, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Смирнов В. Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 79; Тугаринов В. П. Личность и общество. М., 1965. С. 52.

² См.: Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 52.

³ См.: Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 208.

⁴ Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Лейст О. Э. Содержание (объем) понятия «юридическая ответственность». Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 1999. С. 480, 483; Общая теория государства и права: Академический курс / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. С. 595–599.

⁶ См.: Мильков А. В. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // Закон. 2016. № 6. С. 152–164.

⁷ Государственная служба: комплексный подход : учеб. / отв. ред. А. В. Оболонский. М., 2009. С. 148.

⁸ Современные кадровые технологии в органах власти : моногр. / под общ. ред. С. Е. Прокофьева, А. М. Беляева, С. Г. Еремина. М., 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Свод законов США. Титул 5. Пер. с англ. М.Ю. Филатова. Государственная служба в странах основных правовых систем мира : Нормативные акты / под ред. А. А. Демина. М., 2007. С. 221.

¹⁰ Общий устав Римской курии от 4 февраля 1992 г. / пер. с итал. М. Я. Бурляй. С. 480.

¹¹ Временное положение о государственных служащих КНР от 24.04.93 г. Жэньминь жибао, 19 августа 1993 г.

¹² См.: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010 г., протокол № 21). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См., напр.: Браташова Ю. А. Этика государственной службы на современном этапе развития России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 6–8.

¹⁴ См.: Купцова О. В. Этическая регламентация профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 63–66.

¹⁵ См.: Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 4.

¹⁶ СЗ РФ. 2002. № 33. Ст. 3196.

¹⁷ См., напр.: Браташова Ю. А. Этика государственной службы на современном этапе развития России. С. 6–8.

¹⁸ См.: Апелляционное определение Мурманского областного суда от 09.07.2014 г. № 33-1926. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ См.: Братановский С. Н., Зеленев М. Ф. Административно-правовые аспекты борьбы с коррупцией в системе исполнительной власти в РФ : моногр. М., 2017. С. 36.

²¹ См.: Старостин С. А. О процессуально-правовом аспекте административной ответственности // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегод. всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки Российской Федерации В. Д. Сорокина (к 90-летию со дня рождения) : в 3 ч. СПб., 2014. Ч. 1. С. 178–184.

¹ См., напр.: Смирнов В. Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 79; Тугаринов В. П. Личность и общество. М., 1965. С. 52.

² См.: Nedbajlo P. E. Sistema juridicheskikh garantij primeneniya sovetских pravovykh norm // Pravovedenie. 1971. № 3. S. 52.

³ См.: Matuzov N. I. Pravovaya sistema i lichnost'. Saratov, 1987. S. 208.

⁴ Vitruk N. V. Obshhaya teoriya juridicheskoy otvetstvennosti. M., 2009. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlus».

⁵ См.: Lejst O. Je. Soderzhanie (ob#em) ponjatija «juridicheskaja otvetstvennost'». Problemy teorii gosudarstva i prava / pod red. M. N. Marchenko. M., 1999. S. 480, 483; Obshhaya teoriya gosudarstva i prava: Akademicheskij kurs / pod red. M. N. Marchenko. M., 1998. T. 2. S. 595–599.

⁶ См.: Mil'kov A. V. O nesostojatel'nosti koncepcii duvhaspektnoj juridicheskoy otvetstvennosti // Zakon. 2016. № 6. S. 152–164.

⁷ Gosudarstvennaja sluzhba: kompleksnyj podhod : ucheb. / отв. ред. А. В. Оболонский. М., 2009. С. 148.

⁸ Sovremennye kadrovye tehnologii v organah vlasti : monogr. / pod obshh. red. S. E. Prokof'eva, A. M. Beljaeva, S. G. Eremina. M., 2015. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlus».

⁹ Svod zakonov SSHA. Titul 5. Per. s angl. M. Ju. Filatova. Gosudarstvennaja sluzhba v stranah osnovnykh pravovykh sistem mira : Normativnye akty / pod red. A. A. Demina. M., 2007. S. 221.

¹⁰ Obshhij ustav Rimskoj kurii ot 4 fevralja 1992 g. / per. s ital. M. Ja. Burlaj. S. 480.

¹¹ Vremennoe polozhenie o gosudarstvennykh sluzhashhih KNR ot 24.04.93 g. Zhjen'min' zhibao, 19 avgusta 1993 g.

¹² См.: Tipovoj kodeks jetiki i sluzhebno go povedeniya gosudarstvennykh sluzhashhih Rossijskoj Federacii i municipal'nyh sluzhashhih (odobren resheniem prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po protivodejstviju korrupcii ot 23.12.2010 g., protokol № 21). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlus».

¹³ См., напр.: Bratashova Ju. A. Jetika gosudarstvennoj sluzhby na sovremennom jetape razvitija Rossii // Rossijskaja justicija. 2016. № 11. S. 6–8.

¹⁴ См.: Kupcova O. V. Jeticheskaja reglamentacija professional'noj dejatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del // Rossijskaja justicija. 2016. № 8. S. 63–66.

¹⁵ См.: Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2012. № 4.

¹⁶ SZ RF. 2002. № 33. St. 3196.

¹⁷ См., напр.: Bratashova Ju. A. Jetika gosudarstvennoj sluzhby na sovremennom jetape razvitija Rossii. S. 6–8.

¹⁸ См.: Apelljacionnoe opredelenie Murmanskogo oblastnogo suda ot 09.07.2014 g. № 33-1926. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlus».

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ См.: Bratanovskij S. N., Zelenov M. F. Administrativno-pravovye aspekty bor'by s korrupciej v sisteme ispolnitel'noj vlasti v RF : monogr. M., 2017. S. 36.

²¹ См.: Starostin S. A. O processual'no-pravovom aspekte administrativnoj otvetstvennosti // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava : materialy ezhegod. vseros. nauch.-prakt. konf., posvjashh. pamjati d-ra jurid. nauk, prof., zasluž. dejatelja nauki Rossijskoj Federacii V. D. Sorokina (k 90-letiju so dnja rozhdenija) : v 3 ch. SPb., 2014. Ch. 1. S. 178–184.

Особенности регламентации уголовной ответственности за незаконный оборот оружия в государствах Таможенного союза ЕврАзЭС

М. И. МУРКШТИС – адвокат Московской областной коллегии адвокатов, кандидат юридических наук

В статье анализируется уголовное законодательство об ответственности за незаконный оборот оружия государств Таможенного союза ЕврАзЭС, в частности рассматриваются уголовные кодексы Армении, Казахстана, Киргизии и Беларуси, делается акцент на положительном опыте законотворческой деятельности в указанной сфере.

К л ю ч е в ы е с л о в а : оружие; незаконный оборот; Армения; Казахстан; Киргизия; Беларусь; уголовная ответственность; преюдиция.

Criminal responsibility for illicit arms trafficking in the countries of the Customs Union of the Eurasian Economic Union

M. I. MURKSHTIS – Lawyer of the Moscow Region Collegium of Advocates, PhD. in Law

The article is devoted to the analysis of the criminal legislation on responsibility for the illicit trafficking in arms of the states of the Customs Union of the Eurasian Economic Union, in particular, the criminal codes of Armenia, Kazakhstan, Kirghizia and Byelorussia are considered, emphasis is placed on the positive experience of the legislative activity in this sphere.

Key words: weapons; illegal traffic; Armenia; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Belarus; criminal responsibility; prejudice.

Исследование зарубежного уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот оружия представляет особую актуальность, прежде всего, в аспекте моделирования российского уголовного законодательства в рассматриваемой области. В новых социально-экономических и политических реалиях особый интерес представляет законодательство государств Таможенного союза как наиболее приближенных к России в правовом поле. Не будем рассматривать уголовное законодательство всех государств союза ввиду схожести законодательных решений, остановимся на наиболее характерных моментах.

В УК Армении¹ незаконный оборот оружия относится к преступлениям против общественной безопасности:

а) в ст. 235 установлена ответственность за незаконное приобретение, сбыт, хранение, перевозку или ношение огнестрель-

ного оружия (кроме гладкоствольного огнестрельного оружия и патронов к нему), боеприпасов, патронов к нарезному огнестрельному оружию, взрывчатых веществ или взрывных устройств;

б) квалифицированными видами рассматриваемого преступления являются: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой;

в) предусмотрен самостоятельный привилегированный состав преступления – незаконное ношение газового, холодного или метательного оружия;

г) в ст. 236 установлена ответственность за незаконное изготовление или ремонт огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств;

д) для обоих составов преступления предусмотрены основания освобождения

от уголовной ответственности, предполагающие добровольную сдачу указанных в ст. 235–236 предметов и отсутствие иного состава преступления в действиях виновного лица.

В УК Киргизии², как и в УК РФ, ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, предусмотрена в нескольких нормах (ст. 241–245), включенных в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности».

Особенность регламентации уголовной ответственности заключается в том, что законодатель данной страны криминализовал действия по ремонту (за исключением гладкоствольного охотничьего) оружия и изготовлению газового, гладкоствольного оружия, предназначенного для стрельбы патронами травматического действия, холодного оружия, в том числе метательного (ч. 1 ст. 241).

В ст. 243 УК Киргизии, в отличие от ст. 224 УК РФ, в качестве признака последствий преступления указывается только на тяжкие последствия, которые наступают в результате небрежного хранения оружия. Российский уголовный закон в этом случае уравнивает иные тяжкие последствия этого преступления и смерть лица.

В УК Казахстана³ ответственность за незаконный оборот оружия предусмотрена в ст. 287–288, в частности установлена ответственность:

а) за незаконные ношение или сбыт холодного оружия, за исключением случаев, когда ношение холодного оружия связано с охотничьим промыслом, а равно продажа работниками организаций торговли оружия и боевых припасов к нему физическим лицам, организациям, не имеющим соответствующего разрешения (ч. 1 ст. 277);

б) незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение огнестрельного бесствольного оружия, газового оружия с возможностью стрельбы патронами травматического действия, короткоствольного гладкоствольного оружия, а равно патронов к ним (ч. 2 ст. 277);

в) незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 3 ст. 277);

г) незаконные изготовление или ремонт огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, а равно незаконное изготовление боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 1 ст. 288);

д) незаконное изготовление газового, холодного оружия, в том числе метательного (ч. 4 ст. 288).

Квалифицированными видами рассматриваемых составов преступлений, согласно уголовному законодательству Казахстана, являются данные деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или неоднократно, а также преступной группой. Кроме того, предусмотрено специальное основание освобождения от уголовной ответственности в отношении лиц, добровольно сдавших предметы, указанные в этих статьях, если в их действиях не содержится состава иного преступления. При этом применительно к ст. 277 УК Казахстана есть специальное указание, что не признается добровольной сдача предметов, указанных в настоящей статье, в случае их изъятия при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

В УК Беларуси⁴ представлено более сложное законодательное решение относительно ответственности за незаконный оборот оружия. Соответствующие нормы располагаются в ст. 295–298 кодекса и относятся к преступлениями против общественной безопасности. В частности, установлена ответственность:

а) за незаконные изготовление, приобретение, передачу во владение, сбыт, хранение, перевозку, пересылку или ношение огнестрельного оружия (кроме охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия), боеприпасов (кроме боеприпасов к охотничьему огнестрельному гладкоствольному оружию), взрывчатых веществ, взрывных устройств, либо незаконные изготовление, приобретение, передачу во владение, сбыт, перевозку, пересылку или ношение составных частей или компонентов огнестрельного оружия (кроме составных частей и компонентов охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия), либо незаконные изготовление или сбыт основных частей взрывных устройств (ст. 295);

б) незаконные ношение либо перевозку холодного оружия, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия (ч. 1 ст. 296), а также незаконные изготовление либо сбыт холодного оружия (ч. 2 ст. 296);

в) незаконные ношение либо перевозку газового, пневматического или метательного оружия, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия (ч. 1 ст. 297), а также незаконные изготовление либо сбыт

газового, пневматического или метательного оружия (ч. 2 ст. 297);

г) незаконные приобретение, передачу во владение, хранение, перевозку, пересылку или ношение охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия или боеприпасов к нему, либо незаконные приобретение, передачу во владение, перевозку, пересылку или ношение составных частей или компонентов охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия (ч. 1 ст. 295.1), либо незаконные изготовление либо сбыт охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия, его составных частей, компонентов или боеприпасов к нему (ч. 2 ст. 295.1);

д) подделку или умышленное уничтожение маркировки огнестрельного оружия (ст. 295.2).

Среди квалифицирующих признаков, предусмотренных для преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в белорусском уголовном законодательстве следует отметить: совершение с целью сбыта; совершение повторно; группой лиц; группой лиц по предварительному сговору; организованной группой; должностным лицом с использованием своих служебных полномочий; лицом, которому оружие массового поражения или его основные части, огнестрельное оружие, его составные части или компоненты, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства выданы для служебного пользования или вверены под охрану; с целью совершения ряда преступлений террористической направленности.

Примеры законодательной практики в сфере противодействия незаконному обороту оружия в государствах Таможенного союза ЕврАзЭС свидетельствуют, что в уголовных законах Армении, Беларуси, Киргизии и Казахстана содержатся наиболее характерные решения в данной области.

Проанализировав представленные уголовно-правовые нормы, сделаем некоторые выводы:

1. В уголовном законодательстве государств ЕврАзЭС сложился единый подход, согласно которому преступления в сфере

незаконного оборота оружия относятся к преступлениям против общественной безопасности.

2. В целом выделяются три основных подхода к конструированию уголовно-правовых норм в рассматриваемой области:

а) на основе признаков объективной стороны состава преступления, когда за основу при выделении отдельных составов преступления берется отдельное деяние (деяния) в сфере незаконного оборота оружия (деятельный подход);

б) на основе признаков предмета преступления, когда за основу при выделении отдельных составов преступлений в сфере незаконного оборота оружия учитываются признаки предмета преступления, то есть вида оружия (предметный подход);

в) на основе сочетания признаков предмета преступления и признаков объективной стороны преступлений в сфере незаконного оборота оружия (смешанный подход).

3. Как правило, ответственность устанавливается за следующие виды деяний:

а) изготовление, приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение, ремонт огнестрельного оружия;

б) изготовление, ношение, перевозку, сбыт холодного оружия;

в) незаконное изготовление газового оружия.

4. Среди особенностей уголовной ответственности в сфере незаконного оборота оружия, которые могут быть восприняты в процессе законотворческой деятельности в российских условиях, следует отметить:

а) установление уголовной ответственности за подделку или умышленное уничтожение маркировки огнестрельного оружия;

б) использование института административной преюдиции для ряда деяний с меньшей степенью общественной опасности. Потенциально такое законодательное решение может способствовать дифференциации различных видов деяний в сфере незаконного оборота оружия по степени их общественной опасности;

в) специальное указание на квалифицирующий признак неоднократности совершенного деяния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 20.04.2017).

² См.: URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30222833 (дата обращения: 20.04.2017).

³ См.: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=1;-287 (дата обращения: 20.04.2017).

⁴ См.: URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=101163> (дата обращения: 20.04.2017).

¹ См.: URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 20.04.2017).

² См.: URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30222833 (дата обращения: 20.04.2017).

³ См.: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=1;-287 (дата обращения: 20.04.2017).

⁴ См.: URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=101163> (дата обращения: 20.04.2017).

УДК 343.8

Наказание в виде принудительных работ: проблемы назначения и исполнения

С. Е. БОДРЫХ – адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются содержание и сложности реализации уголовного наказания в виде принудительных работ, обозначаются существующие проблемы на законодательном уровне.

Ключевые слова: наказание; принудительные работы; исполнение наказания; обязательное привлечение к труду; исправительные центры; уголовно-исполнительное законодательство; злостное уклонение; надзор за осужденными.

Forced labor: appointment problems and execution

S. E. BODRYKH – Adjunct of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service of Russia

The article discusses the content and problems of implementation of criminal punishment in the form of forced labor, determines several existing problems at the legislative level.

Key words: punishment; forced labor; execution of punishment; compulsory labour; correctional centers; penal law; willful evasion; supervision of inmates.

На основании Федерального закона от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ введен новый вид уголовного наказания – принудительные работы, которые представляют собой альтернативу лишению свободы. Данные работы регламентированы уголовным, уголовно-исполнительным и трудовым законодательством и связаны с обязательным привлечением осужденного по приговору суда к труду без права свободного выбора места работы, рода деятельности и профессии, с лишениями или ограничениями права на вознаграждение за труд.

В соответствии с ч. 1 ст. 45 УК РФ принудительные работы наряду с обязательными и исправительными работами, ограничением по военной службе, арестом, содержанием в дисциплинарной воинской части, лишением свободы на определенный срок, пожизненным лишением свободы и смертной казнью относятся к основным (самостоятельным) видам наказания. Однако, исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 53.1

УК РФ, они не относятся к самостоятельному виду уголовного наказания, а являются лишь альтернативой лишению свободы и применяются в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ: за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые. Доказательством невозможности применения данного вида наказания в качестве самостоятельного служат требования ч. 2 ст. 53.1 УК РФ, согласно которым «если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами». Как представляется, в иных случаях они могут быть назначены лишь при условии применения правил ст. 64 УК РФ как более мягкий вид наказания.

Согласно ст. 60.1 УИК РФ данный вид наказания должен реализовываться в специальных учреждениях – исправительных центрах либо изолированных участках, функцио-

нирующих как исправительные центры, с обязательным привлечением осужденных к труду.

Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 12.11.2016 г. № 2392-р «О создании федеральных казенных учреждений»² создано 4 исправительных центра, а с 1 января 2017 г. они начали функционировать на базе реформируемых колоний в Тюменской области (г. Ишим), Ставропольском крае (г. Георгиевск), Тамбовской области (поселок Зеленый) и в Приморском крае (г. Уссурийск). Однако при отсутствии на территории субъекта Российской Федерации по месту жительства или по месту его осуждения исправительного центра или невозможности размещения (привлечения к труду) в имеющихся исправительных центрах осужденные направляются по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные центры, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для их размещения (привлечения к труду).

Принудительные работы не могут быть назначены: 1) несовершеннолетним, 2) лицам, признанным инвалидами первой или второй групп, 3) беременным женщинам, 4) женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, 5) женщинам, достигшим пятидесятилетнего возраста, 6) мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, 7) военнослужащим.

Особенностью назначения рассматриваемого вида наказания является обязательное предварительное назначение лишения свободы на срок не свыше пяти лет. Следует обратить внимание на то, что порядок и условия отбывания наказания в виде принудительных работ во многом совпадают с лишением свободы осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях.

Необходимо также отметить, что для обеспечения исполнения данного наказания администрации исправительного центра следует осуществлять деятельность по поиску работы для каждого осужденного. Трудоустройство возможно в организациях любой организационно-правовой формы. Например, в настоящее время УФСИН России по Ставропольскому краю достигнуты предварительные договоренности о трудоустройстве осужденных в ООО «Ставсталь», ООО «Краснокумский кирпичный завод», ГУП «Минералводское ДРСУ», ОАО «Хлебокомбинат «Георгиевский»»³. Стоит отметить, что у данной категории работников зачастую

отсутствуют профессиональное образование, стаж и навыки работы, что объясняет нежелание большинства работодателей трудоустраивать таких работников на своих предприятиях⁴.

Для осужденных есть лишь несколько ограничений: они не могут самостоятельно выбирать работу, уволиться или поменять работу, без разрешения администрации покинуть исправительный центр. Других ограничений, по сути, нет – они живут в обычных общежитиях, а после отбытия срока наказания, если не было никаких нарушений, осужденному может быть разрешено проживание за пределами центра с семьей, но в границах муниципального образования, где находится исправительный центр. Осужденные могут пользоваться мобильными телефонами и Интернетом, что, к примеру, запрещено в исправительных колониях и тюрьмах. В случае заболевания осужденные на общих основаниях могут обратиться к обычным врачам по медицинскому полису. На них в полном объеме распространяются все положения социального, пенсионного законодательства, в том числе ТК РФ. Осужденные получают зарплату, из которой по решению суда в доход государства будет удерживаться от 5 до 20 %, могут быть и взыскания по исполнительному производству, если есть удовлетворенные судами иски.

На основании уголовно-исполнительного законодательства осужденные имеют право на оплачиваемый отпуск продолжительностью 18 рабочих дней после первых шести месяцев работы. Проводить этот отпуск за пределами исправительного центра разрешается только тем, кто не имеет взысканий. При этом периодичность регистрации осужденных, проживающих вне территории исправительного центра, составляет до четырех раз в месяц.

С осужденными к принудительным работам администрацией исправительного центра проводится воспитательная работа. Данной категории осужденных разрешается обучение в образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего образования по заочной форме обучения, находящихся в пределах муниципального образования, на территории которого расположен исправительный центр.

Принудительные работы назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет. Срок принудительных работ исчисляется со дня прибытия осужденного в исправительный центр, но в этот срок не засчитывается время самовольного отсутствия осужденного на работе или в исправительном центре свыше одних

суток. В случае уклонения осужденного от отбывания принудительных работ или признания его злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания данный вид наказания заменяется лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день принудительных работ. При этом уголовный закон замены принудительных работ лишением свободы при злостном нарушении порядка и условий отбывания наказания не предусматривает. «Получается, – замечает Е. В. Благов, – что уголовное и уголовно-исполнительное законодательство не согласованы друг с другом»⁵.

Таким образом, принудительные работы, составляя альтернативу лишению свободы, должны применяться с учетом всей совокупности обстоятельств, характеризующих как виновного, так и обстоятельств совершенного им преступления.

Исправление осужденного к данному наказанию состоит в обязательном привлечении к труду, условия которого регламентированы ст. 60.4–60.8 УИК РФ. Таким образом, основным средством исправления осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, наряду с установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом), воспитательной работой и общественным воздействием является общественно полезный труд.

В рамках нашего исследования было установлено, что единой нормативно-правовой базы, которая регламентировала бы условия трудовой деятельности, порядок увольнения, предоставление отпуска, режим работы на данный момент не существует. Законодатель лишь указывает общие условия в уголовно-исполнительном законодательстве, а в остальном ссылается на ТК РФ.

На наш взгляд, принудительные работы не должны назначаться на срок более трех лет, так как длительная изоляция от общества формирует отрицательные личностные установки и не способствует исправлению осужденного. Смысл же данного наказания заключается в создании альтернативы лишению свободы, где цель – восстановление социальной справедливости – выступает доминирующей, в частности, с помощью привлечения осужденных к выполнению социально значимых проектов.

Таким образом, несмотря на законодательное закрепление наказания в виде

принудительных работ в УК РФ и УИК РФ, существует ряд проблемных вопросов, возникающих на практике, которые подлежат разрешению.

Во-первых, в штате исправительного центра предполагается наличие лишь одного воспитателя на 200 осужденных, что усложняет проведение индивидуальной воспитательной работы с осужденным, которая, в свою очередь, является обязательным условием их исправления⁶. Считаем необходимым предусмотреть возможность введения дополнительной штатной должности, предусматривающей исполнение обязанностей по проведению воспитательной работы с осужденными, а также оказанию психологической и социальной помощи осужденным, в том числе за счет привлечения специалистов иных подразделений ФСИН России и гражданских организаций. Не обеспечены штатами в полном объеме и некоторые другие службы (например, контроль за осужденными вне исправительного центра, обслуживание технических средств надзора и контроля за поведением осужденных, уборка служебных помещений, выдача питания, контрактная работа и т. д.).

Во-вторых, в правовом отношении в достаточной мере не урегулирован вопрос о раздельном содержании мужчин и женщин, отбывающих наказание в одном исправительном центре, не решены организационные вопросы обеспечения их раздельного содержания.

В-третьих, считаем необходимым закрепление на законодательном уровне возможности взыскания с осужденного к принудительным работам расходов, затраченных на проведение мероприятий по его розыску, задержанию и возврату в исправительный центр.

Таким образом, в Российской Федерации продолжается планомерная деятельность по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства и приведению его в соответствие с международными стандартами. Это, с одной стороны, позволяет повысить эффективность уголовной и уголовно-исполнительной политики государства, с другой – на должном уровне обеспечить реализацию правового положения осужденных, что в конечном счете будет способствовать их исправлению, успешному возвращению в общество, снижению уровня рецидива.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁵ См.: СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

⁶ См.: SZ RF. 2011. № 50. St. 7362.

² См.: Там же. 2016. № 47. Ст. 6691.

³ См.: Первый исправительный центр введен в эксплуатацию. URL: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=286639 (дата обращения: 15.06.2017).

⁴ См.: Комбаров Р. В., Поталов А. М. Об отдельных проблемах исполнения наказания в виде принудительных работ // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 79–83.

⁵ Благов Е. Принудительные работы // Уголовное право. 2012. № 2. С. 15–16.

⁶ См.: Об утверждении типовых структуры и штатного расписания исправительного центра и признании утратившим силу приказа ФСИН России от 04.10.2012 г. № 460 : приказ ФСИН России от 11.08.2016 г. № 641. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.08.2016).

² Sm.: Tam zhe. 2016. № 47. St. 6691.

³ Sm.: Pervyj ispravitel'nyj centr vveden v jekspluataciju. URL: http://fsin.rf/news/index.php?ELEMENT_ID=286639 (data obrashhenija: 15.06.2017).

⁴ Sm.: Kombarov R. V., Potapov A. M. Ob otidel'nyh problemah ispolnenija nakazaniya v vide prinuditel'nyh rabot // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2016. № 4 (29). S. 79–83.

⁵ Blagov E. Prinuditel'nye raboty // Uголовное право. 2012. № 2. S. 15–16.

⁶ Sm.: Ob utverzhenii tipovyh struktury i shtatnogo raspisanija ispravitel'nogo centra i priznanii utrativshim silu prikaza FSIN Rossii ot 04.10.2012 g. № 460 : prikaz FSIN Rossii ot 11.08.2016 g. № 641. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashhenija: 26.08.2016).

УДК 343.842

Проблемы реализации прогрессивной системы при исполнении наказания в виде лишения свободы

Д. А. ФОМИЧЕВ – адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются актуальные проблемы прогрессивной системы исполнения наказания в виде лишения свободы, а также предлагаются меры по их преодолению. Исследуются основания перевода осужденных из одного исправительного учреждения в другое, обобщаются мнения авторов на изучаемую проблему, приводится собственная авторская позиция.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; лишение свободы; исправительные колонии; тюрьмы; осужденные; прогрессивная система исполнения наказания; правила внутреннего распорядка; изменение вида исправительного учреждения; поведение осужденного.

Problems of implementing the progressive system in the execution of imprisonment

D. A. FOMICHEV – Adjunct of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with the Convicts of the Vologda Institute of law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with actual problems of the execution of punishment in the form of imprisonment according to the progressive system, and also proposes measures to overcome them. Studied are the bases for transfer convicts from one correctional institution to another, the opinions of the authors on the problem are summarized, and the author's own position is presented.

Key words: the penal system; deprivation of liberty; correctional colonies; prisons; convicts; progressive system of execution of punishment; inner order rules; changing the type of correctional institution; behavior of the convict.

Эффективное исполнение уголовного наказания является приоритетным направлением уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 1 УИК РФ целями действующего отечественного уголовно-исполнительного законодательства являются исправление осужденных и предупреждение

совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Непосредственную реализацию указанных целей осуществляют исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы, одним из наиболее важных критериев эффективности деятельности которых выступает уровень рецидива среди освобожденных лиц. Несомненно, важное значение для предупреждения рецидива преступлений имеет подготовка осужденных к освобождению¹. На достижение данной цели направлены институты прогрессивной системы исполнения наказания, к которым относятся изменение условий отбывания наказания и изменение вида исправительного учреждения. Одним из элементов прогрессивной системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы до 1 января 2016 г. выступала зарекомендовавшая себя с положительной стороны система «социальных лифтов»². Она представляла собой механизм изменения условий отбывания наказания или вида исправительного учреждения, замены неотбытой части наказания более мягким видом, условно-досрочного освобождения посредством оценки комиссией исправительного учреждения поведения осужденных с помощью определенных критериев³.

Согласно уголовно-исполнительной классификации (разделению) осужденных в процессе отбывания наказания происходит изменение их правового статуса в сторону сокращения либо увеличения правоограничений. Однако проблема исполнения лишения свободы по прогрессивной системе, в частности института изменения вида исправительного учреждения, недостаточно разработана в теории и не всегда находит абсолютное понимание практическими работниками.

Осужденные к лишению свободы в соответствии со ст. 58 УК РФ и ст. 74 УИК РФ содержатся в исправительных учреждениях – специализированных органах государства, исполняющих наказание в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы. Так, видами исправительных учреждений являются колонии-поселения, исправительные колонии общего, строго и особого режимов, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, лечебно-профилактические учреждения, а также следственные изоляторы для некоторых категорий осужденных. Данные учреждения призваны, прежде всего, изолировать

опасных преступников от законопослушных граждан, воспитывать их, сочетая в комплексе средства исправления, определенные в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, содействовать предупреждению совершения новых преступлений со стороны осужденных и иных лиц.

В современном уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрено несколько вариантов изменения вида исправительного учреждения. К переводам положительно характеризующихся осужденных, осуществляемым в порядке поощрения, относятся следующие:

- перевод из исправительной колонии общего или строгого режима в колонию-поселение (п. «в» ч. 2 ст. 78, ч. 1 ст. 128 УИК РФ);

- из тюрьмы в исправительную колонию (п. «а» ч. 2 ст. 78 УИК РФ);

- из исправительной колонии особого режима в исправительную колонию строгого режима (п. «б» ч. 2 ст. 78 УИК РФ).

Осужденных, являющихся злостными нарушителями порядка отбывания наказания, переводят следующим образом:

- из колонии-поселения в исправительную колонию, вид которой был ранее определен судом (п. «а» ч. 4 ст. 78 УИК РФ);

- из колонии-поселения, в которую они были направлены по приговору суда, в исправительную колонию общего режима (п. «б» ч. 4 ст. 78 УИК РФ);

- из исправительной колонии общего, строгого и особого режимов в тюрьму на срок не свыше трех лет с отбыванием оставшегося срока наказания в исправительной колонии того вида режима, откуда они были направлены в тюрьму (п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК РФ).

Кроме того, возможны переводы осужденных:

- из исправительной или воспитательной колоний, тюрьмы в следственный изолятор для участия в процессуальных мероприятиях;

- из воспитательной колонии в изолированный участок воспитательной колонии (при его наличии), функционирующий как исправительная колония общего режима, или в исправительную колонию общего режима;

- больных осужденных, требующих стационарного лечения, в лечебно-профилактическое учреждение из других исправительных учреждений и обратно;

- осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, для амбулаторного лечения в лечебное ис-

правительное учреждение из других исправительных учреждений и обратно и др.

Таким образом, анализ ст. 78 УИК РФ показывает, что поведение осужденного является главным критерием для принятия решения о переводе его в исправительное учреждение другого вида и, следовательно, лежит в основе прогрессивной системы исполнения наказания.

Еще одним основанием изменения вида исправительного учреждения выступает достижение осужденным определенного возраста в период отбывания наказания в воспитательной колонии (ст. 140 УИК РФ). Положительно характеризующиеся осужденные по достижении ими 18 лет по решению суда могут быть еще на один год оставлены в воспитательной колонии, а отрицательно характеризующиеся осужденные такого права не имеют. Считаем, что администрации воспитательной колонии при формировании документов на конкретного воспитанника и судьям при рассмотрении этого дела следует учитывать все аспекты поведения осужденного в период всего срока отбывания наказания. В связи с этим видится целесообразным ч. 1 ст. 139 УИК РФ после слова «обучение» дополнить словами «положительно характеризующиеся».

Состояние здоровья осужденного, которое может оказать серьезное влияние на процесс отбывания наказания, также является основанием для изменения вида исправительного учреждения (перевод в лечебно-профилактическое или лечебно-исправительное учреждение). Согласно п. 138 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 29.12.2016 г. № 295⁴, осужденные, злостно нарушающие установленный порядок отбывания наказания, могут быть выписаны из лечебно-профилактических учреждений (это же распространяется и на лечебные исправительные учреждения) и возвращены по прежнему месту содержания при отсутствии медицинских противопоказаний.

Перемещение осужденного из исправительной, воспитательной колонии или тюрьмы в следственный изолятор на срок, определенный органами предварительного расследования, осуществляется в соответствии с уголовно-процессуальной процедурой.

Таким образом, можно выделить четыре основания изменения вида исправительного учреждения: 1) поведение осужденного; 2) достижение определенного возраста в

период отбывания наказания в воспитательной колонии; 3) состояние здоровья; 4) необходимость решения уголовно-процессуальных вопросов. Однако только первое – поведение осужденного – в разной степени учитывается при всех способах изменения вида исправительного учреждения (за исключением перевода осужденного в следственный изолятор в соответствии с уголовно-процессуальным законом).

Особенности поведения и личности осужденного учитываются при решении многих вопросов, связанных с отбыванием наказания: перевод осужденного в исправительное учреждение другого вида, изменение осужденному вида условий отбывания наказания, применение мер поощрения и взыскания, предоставление права выезда за пределы исправительного учреждения, представление осужденного к условно-досрочному освобождению и др. Вместе с тем конкретные критерии оценки поведения и личности осужденного, его степени исправления, четкого обоснования и закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве не получили.

В связи с этим считаем необходимым в статьях УИК РФ закрепить не только способы изменения вида исправительного учреждения, но и критерии оценки поведения и личности осужденных, степени их исправления. Так, ряд авторов считает, что ст. 9 УИК РФ необходимо дополнить следующим положением: «при определении степени исправления осужденного с учетом вида отбываемого наказания учитываются соблюдение им требований режима, отношение к труду, отношение к получению среднего профессионального образования и профессиональному обучению, а также получение осужденным основного общего и среднего общего образования, отношение осужденного к совершенному деянию, раскаяние в совершенном деянии, возмещение причиненного ущерба или иное устранение последствий вреда, причиненного в результате преступления, прохождение осужденным курса лечения от наркомании, алкоголизма, токсикомании, венерических заболеваний, психических расстройств, не исключающих вменяемости, а также его отношение к лечению»⁵.

Заметим, что отсутствует однозначная взаимосвязь стадий изменения условий содержания и изменения вида исправительного учреждения как в отношении осужденных, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказа-

ния, так и в отношении положительно характеризующихся осужденных. Так, ч. 2 ст. 78 УИК РФ регламентирует условия изменения вида исправительного учреждения для положительно характеризующихся осужденных, но не содержит требование нахождения осужденных на облегченных условиях отбывания. Такое положение вполне может привести к произволу и коррупции со стороны администрации учреждения при принятии решения о переводе осужденного. Изменение вида исправительного учреждения в отношении положительно характеризующихся осужденных целесообразно только тогда, когда имеющиеся средства облегчения условий отбывания наказания в данном учреждении исчерпаны. Такие осужденные должны иметь поощрения, не иметь взысканий, а также находиться в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов на облегченных условиях отбывания наказания. Принципы прогрессивной системы отбывания наказания необходимо применять и к осужденным, оставленным в воспитательной колонии до достижения возраста 19 лет, законодательно закрепив возможность перевода положительно характеризующихся осужденных в колонии-поселения.

Прогрессивная система исполнения наказания заключается также и в ограничении прав осужденных, нарушающих порядок отбывания наказания, путем применения дисциплинарных мер воздействия (дисциплинарных взысканий, изменения условий содержания). Стоит отметить, что взгляды ученых на юридическую природу данных мер не совпадают. Так, А. И. Марцев объединяет дисциплинарные взыскания, меры, направленные на изменение условий содержания, и меры, применяемые к буйствующим заключенным, в понятие «дисциплинарные меры»⁶. В. А. Ласточкин считает, что меры дисциплинарного воздействия обозначают совокупность установленных мер поощрения и взыскания⁷. С. И. Кузьмин отмечает, что меры дисциплинарного воздействия – это только меры взыскания, применяемые к осужденным⁸.

Мы разделяем мнение А. Е. Федяева, указывающего, что дисциплинарные меры воздействия – совокупность правовых средств, предусмотренных нормами уголовно-исполнительного права, применяемых уполномоченными должностными лицами, как правило, во внесудебном порядке, заключающихся в принуждении осужденных к исполнению правил и обязанностей в целях

способствования индивидуализации исполнения наказания, стимулирования позитивного поведения осужденных в период отбывания наказания, укрепления правопорядка в местах лишения свободы⁹.

Перечень мер взыскания для осужденных к лишению свободы, являющихся элементами прогрессивной системы, определен в ч. 1 ст. 115 УИК РФ. Особенности условий содержания осужденных в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа, одиночных камерах закреплены в одноименной гл. XXIV Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения. Анализ этого нормативного правового акта позволяет сделать вывод о том, что условия содержания в помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах не отличаются. Разница видна в содержании нарушителей в штрафных изоляторах, а именно: данный вид дисциплинарного наказания является наиболее суровым и существенно ограничивает права осужденных (в частности, курение там полностью запрещено).

В процессе реализации прогрессивной системы также прослеживается законодательная неопределенность. Например, перевод осужденного в помещение камерного типа, где осуществляется покамерное содержание, по сути, является переводом осужденного в тюрьму. Из этого следует ряд вопросов: чем является помещение камерного типа – мерой взыскания или условием содержания? и почему решение о переводе в помещение камерного типа не принимается комиссионно, как это делается при переводе на строгие условия?

Еще одна проблема прогрессивной системы состоит в соотношении помещения камерного типа и единого помещения камерного типа. Данные меры взыскания можно рассматривать как условия содержания для осужденных, признанных злостными нарушителями, которые отличаются только сроками действия взыскания. Таким образом, в настоящее время в одном исправительном учреждении осужденный, являющийся злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, может содержаться: а) в строгих условиях; б) в помещении камерного типа; в) в одиночных камерах (в исправительной колонии особого режима); д) в едином помещении камерного типа; г) может быть переведен в тюрьму.

Анализ ст. 115, 116 УИК РФ показывает, что отсутствует четкая правовая регламентация

при применении принципов дифференциации и индивидуализации мер взысканий к лишенным свободы, не определены четкие правовые последствия признания осужденного злостным нарушителем режима отбывания наказания. Так, одного нарушителя режима за очередное злостное нарушение водворят в помещение камерного типа, а другого в тюрьму¹⁰, что обуславливает возможность злоупотребления должностными полномочиями со стороны администрации исправительного учреждения.

Следующей проблемой прогрессивной системы исполнения наказания следует обозначить нарушение последовательности стадий при изменении вида режима в уголовно-исполнительном законодательстве. В отношении осужденных, признанных злостными нарушителями, изменение вида исправительного учреждения целесообразно только после их перевода в строгие условия.

Наибольшую эффективность применения прогрессивной системы отбывания наказания возможно достичь при непрерывном процессе исправления, то есть при такой его организации, когда осужденные остаются в одном исправительном учреждении до освобождения. В этой связи интересным представляется вопрос, связанный с функционированием исправительных учреждений с различными видами режима.

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы широкое распространение получила практика создания на территориях исправительных учреждений изолированных участков с разными видами режима. На территории исправительных колоний успешно функционируют участки тюремного типа в виде штрафных изоляторов, помещений камерного типа, участков строгих условий, помещений, функционирующих в режиме тюрьмы. Широкое распространение получает организация изолированных участков с режимом колонии-поселения.

Кроме того, на территориях исправительных учреждений созданы и с 1 января 2017 г. реализуют свою деятельность изолированные участки, функционирующие как исправительные центры¹¹. Практика внедрения таких участков получает распространение. Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 12.11.2016 г. № 2392-р «О создании федеральных казенных учреждений»¹² созданы четыре исправительных центра в Приморском и Ставропольском краях, в Тамбовской и Тюменской

областях. Кроме того, при действующих исправительных колониях организовано семь изолированных участков, которые также будут функционировать как исправительные центры. Общий лимит наполнения – 896 осужденных.

На основании вышеизложенного возникает вопрос в определении правовой природы исправительного учреждения с различными видами режима, а также исправительного учреждения, исполняющего разные виды наказаний. Так, ряд авторов определяют данные учреждения как «комплексные исправительные учреждения», состоящие из отдельных изолированных участков (помещений) с установленными в них самостоятельными требованиями порядка и условий отбывания наказания и предназначенных для содержания осужденных, в том числе и к различным видам наказания (лишение свободы, принудительные работы), а также оказания на них исправительного воздействия с помощью закрепленных в законе средств исправления¹³. Полагаем, следует поддержать высказанное мнение.

Прогрессивная система исполнения наказания в виде лишения свободы требует дальнейшего реформирования, законодательного закрепления исправительных учреждений с различными видами режима. Для этого необходимо исследовать целый ряд важных вопросов, связанных с организацией деятельности таких учреждений: архитектурные модели новых типов учреждений, средства дифференциации режима отдельных структурных частей (изолированных участков) учреждения, нормативное закрепление критериев классификации осужденных на разных этапах отбывания наказания, последовательности стадий при изменении вида режима. В научной литературе отмечается и ряд других проблемных вопросов, связанных с развитием системы так называемых гибридных исправительных учреждений: обеспечения безопасности, прав осужденных, материально-технического обеспечения, профессиональной подготовки кадров и др.¹⁴

Таким образом, полагаем, что в настоящее время назрела необходимость пересмотра подходов к системе исправительных учреждений с углублением дифференциации исполнения наказания, а также совершенствования порядка изменения их видов в порядке поощрения и наказания. Для этого необходимы:

1. Научная проработка и обоснование содержания и построения прогрессивной

системы исполнения наказания, ее принципов, уровней и элементов с последующим законодательным оформлением.

2. Систематизация и законодательное закрепление критериев исправления осуж-

денных, в частности критериев оценки их поведения.

3. Определение правовой природы вида исправительного учреждения с различными видами режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Южанин В. Е., Кириллов С. И., Бабунов В. Ю. Раннее предупреждение постпенитенциарного рецидива преступлений (уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты) : моногр. Коломна, 2011. С. 175.

² См., напр.: Голодов П. В. Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 18. С. 26–33.

³ См.: Методические рекомендации по использованию системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях ФСИН России в условиях действующего законодательства : указание директора ФСИН России от 25.03.2011 г. № 15-5093-01.

⁴ См.: Российская газета. 2016. 29 дек.

⁵ Голодов П. В., Рудаков А. М. Критерии оценки поведения осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве: вопросы систематизации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 64–67.

⁶ См.: Марцев А. И. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы : учеб. пособие. Омск, 1969. С. 22.

⁷ См.: Ласточкин В. А. Эффективность наказаний в виде лишения свободы в исправительно-трудовых колониях общего режима : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 106.

⁸ См.: Кузьмин С. И. Развитие советских исправительно-трудовых учреждений в 60–80 годах : учеб. пособие. М., 1990. С. 29.

⁹ См.: Федяев А. Е. Меры взыскания, применяемые к осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 8.

¹⁰ См.: Федорев П. Классификация осужденных по степени исправления // Преступление и наказание. 1999. № 12. С. 68.

¹¹ Об утверждении порядка создания при исправительных учреждениях уголовно-исправительной системе изолированных участков, функционирующих как исправительные центры : приказ Минюста России от 08.04.2014 г. № 67 // Российская газета. 2014. 25 апр.; Утвержден порядок создания при исправительных учреждениях изолированных участков, функционирующих как исправительные центры. URL: <http://mosoblproc.ru/explain/utverzhdn-poryadok-sozdaniya-pri-ispravitelnyih-uchrezhdeniyah-izolirovannyih-uchastkov-funktsioniruy-ushhh-kak-ispravitelnyie-tsentry/>

¹² См.: СЗ РФ. 2016. № 47. Ст. 6691.

¹³ См., напр.: Уткин В. А. Ресоциализация и прогрессивная система // Новый юридический журнал. 2012. № 3. С. 69.

¹⁴ См.: Усев Р. З. Перспективы развития системы гибридных исправительных учреждений в аспекте обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 4. С. 30–35.

¹ См.: Juzhanin V. E., Kirillov S. I., Babunov V. Ju. Rannee preduprezhdenie postpenitenciarного recidiva prestuplenij (ugolovno-pravovoj i ugolovno-ispolnitel'nyj aspekty) : monogr. Kolomna, 2011. S. 175.

² См., напр.: Golodov P. V. Problemy primeneniya sistemy «social'nogo lifta» v uslovijah ispravitel'nogo uchrezhdenija dlja lic, sovershivshih prestuplenija v nesovershennoletnem vozraste // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 18. S. 26–33.

³ См.: Metodicheskie rekomendacii po ispol'zovaniju sistemy «social'nyh liftov» v ispravitel'nyh uchrezhdenijah FSIN Rossii v uslovijah dejstvujushhego zakonodatel'stva : ukazanie direktora FSIN Rossii ot 25.03.2011 g. № 15-5093-01.

⁴ См.: Rossijskaja gazeta. 2016. 29 dek.

⁵ Golodov P. V., Rudakov A. M. Kriterii ocenki povedenija osuzhdennyh v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve: voprosy sistemacii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 3 (35). S. 64–67.

⁶ См.: Marcev A. I. Disciplinarnaja otvetstvennost' osuzhdennyh k lisheniju svobody : uceb. posobie. Omsk, 1969. S. 22.

⁷ См.: Lastochkin V. A. Jeffektivnost' nakazanij v vide lishenija svobody v ispravitel'no-trudovyh kolonijah obshhego rezhima : dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 1972. S. 106.

⁸ См.: Kuz'min S. I. Razvitie sovetskij ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij v 60–80 godah : uceb. posobie. M., 1990. S. 29.

⁹ См.: Fedjaev A. E. Mery vzyiskaniya, primenjaemye k osuzhdennym, otbyvajushhim nakazanie v ispravitel'nyh uchrezhdenijah Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2005. S. 8.

¹⁰ См.: Fedoreev P. Klassifikacija osuzhdennyh po stepeni ispravlenija // Prestuplenie i nakazanie. 1999. № 12. S. 68.

¹¹ Об утверждении порядка создания при исправительных учреждениях уголовно-исправительной системы изолированных участков, функционирующих как исправительные центры : приказ Минюста России от 08.04.2014 г. № 67 // Российская газета. 2014. 25 апр.; Утвержден порядок создания при исправительных учреждениях изолированных участков, функционирующих как исправительные центры. URL: <http://mosoblproc.ru/explain/utverzhdn-poryadok-sozdaniya-pri-ispravitelnyih-uchrezhdeniyah-izolirovannyih-uchastkov-funktsioniruy-ushhh-kak-ispravitelnyie-tsentry/>

¹² См.: SZ RF. 2016. № 47. St. 6691.

¹³ См., напр.: Utkin V. A. Resocializacija i progressivnaja sistema // Novyj juridicheskij zhurnal. 2012. № 3. S. 69.

¹⁴ См.: Usev R. Z. Perspektivy razvitija sistemy gibridnyh ispravitel'nyh uchrezhdenij v aspekte obespechenija bezopasnosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2017. № 4. S. 30–35.

Развитие российского законодательства в сфере исполнения наказаний в XVIII в.

А. М. ФУММ – начальник отдела разработки методологии исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

О. Н. ЯКОВЛЕВА – ученый секретарь Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье обобщается исторический опыт развития отечественного законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний в XVIII столетии, анализируются тенденции, обусловленные процессом государственно-правового развития России и определившие систему уголовных наказаний, основные этапы и особенности ее формирования.

Ключевые слова: законодательство; система наказаний; цели наказания; смертная казнь; телесные наказания; тюремное заключение; ссылка.

Development of Russian legislation in the sphere of execution of punishments in the XVIII century

A.M. FUMM – Head of the Department for the Development of the Methodology for the Execution of Sentences with deprivation of liberty and the study of penal criminality of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

O. N. YAKOVLEVA – Scientific Secretary of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article summarizes the historical experience of the development of domestic legislation in the sphere of execution of criminal penalties in the XVIII century, analyzes the trends caused by the process of state and legal development of Russia and determined the system of criminal punishments, the main stages and peculiarities of its formation.

Key words: legislation; penal system; purposes of punishment; the death penalty; physical punishment; imprisonment; exile.

Первая половина XVIII в. практически не оставила следа в истории тюремной системы России. Единственный правовой акт общегосударственного значения – Артикул воинский 1715 г. – упоминал о лишении свободы лишь в 17 случаях, среди которых тюремное заключение встречалось в пяти статьях наряду с каторгой, галерами и «посажением в железа»¹.

В сложившихся в начале XVIII в. условиях, когда менялись потребности общества, его социальные, духовные и материальные ценности, требовался уже не универсальный правовой акт (каким было Соборное уложение 1649 г.), а документы, четко регламентирующие отдельные сферы жизни страны.

Петровское время характеризовалось так называемым указным правом, когда отдельные стороны общественной жизни регулировались императорскими указами. Так, только в уголовно-исполнительной сфере исследователи выявили 392 указа, правда, большинство из них относились к каторге и ссылке². Что касается Артикула воинского, то в нем тюремное заключение зачастую не имело определенных сроков и назначалось, как правило, на непродолжительный период. Многие статьи, касавшиеся тюремного заключения, имели оценочный характер и расплывчатое содержание, что значительно затрудняло работу органов исполнения наказания. В большинстве случаев тюремное

заключение по данному закону было сопряжено с тяжелыми телесными наказаниями.

Артикул воинский отличался от Соборного уложения тем, что он совершенно не затрагивал такие проблемы уголовно-исполнительного характера, как порядок и условия отбывания наказания, управление местами заключения, быт и работа арестантов. Однако наряду с недостатками можно отметить и его достоинства, главные из которых – альтернативность наказания и введение новых его видов (в первую очередь каторги). Основным видом наказания по Артикулу воинскому по-прежнему оставалась смертная казнь, применявшаяся как самостоятельный вид наказания в 101 артикуле из 209. Данный нормативный акт определял и способы лишения жизни преступников: колесование, сожжение, повешение и пр.

Применение тюремного заключения в рассматриваемый период все еще носило характер устрашения, а не исправления, что связано с общей направленностью уголовной политики государства. Порядок и условия отбывания этого наказания определялись исключительно фискальными целями, когда арестанты, являвшиеся бесплатной рабочей силой, направлялись на сооружение различных объектов, что было неотъемлемой частью преобразований Петра I.

По имеющимся данным, устройство тюрем в XVIII в. практически ничем не отличалось от предыдущего периода. Тюрем назывались острогами и представляли собой пространство, обнесенное достаточно высокой стеной из вертикально поставленных бревен, с одними воротами. В центре такого двора находилась деревянная казарма, которая отапливалась несколькими печами. Острог был рассчитан на 800–1000 заключенных, при этом в одной камере содержалось 25–30 чел. Арестанты разделялись на подсудимых и осужденных, мужчин и женщин, взрослых и подростков. Однако этот порядок соблюдался далеко не во всех тюрьмах, и нередко все категории заключенных содержались вместе. Описание тюрем того периода мы находим у М. Н. Гернета: «Если бы мы вошли в тюрьму того времени, то увидели бы там скученных вместе мужчин и женщин, детей, разбойников и несостоятельных должников. Нам бы пришлось идти по земляному полу, покрытому водой, в темноте, ощупью, задыхаться в душной атмосфере. Мы не должны были бы удивляться, если бы стражник продавал тут же при нас арестантам водку, так как это была обычная статья его дохода»³.

Тюремный режим того времени не был четко регламентирован: днем арестантам разрешалось гулять по внутреннему двору, некоторые из них, скованные цепью, выводились на улицу для сбора милостыни. Вернувшись в тюрьму, узники делили милостыню поровну. Весь день тюрьма была открыта для посетителей: к заключенным приходили родственники, знакомые, торговцы, которые приносили еду и одежду. Больные арестанты переводились из тюрьмы в госпиталь, находившийся неподалеку. Ночью тюрьма тщательно охранялась, а за побеги были положены суровые телесные наказания. Однако побеги при таком лояльном режиме не были редкостью: охрана, получая небольшое жалованье, охотно шла на сговор с заключенными.

В тюрьмах господствовал произвол тюремной администрации, которая действовала исключительно по своему усмотрению. Но власти все же пытались контролировать численность и положение арестантов: с 1701 г. администрация места заключения должна была ежегодно подавать в Сенат отчет о состоянии дел в тюрьме. Основным способом пропитания заключенных оставался сбор милостыни, лишь в 1737 г. императорским указом арестантам было назначено скудное денежное и продовольственное содержание⁴. Однако положения данного указа не получили должной реализации из-за отсутствия четкого, конкретного механизма их применения.

Эпоха дворцовых переворотов, правление Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны не оставили в тюремной сфере России середины XVIII в. сколько-нибудь значительных правовых актов. Можно отметить лишь некоторую гуманизацию карательной политики государства по сравнению с эпохой Петра I.

Особое место в становлении и развитии уголовно-исполнительного законодательства России занимает правление Екатерины II, которая в духе политики просвещенного абсолютизма проводила в жизнь многие прогрессивные проекты в различных областях жизни общества, в том числе и по преобразованию пенитенциарной сферы.

В рассматриваемый период огромное влияние на формирование и развитие отечественных тюремных учреждений оказали передовые западноевропейские уголовно-правовые учения и традиции. Прежде всего, выделим вклад в развитие отечественной юридической науки известного итальянского юриста Чезаре Беккариа, труды которого не утратили своей актуальности и в наше

время. В своем трактате «О преступлениях и наказаниях», вышедшем в свет в 1764 г., он впервые обосновал отказ от применения смертной казни и замену ее тяжелой работой как средства искупления преступником своих грехов, допуская при этом применение смертной казни лишь в двух случаях: при угрозе государственному или общественному порядку и неисправимости лица.

Именно Беккариа сформулировал положения, ставшие позднее основой для формирования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства многих стран, в том числе и России. Основной акцент делался на принципы справедливости, законности и неотвратимости наказания, на определение его целей и задач: «Целью наказания является не истязание и доставление мучений человеку и не стремление признать несовершенным преступление, которое уже совершено. Цель наказания заключается не в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий. Поэтому следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному преступлению, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей и не причиняли бы преступнику значительных физических страданий»⁵.

Положения трактата Беккариа были использованы при составлении законопроектов во многих странах Европы, в том числе и Екатериной II в ее «Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения» и проекте закона «Об устройстве тюрем».

Наказ, вышедший в свет в 1767 г. и закрепивший для развития российского тюремного дела ряд важных положений, стал первым в России четким выражением воли правительства в отношении уголовной и уголовно-исполнительной политики государства. Однако идеи этого правового документа претворились в жизнь лишь отчасти. Но даже это свидетельствовало о возрастающем внимании к вопросам применения отдельных видов наказаний, а также их исполнения. К сожалению, на местах система исполнения наказаний действовала еще очень слабо: тюрьмы содержались в антисанитарных условиях и требовали капитального ремонта, использование труда заключенных носило сезонный характер, а сами они испытывали моральные и физические страдания.

Особое место в законотворческой деятельности Екатерины II занимает проект «Об

устройстве тюрем» 1787–1788 гг. Данный документ, так и оставшийся по неизвестным причинам лишь на бумаге, активно применялся в ходе реформирования тюремной системы России через 100 лет. Особенно широко российские пенитенциаристы второй половины XIX в. использовали положения данного проекта в части, касавшейся зарубежных достижений и просчетов в области тюремного дела.

Проект содержал около ста статей, каждая из которых была посвящена отдельному вопросу тюремного дела. Предусматривалось раздельное содержание заключенных в зависимости от пола, возраста, социальной принадлежности, тяжести совершенного преступления, вида наказания. Кроме того, в документе раскрывались устройство и содержание тюрем, обеспечение режима, быта и труда арестантов. Впервые достаточно ясно формулировались требования к системе исполнения уголовного наказания и подготовке тюремного персонала. Кроме того, была четко проведена классификация тюремных учреждений с разделением их на уголовные, гражданские и пересыльные. Все тюрьмы в стране подчинялись государственному надзирателю правосудия. Значительное место в проекте отводилось постройке тюремных зданий, их архитектуре, санитарии и гигиене, полномочиям тюремной стражи и пр.

Именно в данном проекте впервые в российской истории была законодательно закреплена задача нравственного исправления преступников. Нельзя не согласиться с Д. В. Краинским, известным тюремным чиновником второй половины XIX в., который в одной из своих работ писал, что «если императрице не удалось внести улучшение в тюремную жизнь и создать некоторую определенность в вопросе тюремного заключения, то общие реформы ее в государстве силою вещей положили начало периоду коренных преобразований тюрем на обширном пространстве всей русской империи»⁶.

Кроме того, большое внимание в своем проекте императрица уделяла персоналу тюрьмы губернского города. Согласно проекту во главе тюрьмы стоял надзиратель, имеющий трех помощников. Для ведения делопроизводства и отчетности вводились должности «книгодержателя» и «копииста». Хозяйственные работы предусматривали должности кашевара, дровосека, портомоя и пр. Остальной штат приходился на тюремную больницу, которую возглавлял доктор; в ее штате также предусматривались смотритель, лекарь, его ученики, помощники и си-

делки. Данные положения, безусловно, внесли некоторые уточнения в организацию управления местами заключения, и остается только сожалеть, что они так и не были воплощены в жизнь.

Проект Екатерины II имел и существенные недостатки: в нем совершенно не упоминалось о финансировании ремонта старых и строительства новых тюремных зданий, а также об ответственности различных чинов тюремной администрации.

Несмотря на то что данный правовой документ не был применен на практике, само его появление по сравнению с предшествующим периодом было шагом вперед. При составлении данного проекта императрица Екатерина II использовала выводы Ч. Беккариа, И. Бентама, других видных правоведов того времени, а также опыт организации тюремных систем передовых европейских стран. Именно в это время впервые появилось научное обоснование различных вопросов, связанных с назначением и исполнением наказания в виде лишения свободы. До этого, принимая важные решения, законодатель редко использовал научные достижения, в основном ориентируясь лишь на практику. Но даже если бы законопроект

был утвержден, его положения для тюремной администрации оказались бы практически невыполнимыми. Во второй половине XVIII в. на строительство новых и ремонт старых тюрем, на подготовку квалифицированного тюремного персонала по-прежнему катастрофически не хватало средств. Более того, в России того времени отсутствовал необходимый государственный механизм, способный реализовать намечавшиеся преобразования в тюремной сфере⁷.

Таким образом, переписка с французскими просветителями, желание показать Европе силу и характер России, стремление поставить нашу страну в один ряд с ведущими европейскими государствами – все это, несмотря на нереализованность многих пенитенциарных проектов того времени, безусловно, способствовало поступательному развитию российской тюремной отрасли.

В начале XIX столетия в развитии тюремных учреждений наступил качественно новый этап, когда основной целью наказания в виде тюремного заключения становится исправление преступника, а содержание арестантов в местах заключения и их судьба после освобождения входят в сферу забот правительства и общественности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. М., 1986. Т. 4.

² См.: Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947.

³ Гернет М. Н. Преступление и наказание (прошлое, настоящее и будущее уголовного права). Н. Новгород, б. г.

⁴ См.: Никитин В. Н. Русский тюремный вопрос в старину. Б. м., б. г.

⁵ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.

⁶ Краинский Д. В. Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах. Чернигов, 1912.

⁷ См.: Рассказов Л. П., Упоров И. В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар, 1999.

¹ См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. : v 9 t. M., 1986. T. 4.

² См.: Romashkin P. S. Osnovnye nachala ugolovnogo i voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva Petra I. M., 1947.

³ Gernet M. N. Prestuplenie i nakazanie (proshloe, nastojashhee i budushhee ugolovnogo prava). N. Novgorod, b. g.

⁴ См.: Nikitin V. N. Russkij tjuremnyj vopros v starinu. B. m., b. g.

⁵ Bekkaria Ch. O prestuplenijah i nakazaniyah. M., 1995.

⁶ Krainskij D. V. Materialy k issledovaniju istorii russkijh tjurem v svjazi s istoriej uchrezhdenija Obshhestva popechitel'nogo o tjur'mah. Chernigov, 1912.

⁷ См.: Rasskazov L. P., Uporov I. V. Lishenie svobody v Rossii: istoki, razvitie, perspektivy. Krasnodar, 1999.

УДК 343.8

Некоторые проблемы совершенствования исполнения наказания в виде лишения свободы в России

И. В. ДВОРЯНСКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

С. А. ЗЛОТНИКОВ – заместитель начальника отдела организации оперативно-розыскной деятельности первого управления главного оперативного управления ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы законодательного регулирования и практики исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в современных условиях, проблемы применения основных средств исправления осужденных, стимулирования их правопослушного поведения и предупреждения рецидивной преступности. Сформулированы предложения по повышению эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: лишение свободы; исправительные учреждения; осужденные; ресоциализация; исправление; средства исправления; рецидивная преступность; предупреждение преступлений.

Some problems of perfection of punishment execution in the form of imprisonment in Russia

I. V. DVORYANSKOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

S. A. ZLOTNIKOV – Deputy Head of the Department of Operative Investigation of the First Directorate of the Main Operations Directorate of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law

The article deals with the issues of legislative regulation and practice of execution of criminal punishment in the form of imprisonment under modern conditions, problems of using the basic means of correcting convicts, stimulating their law-abiding behavior and preventing recidivism. Proposals on increasing the effectiveness of the penal system are formulated.

Key words: deprivation of liberty; correctional institutions; convicts; resocialization; correction; means of correction; recidivist criminality; crime prevention.

Вопросы предупреждения рецидивной преступности в настоящее время приобретают все большую актуальность. Совершение преступлений после отбывания уголовного наказания (рецидив) – свидетельство отсутствия достаточного позитивного исправительного и воспитательного эффекта пребывания в местах лишения свободы. По отношению к пенитенциарной практике вполне уместно использовать термин «вторичное заражение», которое проявляется в усвоении лицом, попавшим в места лишения свободы, криминальных традиций, обычаев, взглядов. Выборочные исследования показывают, что до 80 % осужденных в местах лишения свободы усваивают криминальный опыт, криминальную субкультуру, поэтому преступные навыки и умения, связи в преступном мире должны рассматриваться в числе факторов, обуславливающих постпенитенциарный рецидив¹.

По словам В. В. Городнянской, официальная статистика, опирающаяся на установленные формы первичного учета, отчасти (при ее последующей обработке) дает возможность выявить состояние и структуру постпенитенциарной рецидивной пре-

ступности за определенный период на конкретной территории. Однако используемая методика подсчета не позволяет в относительном выражении объективно отразить динамику постпенитенциарной рецидивной преступности и эффективность деятельности исправительных учреждений, поскольку она основана на сопоставлении числа совершенных постпенитенциарных преступлений с общим числом преступников, а не с количеством лиц, освобожденных за данный период из мест лишения свободы. Если исчисляемый подобным образом уровень ныне в среднем не превышает 26 %, то в действительности этот показатель гораздо выше и зависит в том числе от режима учреждения. В течение трех лет после освобождения совершают новое преступление в среднем 55 % освобожденных из колоний общего режима и 29,6 % освобожденных из колоний строгого режима из числа лиц, осужденных ранее впервые за особо тяжкие преступления². Кроме того, уровень постпенитенциарного рецидива рассчитывается исходя из преступлений, по которым установлено лицо, его совершившее. Фактически данный показатель значительно

превышает указанный в официальных статистических данных.

Совершенствование предупреждения пенитенциарных преступлений должно строиться на основе изучения личностных особенностей осужденных. Серьезным фактором, продуцирующим повторную преступность, являются дефекты социализации, представляющей собой процесс становления социальных качеств личности и осуществляющейся в результате целенаправленного (обучение и воспитание) и стихийного воздействия. Наиболее серьезную опасность представляют криминальные факторы, характерные для пенитенциарной системы: негативное влияние «авторитетов» (лиц, удерживающих лидерство) на основную массу осужденных; существование особой субкультуры, неписаных правил преступного мира, переносимых в места отбывания наказания. Необходимо отметить, что, как правило, осужденные обладают в разной степени выраженной личностной деформацией, обусловленной в большинстве случаев неблагоприятным влиянием условий изоляции от общества и криминальной субкультурой, распространенной в местах лишения свободы.

Сущность профилактической работы в условиях исполнения наказаний должна состоять в таком упреждающем воздействии, которое позволяло бы, во-первых, исключить или свести к минимуму объективные факторы, порождающие отклонения от социальных норм, а во-вторых, осуществить коррекцию девиантного поведения и способствовать ресоциализации, то есть позитивному изменению установок и мотивации определенного контингента лиц и отдельных индивидов, в-третьих, обеспечить безопасность и соблюдение законности и требований режима. Все указанные аспекты взаимосвязаны и должны рассматриваться в единстве.

Серьезной проблемой исполнения лишения свободы на сегодняшний день является неполная занятость лиц, отбывающих наказание. При этом осужденные, привлеченные к труду в исправительных учреждениях, находятся в неравном положении с осужденными, не имеющими работы. Так, например, в соответствии со ст. 107 УИК РФ из заработной платы, пенсий и иных доходов осужденных к лишению свободы производятся удержания для возмещения расходов по их содержанию. В частности, в соответствии с п. 4 ст. 99 УИК РФ осужденные, получающие заработную плату, и осужденные, получаю-

щие пенсию, возмещают стоимость питания, одежды и коммунально-бытовых услуг, кроме стоимости специального питания и специальной одежды. С осужденных, уклоняющихся от работы либо не занятых трудом, указанные расходы удерживаются из средств, имеющихся на их лицевых счетах, при отсутствии средств вся тяжесть материального бремени лишенных возможности работать и зарабатывать деньги ложится на государство, обязанное поддерживать минимальные нормы материального, бытового и прочего обеспечения заключенных. Отсутствие дохода осужденных не позволяет исполнять в полном объеме постановления судов о возмещении материального ущерба и морального вреда потерпевшим от преступления. Это мешает восстановлению социальной справедливости, делает невозможным исполнение судебных решений о взыскании алиментов и других выплат.

Как показывает практика, осужденный, проведший без работы несколько лет, не способен и не хочет трудиться, его социализация после освобождения будет затруднена. Таким образом, отсутствие работы в местах лишения свободы перечеркивает главный принцип и цель уголовно-исполнительного законодательства – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Еще в 1923 г. американский деятель Артур Дин писал, что «если работы осужденных носят случайный характер... не будет преувеличением сказать, что эти заключенные приобретают скорее привычку к лени, чем трудовые навыки, когда же им и удастся приучиться к работе, то им приходится делать это при помощи таких методов и инструментов, которые зачастую устарели и отличаются низким качеством продукции»³. Учитывая сказанное, представляется проблематичной реализация положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., предусматривающего проработку вопроса об исключении обязательности труда осужденных к лишению свободы⁴. Учитывая значительную, а порой ведущую роль труда осужденных в их исправлении и социализации, можно заключить, что принятие данного решения на законодательном уровне приведет к утрате статуса общественно полезного труда как основного средства исправления осужденных и переводу его в разряд вспомогательных средств исправления⁵.

Достижение поставленных перед уголовно-исполнительной системой целей воз-

можно только в том случае, если в исправительных учреждениях будет обеспечена стабильная оперативная обстановка, основанная на неукоснительном соблюдении предусмотренного законом порядка исполнения наказаний, сформирована благоприятная социальная среда, обеспечивающая возможности для формирования установки личности на правопослушное поведение.

Эффективность деятельности пенитенциарного учреждения может быть определена, прежде всего, по его способности успешно готовить осужденных к ресоциализации⁶. Об этом четко говорят Минимальные правила ООН (ст. 58): «Целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является, в конечном счете, защита общества от угрожающих ему преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытию срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование»⁷. Соответственно, возникает необходимость в создании комплекса условий, при которых осужденный будет избирать правомерную линию поведения, принимать активное участие в исправительном процессе и решении своих социальных проблем.

Рассматривая вопросы совершенствования системы исполнения наказания в виде лишения свободы, важно определить, что ее главной целью должно являться создание эффективной системы, направленной на стимулирование правомерной деятельности осужденных, отбывающих лишение свободы, в том числе обеспечивающей возможность изменения условий отбытия наказания в зависимости от соблюдения установленных правил поведения и выполнения общественно полезных функций. Система изменения условий содержания осужденных должна быть связана, с одной стороны, с законодательным расширением прав осужденных на завершающем этапе отбывания наказания, в том числе с целью облегчения адаптации к условиям жизни в обществе, с другой – с ужесточением мер пенитенциарного воздействия в отношении осужденных, являющихся злостными нарушителями порядка отбывания наказания, оказывающими негативное воздействие на других осужденных.

Практика исполнения лишения свободы показывает, что фактически обычные и облегченные условия в исправительных коло-

ниях особых различий не имеют, а в качестве дополнительных прав для осужденных, переведенных на облегченные условия, определены:

- право на большее расходование средств на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости;

- право на предоставление большего количества длительных и краткосрочных свиданий, получение большего количества посылок и передач;

- право на возможность освобождения из-под стражи за 6 месяцев до окончания срока наказания для проживания за пределами исправительного учреждения под надзором администрации в целях социальной адаптации.

Таким образом, если осужденный не заинтересован в предоставлении ему дополнительных свиданий, получении посылок и передач, так как не имеет социально полезных связей, то у него отсутствует интерес к изменению условий отбывания наказания, и, соответственно, в данном случае элементы прогрессивной системы работать не будут. Более того, зачастую лица, отбывающие наказание в строгих условиях, а также переведенные в порядке взыскания в ПКТ и ЕПКТ, по их мнению, отбывают наказание в более комфортных условиях, чем осужденные, содержащиеся в обычных и облегченных условиях. Так, в общежитиях, где проживают осужденные, состоящие на обычных и облегченных условиях, их численность составляет 80–120 чел. Соответственно, данная категория осужденных испытывает определенные неудобства в плане организации быта. Осужденные, содержащиеся в строгих условиях, где их численность гораздо меньше, а также переведенные в ПКТ и ЕПКТ, как правило, не привлекаются к работам по благоустройству территории исправительного учреждения, проверки их наличия производятся в помещениях, где они проживают, пищу принимают там же. В ПКТ и ЕПКТ осужденные не привлекаются к оплачиваемым работам и содержатся за счет государства. Соответственно, можно сделать вывод, что в ряде случаев осужденные, являющиеся нарушителями порядка, содержатся в более комфортных условиях, чем осужденные, находящиеся в обычных или облегченных условиях содержания.

Указанные проблемы, по нашему мнению, являются следствием недостаточной проработанности вопросов исполнения наказания в рамках прогрессивной системы,

отсутствия четкого обоснования и законодательного закрепления ее основных принципов и элементов⁸. По нашему мнению, необходимо предусмотреть возможность поэтапного существенного изменения условий содержания осужденного в одном и том же исправительном учреждении в зависимости от срока отбывания наказания и при отсутствии взысканий, так как человек должен либо представлять и видеть реальные положительные изменения в своей жизни, являющиеся результатом правомерного поведения, либо претерпевать лишения вследствие нарушения им установленных норм. Научно обоснованное построение «лестницы» изменения условий отбывания наказа-

ния будет оказывать влияние на сознание осужденного, являться стимулирующим фактором, создавать реальные условия для ресоциализации. Кроме того, возможность постепенного изменения условий содержания в исправительных колониях позволит администрации мест лишения свободы более дифференцированно применять методы исправительного воздействия, что в целом будет способствовать повышению уровня правопорядка в пенитенциарных учреждениях, уменьшению влияния лидеров уголовно-преступной среды на основную массу осужденных, что в целом должно повлиять на снижение уровня постпенитенциарной рецидивной преступности в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 204.

² См.: Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 3.

³ Цит. по: Ширвиндт Е., Утевский Б. Советское пенитенциарное право. М., 1927. С. 156.

⁴ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

⁵ См.: Голодов П. В. Средства исправления осужденных: проблемы классификации и правовой регламентации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 30–34.

⁶ См.: Уткин В. А. Пенитенциарные стандарты Совета Европы и векторы реформирования уголовно-исполнительной системы. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 28.03.2017).

⁷ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31.07.1957 г. и 2076 (LXII) от 13.05.1977 г.

⁸ См., напр.: Голодов П. В. Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2 (18). С. 26–33.

¹ См.: Antonjan E. A. Lichnost' recidivista: kriminologicheskoe i ugovolno-ispolnitel'noe issledovanie : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2014. S. 204.

² См.: Gorodnjanskaja V. V. Postpenitencijarnyj recidiv : dis. ... kand. jurid. nauk. Tomsk, 2011. S. 3.

³ Cit. po: Shirvindt E., Utevsckij B. Sovetskoe penitencijarnoe pravo. M., 1927. S. 156.

⁴ O koncepcii razvitija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda : rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772-r (red. ot 23.09.2015) // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

⁵ См.: Golodov P. V. Sredstva ispravlenija osuzhdennyh: problemy klassifikacii i pravovoj reglamentacii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 2 (34). S. 30–34.

⁶ См.: Utkin V. A. Penitencijarnye standarty Soveta Evropy i vektory reformirovanija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 28.03.2017).

⁷ Minimal'nye standartnye pravila obrashhenija s zakljuchennymi. Prinjaty na pervom Kongresse Organizacii Ob#edinennyh Nacij po preduprezhdeniju prestupnosti i obrashheniju s pravonarushiteljami, sostojavshemsja v Zheneve v 1955 godu, i odobreny Jekonomicheskim i Social'nym Sovetom v ego rezoljucijah 663 S (XXIV) ot 31.07.1957 g. i 2076 (LXII) ot 13.05.1977 g.

⁸ См., напр.: Golodov P. V. Problemy primenenija sistemy «social'nogo lifta» v uslovijah ispravitel'nogo uchrezhdenija dlja lic, sovershivshih prestuplenija v nesovershennoletnem vozraste // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 2 (18). S. 26–33.

УДК 342.9:343.8

Административное усмотрение в управленческой практике учреждений и органов уголовно-исполнительной системы

П. В. ГОЛОДОВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются теоретические и организационно-правовые аспекты использования административного усмотрения в качестве юридического средства

в управленческой практике уголовно-исполнительной системы, вопросы социально-правового значения в достижении целей уголовно-исполнительного законодательства и реализации его принципов, а также проблемы, возникающие при принятии управленческих решений.

Ключевые слова: управление в уголовно-исполнительной системе; управленческое решение; неопределенность; риск; правовые средства; административные полномочия; административное усмотрение; руководитель; злоупотребление правом; метод правового регулирования.

Administrative discretion in the management practice of institutions and bodies of the penal system

P. V. GOLODOV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Research, PhD. in Law, Associate Professor

The article considers theoretical and organizational-legal aspects of using administrative discretion as a legal means in the management practice of the penal system. Together with the analysis of the technical and legal aspects of the stated subject of the research, examined are the issues of the socio-legal significance of this legal means in achieving the goals of the penal enforcement legislation and implementing its principles, as well as the main problematic issues related to the use of administrative discretion in making managerial decisions.

Key words: management in the penal system; management decision; uncertainty; risk; legal means; administrative powers; administrative discretion; manager; abuse of law; method of legal regulation.

Отсутствие правового регулирования управленческой компетенции отрицательно сказывается на деятельности руководителей, вносит элемент неопределенности в их работу, создает почву для субъективизма. Однако правовыми нормами нельзя предусмотреть всего разнообразия обстановки и условий управленческой деятельности. Современная уголовно-исполнительная практика характеризуется усилением влияния факторов экстремальности, неопределенности и случайности. Нередко и сами нормы права содержат в себе различного рода риски. Поэтому нужны соответствующие легальные средства гибкого реагирования на постоянно возникающие конкретные управленческие ситуации и проблемы. К числу таких средств можно отнести административное усмотрение.

Административное усмотрение представляет собой «мотивированный выбор для принятия правомерных решений и совершения действий управомоченным субъектом в рамках его компетенции для выполнения управленческих и иных задач»¹. Причем мотивированность данного выбора должна обуславливаться необходимостью принятия целесообразного и оптимального управленческого решения, основанного на

законе, с учетом складывающейся управленческой ситуации.

Непосредственными носителями административного усмотрения в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы являются их руководители как единоначальники, обладающие соответствующими властными полномочиями. Использование административного усмотрения становится особенно актуальным в современных условиях реформирования пенитенциарной системы, когда руководители различного уровня вынуждены сталкиваться с многочисленными нестандартными управленческими ситуациями и факторами риска, принимать управленческие решения в условиях неопределенности, осуществлять поиск и внедрение новых форм и методов работы. Административное усмотрение позволяет руководителю находить решения с учетом складывающейся управленческой ситуации, не выходя при этом за рамки своей компетенции. Однако, создавая необходимые условия для успешной деятельности по управлению учреждением, административное усмотрение может привести к субъективизму при принятии решений и злоупотреблениям правом.

Вопросы усмотрения в правовой науке получили достаточно широкое освещение. В научных трудах ряда авторов исследовались содержание, пределы и субъекты усмотрения, технико-юридические аспекты закрепления в нормативных правовых актах, этапы реализации, особенности различных его видов (например, судебное, административное) и др. Вместе с тем предметом самостоятельного изучения применительно к уголовно-исполнительной практике рассматриваемое нами юридическое средство не становилось.

Как показало проведенное нами исследование, отдельные авторы связывают административное усмотрение с понятием правовой неопределенности, называя усмотрение технико-юридическим средством перехода правовой неопределенности в правовую определенность посредством выбора наиболее целесообразных и приемлемых с точки зрения правоприменения вариантов решения². Полагаем возможным согласиться с авторами, определяющими неопределенность в праве в качестве исключительно негативного явления, суть которого состоит в неясности поведения в конкретной социальной ситуации, а не в абстрактном характере правовых норм³. Представляется, что заложенную в законе возможность административного усмотрения следует отличать от существующих пробелов в законодательстве, когда неполно или неточно определены полномочия, функции и ответственность органов и должностных лиц. Являясь элементом гибкости правового регулирования, административное усмотрение в то же время реализуется в строгих рамках правового поля, на основании и в пределах предписаний юридических норм, компетенции субъекта усмотрения.

Как отмечает Л. А. Шарнина, «свобода усмотрения может быть ограничена путем указания нескольких вариантов решения определенного вопроса и предоставления права выбора одного из них, а также через указание пределов возможного решения по соответствующему вопросу (верхнего, нижнего или обоих одновременно)»⁴. Вместе с тем административное усмотрение нельзя сводить исключительно к реализации диспозитивной нормы права. Диспозитивность, при которой однозначно определены условия выбора того или иного варианта решения, по своей сути исключает административное усмотрение, поскольку отсутствует один из необходимых его признаков – свобода субъекта усмотрения.

Конкретные пределы административного усмотрения предусмотрены нормами законодательства, включая его цели и принципы; они также могут вытекать из таких требований, как недопустимость злоупотребления правом и причинения вреда третьим лицам, обществу и государству, добросовестность (юридическая безупречность способа достижения цели) и разумность (согласованность интереса или публичной цели со способами его удовлетворения, их соответствие идеалам нравственности и справедливости, религиозным нормам, обычаям и традициям), а также определяться указаниями вышестоящего руководства, общественным мнением и др.⁵

Кроме того, усмотрение в праве не может рассматриваться без учета субъективного фактора правоприменителя (субъективных качеств и свойств его личности), осуществляющего свой выбор в пределах существующих легальных границ усмотрения (особенности мировоззрения, личный опыт и т. п.), что позволяет говорить не только о правовых, но и о психолого-нравственных пределах усмотрения⁶. Усмотрение, применяемое тем или иным должностным лицом, во многом зависит от особенностей его субъективных представлений о праве, уровня правосознания и правовой культуры⁷. В наиболее важных сферах общественной жизни правоприменитель старается ограничить негативные проявления правомерных злоупотреблений, что обеспечивается, например, принятием точно установленных моральных обязанностей должностных лиц в дополнение к правовым запретам (этические кодексы, присяга, клятва и т. п.)⁸. Безусловно, правильной является позиция Л. А. Шарниной, считающей что «публичное усмотрение должно применяться только тогда, когда его невозможно исключить, в пределах, не допускающих свободы, не оправданной природой отношений, с возможностью отмены решений, не согласующихся с целями предоставления усмотрения»⁹.

В числе приемов юридической техники, используемых законодателем в рамках предоставления субъекту права административного усмотрения, можно назвать следующие: формулирование относительно-определенных или альтернативных предписаний; использование при конструировании правовых норм оценочных понятий; отсутствие запрета на расширительное толкование тех или иных терминов либо обстоятельств; ограничение сферы вмешательства государственных органов и долж-

ностных лиц в процесс принятия решения субъектом усмотрения и др.¹⁰

На основе вышеприведенных положений, отражающих сущность и содержание усмотрения в праве и административного усмотрения, нами был проведен анализ научной литературы, норм уголовно-исполнительного законодательства, управленческой практики уголовно-исполнительной системы, в ходе которого были получены следующие результаты:

1. Административное усмотрение позволяет наиболее полно охватить те или иные общественные отношения, складывающиеся в уголовно-исполнительной практике, учесть динамику их развития, а также является необходимым юридическим средством, способствующим достижению целей уголовно-исполнительного законодательства и реализации его принципов. Полагаем, что реализовать такой принцип уголовно-исполнительного законодательства, как принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, не представляется возможным без использования административного усмотрения, поскольку основным условием эффективности исправительного процесса является его должная индивидуализация и адресность.

2. Действующие нормы уголовно-исполнительного законодательства не всегда конкретно устанавливают пределы административного усмотрения должностных лиц и коллегиальных органов при принятии решений. Например, в настоящее время отсутствует нормативный правовой акт, предусматривающий процедуру оценки личности и поведения осужденного к лишению свободы, в то время как любое изменение правового положения осужденного должно быть строго регламентировано. Кроме того, уголовно-исполнительное законодательство содержит довольно скудный перечень критериев такой оценки: при изменении условий содержания требуется учитывать только три показателя (отсутствие взысканий, отношение к труду и учебе), при освобождении осужденных от отбывания наказания – еще два дополнительных. Отсутствует систематизация данных критериев и единый подход к их формулированию (например, различные критерии включены в ст. 59, 60.16, 78, 97, 108, 109, 112, 113, 117, 120, 122, 124, 127, 132, 134 УИК РФ). При этом отдельные критерии носят оценочный (например, «хорошее поведение» (ч. 1 ст. 113, ст. 134, ч. 2 ст. 127

УИК РФ), «личность осужденного» (ч. 2 ст. 59, ч. 2 ст. 60.16, ч. 6 ст. 97, ч. 1 ст. 117 УИК РФ) и т. п.) или слишком общий характер (например, «отношение осужденных к получению среднего профессионального образования и профессиональному обучению» (ч. 3 ст. 108 УИК РФ) и т. п.). На практике данные недостатки компенсируются субъективным усмотрением сотрудников, не имеющим под собой правовой основы¹¹. Представляется целесообразным в рамках ст. 9 УИК РФ раскрыть критерии исправления осужденного, на основании которых учреждения уголовно-исполнительной системы (ч. 4, 5, 7, 7.1, 8–10 ст. 16 УИК РФ) решали бы вопрос о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, изменении вида исправительного учреждения, предоставлении условно-досрочного освобождения, а также права выезда за пределы исправительного учреждения. Данную норму целесообразно использовать как универсальный набор критериев оценки поведения осужденного в положениях ч. 2.2 и 2.3 ст. 78, ч. 6 ст. 97, ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 109, ч. 4 ст. 112, ч. 1 ст. 113, ч. 1 ст. 134, ч. 2 ст. 120, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 124, ч. 2 ст. 127, ч. 3, 4 ст. 132, ч. 1 ст. 140, ч. 2, 3, 3.1 ст. 175, а также ч. 4.1 ст. 79 и ч. 4 ст. 80 УК РФ¹².

3. Предусмотренные действующим уголовно-исполнительным законодательством возможности применения административного усмотрения не всегда используются при решении различных вопросов в сфере внешнего и внутриорганизационного управления, что препятствует эффективному достижению целей наказания. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 140 УИК РФ предельный возраст, до которого подросток может находиться в воспитательной колонии, составляет 19 лет. Согласно ч. 9 ст. 74 УИК РФ в воспитательных колониях могут создаваться изолированные участки, функционирующие как исправительные колонии общего режима, для содержания осужденных, достигших во время отбывания наказания возраста 18 лет. Вместе с тем таких изолированных участков в составе действующих воспитательных колоний нет. Не имея достаточной заинтересованности и используя предоставленную ст. 140 УИК РФ возможность, территориальные органы ФСИН России направляют из воспитательных колоний совершеннолетних лиц в исправительные колонии общего режима, игнорируя, как верно отмечает А. Н. Кимачев, «под воздействием обстоятельств социально важные вопросы обеспечения последовательности,

преимущества и непрерывности исправительного воздействия на лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте»¹³.

Статья 97 УИК РФ регламентирует вопросы предоставления осужденным к лишению свободы выездов за пределы исправительных учреждений. Согласно ч. 6 указанной статьи разрешение на выезд за пределы исправительного учреждения дается начальником исправительного учреждения с учетом характера и тяжести совершенного преступления, отбытого срока, личности и поведения осужденного. Кроме того, в соответствии с п. «б» ст. 134 УИК РФ в качестве меры поощрения, применяемой к осужденным к лишению свободы в воспитательных колониях, установлено предоставление права выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей, лиц, их заменяющих, или других близких родственников. Однако, как показывает анализ практики, предоставление таких выездов имеет эпизодический характер, несмотря на то что возможность выездов включает в себе значительный стимулирующий потенциал. Так, во втором полугодии 2016 г. осужденным было предоставлено 1174 выезда за пределы исправительного учреждения, в том числе 835 – в отпуска, 154 – для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства, 185 – по исключительным личным обстоятельствам. Количество лиц, которые воспользовались правом выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении законных представителей, в 2016 г. составило 44 чел. При том что за 2016 г. через воспитательные колонии прошло 4212 несовершеннолетних осужденных, отпуска с выездом за пределы учреждения в 2016 г. не предоставлялись¹⁴.

4. Предоставленные уголовно-исполнительным законодательством возможности административного усмотрения при решении тех или иных управленческих вопросов могут привести к таким негативным явлениям, как субъективизм при принятии решений, различные формы злоупотребления правом, в том числе к возникновению коррупционных проявлений. Например, анализ ст. 115, 116 УИК РФ показывает, что отсутствует четкая правовая регламентация при применении принципов дифференциации и индивидуализации мер взысканий к лишенным свободы, не определены четкие правовые последствия признания осужденного злостным нарушителем режима отбывания наказания. В настоящее время в одном ис-

правительном учреждении осужденный, являющийся злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, может содержаться: а) в строгих условиях, б) помещении камерного типа, в) одиночных камерах (в исправительной колонии особого режима), д) едином помещении камерного типа, г) может быть переведен в тюрьму. То есть, одного злостного нарушителя режима за очередное злостное нарушение могут водворить в помещение камерного типа, а другого перевести в тюрьму¹⁵.

По результатам исследования также установлены следующие ситуации, связанные с юридическим закреплением административного усмотрения в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность уголовно-исполнительной системы:

1. Потребности практики государственного управления определяют необходимость установления возможности административного усмотрения, но вместе с тем такая возможность не предусматривается либо пределы усмотрения излишне заужены. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 96 УИК РФ решение вопроса о передвижении осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения обуславливается характером выполняемой ими работы и рассматривается, в первую очередь, как способ обеспечения производственно-хозяйственной деятельности исправительного учреждения за его пределами. Вместе с тем бесконвойное передвижение должно стать, по нашему мнению, одним из этапов прогрессивной системы исполнения наказания, важным средством социальной адаптации и ресоциализации осужденного, стимулирования его законопослушного поведения.

2. Нормативными правовыми актами предусмотрена возможность использования административного усмотрения, в то время как она должна быть исключена или существенно ограничена. Например, в ч. 1 ст. 115 УИК РФ представляется необходимым слова «могут применяться» заменить словом «применяются», поскольку нарушение установленного порядка отбывания наказания должно неотвратимо повлечь дисциплинарную ответственность. Пункт «в» ч. 2 ст. 60.4 УИК РФ устанавливает, что осужденные к принудительным работам должны проживать, как правило, в специально предназначенных для осужденных общежитиях. Вместе с тем, как отмечают А. М. Потапов и Р. В. Комбаров, словосочетание «как правило» позволяет осужденному на вполне законных основаниях проживать и вне обще-

жития под любым предлогом, в том числе и за вознаграждение¹⁶. В связи с этим необходимо в п. «в» ч. 2 ст. 60.4 УИК РФ слова «как правило» заменить словами «за исключением случаев, установленных законом».

3. Нормативными правовыми актами предусмотрена возможность использования административного усмотрения, но его пределы должны быть конкретизированы (сужены). Например, выбор меры взыскания, применяемой к осужденному к лишению свободы (ст. 115 УИК РФ), необходимо поставить в более четкую зависимость от характера совершенного осужденным нарушения. Или другой пример. Частью 3 ст. 49 УИК РФ установлено, что «в срок ограничения свободы не засчитывается время самовольного отсутствия осужденного по месту жительства свыше одних суток без уважительных причин». Однако содержание понятия «уважительные причины», их конкретный перечень не получили должного законодательного закрепления. Считаем необходимым дополнить указанную норму следующим уточнением: «закрепленных в части 4 статьи 50 настоящего Кодекса».

4. Нормативными правовыми актами предусмотрена возможность использования единоначальником административного усмотрения, но оно должно применяться на коллегиальном уровне. В настоящее время приходится отмечать определенную недостаточность урегулирования вопросов соотношения единоначалия и коллегиальности

в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы при принятии управленческих решений, особенно во внешней сфере. Так, полагаем, что вопросы предоставления осужденным краткосрочных выездов за пределы исправительного учреждения (ст. 97 УИК РФ) и выездов за пределы воспитательной колонии (п. «б» ст. 134 УИК РФ) должны решаться коллегиально с привлечением к принятию решения надзирающего прокурора. Решение о переводе осужденного к принудительным работам на проживание вне общежития исправительного центра принимает начальник исправительного центра или лицо, его замещающее, единолично. На наш взгляд, данное решение должно приниматься после обязательного комиссионного рассмотрения.

Таким образом, административное усмотрение является действенным инструментом гибкого реагирования руководителей учреждений и органов пенитенциарной системы на изменение управленческой ситуации, важным средством решения стоящих перед ними задач. Его использование в управленческой практике должно основываться на нормах права, не допускать злоупотреблений со стороны должностных лиц. В связи с этим вопросы предоставления административного усмотрения, установления его пределов в нормах уголовно-исполнительного законодательства требуют тщательного изучения и обоснования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тихомиров Ю. А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 70.

² См.: Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Там же. 2013. № 2. С. 32–44.

³ См.: Батманов С. А. Понятие правовой неопределенности // Адвокат. 2015. № 11. С. 20–25.

⁴ Шарнина Л. А. Понятие усмотрения (дискреции) в праве. Отличия усмотрения органов власти от усмотрения граждан и юридических лиц // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 14.

⁵ См.: Малиновский А. А. Усмотрение в праве // Государство и право. 2006. № 4. С. 102–104.

⁶ См.: Чабан Е. А. Понятие и виды пределов административного усмотрения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4 (22). С. 92–99.

⁷ См.: Желонкина Е. А. Административное усмотрение как форма реализации дискреционных полномочий органов государственной власти // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 104–107.

⁸ См.: Малиновский А. А. Злоупотребление правом. М., 2002. С. 52.

⁹ Шарнина Л. А. Понятие усмотрения (дискреции) в праве. Отличия усмотрения органов власти от усмотрения граждан и юридических лиц. С. 17.

¹⁰ См.: Малиновский А. А. Усмотрение в праве.

¹¹ См.: Янчук И. А. Об использовании оценки степени исправления осужденных к лишению свободы в процессе дифференциации и индивидуализации исполнения наказания //

¹ Tihomirov Ju. A. Administrativnoe usmotrenie i pravo // Zhurnal rossijskogo prava. 2000. № 4. S. 70.

² Sm.: Vlasenko N. A. Neopredelennost' v prave: priroda i formy vyrazhenija // Tam zhe. 2013. № 2. S. 32–44.

³ Sm.: Batmanov S. A. Ponjatie pravovoj neopredelennosti // Advokat. 2015. № 11. S. 20–25.

⁴ Sharnina L. A. Ponjatie usmotrenija (diskreicii) v prave. Otlichija usmotrenija organov vlasti ot usmotrenija grazhdan i juridicheskikh lic // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 8. S. 14.

⁵ Sm.: Malinovskij A. A. Usmotrenie v prave // Gosudarstvo i pravo. 2006. № 4. S. 102–104.

⁶ Sm.: Chaban E. A. Ponjatie i vidy predelov administrativnogo usmotrenija // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 4 (22). S. 92–99.

⁷ Sm.: Zhelonkina E. A. Administrativnoe usmotrenie kak forma realizacii diskreционных полномочий органов государственной власти // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2015. № 10. S. 104–107.

⁸ Sm.: Malinovskij A. A. Zloupotreblenie pravom. M., 2002. S. 52.

⁹ Sharnina L. A. Ponjatie usmotrenija (diskreicii) v prave. Otlichija usmotrenija organov vlasti ot usmotrenija grazhdan i juridicheskikh lic. S. 17.

¹⁰ Sm.: Malinovskij A. A. Usmotrenie v prave.

¹¹ Sm.: Janchuk I. A. Ob ispol'zovanii ocenki stepeni ispravlenija osuzhdennyh k lisheniju svobody v processe differenciacii i individualizacii ispolnenija nakazaniya // Vestnik

Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 50–53.

¹² См. подр.: Голодов П. В., Рудаков А. М. Критерии оценки поведения осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве: вопросы систематизации // Там же. № 3 (35). С. 64–67.

¹³ Кимачев А. Н. К вопросу об оставлении в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия // Там же. С. 44–45.

¹⁴ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2016 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2017. С. 262.

¹⁵ См.: Федореев П. Классификация осужденных по степени исправления // Преступление и наказание. 1999. № 12. С. 68.

¹⁶ См.: Комбаров Р. В., Потапов А. М. Об отдельных проблемах исполнения наказания в виде принудительных работ // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 79–83.

instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 1 (33). S. 50–53.

¹² Sm. podr.: Golodov P. V., Rudakov A. M. Kriterii ocenki povedenija osuzhdennyh v ugovovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve: voprosy sistematizacii // Tam zhe. № 3 (35). S. 64–67.

¹³ Kimachev A. N. K voprosu ob ostavlenii v vospitatel'nyh kolonijah osuzhdennyh k lisheniju svobody, dostigshih sovershennoletija // Tam zhe. S. 44–45.

¹⁴ Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (janvar'-dekabr' 2016 g.) : inform.-analit. sb. Tver', 2017. S. 262.

¹⁵ Sm.: Fedoreev P. Klassifikacija osuzhdennyh po stepeni ispravlenija // Prestuplenie i nakazanie. 1999. № 12. S. 68.

¹⁶ Sm.: Kombarov R. V., Potapov A. M. Ob otidel'nyh problemah ispolnenija nakazanija v vide prinuditel'nyh rabot // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2016. № 4 (29). S. 79–83.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9:343.8

Постановочные проблемы психологического консультирования осужденных

И. М. СЛОБОДЧИКОВ – профессор кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор

В статье выявляются проблемные зоны процесса психологического консультирования осужденных, находящихся в местах лишения свободы, рассматриваются вопросы мотивации специалиста и консультируемого, исследуется специфика взаимодействия в рамках консультативной работы, анализируются стадии консультативного процесса и изменение ряда базовых понятий практического консультирования в контексте рассматриваемой специфики.

Ключевые слова: психологическое консультирование; неклиническая психотерапия; мотивация; собеседник; взаимодействие; специфика контингента.

Settlement problems of psychological counseling convicts

I. M. SLOBODCHIKOV – Professor of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Professor

The article reveals the problematic zones of the process of psychological counseling convicts who are in institutions of deprivation of liberty, examines the motivations of a specialist and a consultant, studies the specifics of interaction within the framework of advisory work. The stages of the consultative process and the changing of a number of basic concepts of practical counseling in the context of the specificity under consideration are analyzed.

Key words: psychological counseling; non-clinical psychotherapy; motivation; the interlocutor; interaction; specificity of the contingent.

Данная статья, в отличие от ряда классических статей теоретического или прикладного характера, в такой же степени является научной, в какой и общегуманистической, и даже, в известной мере, философской, поскольку в центре ее, что очевидно и логично, находится проблема человека, пребывающего в специфических – как внешне, так и внутренне – условиях, которого я, специалист-психолог, не могу, не имею права и не должен рассматривать никак иначе, кроме как личность, какой бы юридический и социальный «след» ни стоял за его противоправ-

ными деяниями и обстоятельствами, послужившими причиной одного деяния, и как бы я как личность в рамках своей социальной и гражданской позиции к этому деянию ни относился. В противном случае я выйду за рамки психологического консультативного процесса, который в основе своей и имеет межличностное взаимодействие.

Как правило, процесс взаимодействия психолога-консультанта и того, кто к нему за консультацией обращается, – это результат добровольного и самостоятельного выбора, поскольку «выбор консультирования как

формы психологической помощи зависит от меры ответственности, которую может вынести сам клиент. Это в свою очередь предполагает адекватную ориентацию клиента по отношению к проблемной и консультативной ситуациям, соответствующее эмоциональное состояние и уровень интеллектуального развития, позволяющий выбрать варианты решения проблемной ситуации, то есть, как правило, нахождение клиента в условных границах «нормы психического здоровья»¹.

Нет смысла даже затрагивать вопрос о границах нормы психического здоровья человека, совершающего преступление. Это вопрос отдельных многочисленных исследований на стыке проблем социальной психиатрии и социальной юриспруденции. Однако не акцентировать внимание на изменении базового принципа психологического консультирования в данном случае совершенно невозможно. Категория «добровольность и самостоятельность» обращения за психологической помощью здесь достаточно сильно смещается в сторону «рекомендуемости» или, если угодно, «направляемости».

В этой связи более уместно обратиться к истокам консультирования как процесса взаимодействия. Напомним, что предтечей психологической консультативной практики является принятое в большинстве религиозных традиций таинство исповеди, то есть возможность выговориться и получить извне отпущение грехов – разрешение, прощение, понимание и принятие².

Что направляло страждущего? Его собственная внутренняя потребность (реальная или декларируемая), существующий этический (и юридический) канон. И по сей день первая функция психолога-консультанта – разрешение собеседнику выговориться, возвращение в виде обратной реакции факта того, что в данный момент он не один, слышим и принимаем таким, каков он есть. Очевидно, что в основание описываемого нами принципа заложена ситуация доверия, малореализуемая в условиях пенитенциарного учреждения. Кроме того, необходимо акцентировать внимание на том, что при всей схожести первоначальной, но отнюдь не единственной, задачи психолог не священник, у него иной профиль и иные цели деятельности. Согласно существующим на сегодняшний день профессиональным представлениям, содержанием деятельности психолога-консультанта является «оказание психологической помощи, и по-

нимается это как непосредственная работа с людьми, направленная на решение различного рода психологических проблем, связанных с трудностями в межличностных отношениях, где основным средством воздействия является определенным образом построенная беседа... То есть, фактически, разговор с психологом должен помочь человеку в решении проблем и налаживании межличностных отношений с окружающими»³.

Когда речь идет о консультировании осужденных, мотивация на общение со специалистом первична, но, очевидно, разговор об истинности этой мотивации, ее основаниях и наполненности – вот первооснова установки на консультирование, и такой разговор выходит за рамки данной статьи и должен (и будет) служить темой отдельного анализа и описания. Никакого противоречия, на первый взгляд, в ситуации наполнения консультативного процесса (описанного выше) и переноса его в специфическую среду пенитенциарного учреждения нет, однако обратимся к еще двум базовым принципам консультирования. И здесь мы позволим себе привести соответствующие цитаты целиком: «Принцип ориентации на нормы и ценности клиента. Этот принцип подразумевает, что психолог во время своей работы должен ориентироваться не на социально принятые нормы и правила, а на те жизненные принципы и идеалы, носителем которых является клиент. Эффективное воздействие возможно лишь при опоре на систему ценностей самого клиента, критическое же отношение консультанта может привести к тому, что пришедший на прием человек замкнется, не сможет быть искренним и открытым, а следовательно, и возможности консультативного воздействия окажутся практически нереализуемыми. Принимая же ценности клиента, уважая их и отдавая им должное, консультант сможет воздействовать на них в том случае, если они являются препятствием на пути нормального функционирования человека»⁴. Сама постановка вопроса, к слову сказать совершенно корректная, предполагает весьма существенную трансформацию – поправку на «спефику». Но в связи с вышесказанным немедленно возникает предварительная задача, поскольку в условиях пенитенциарного учреждения психолог не может консультировать и вести терапевтическую работу (речь идет о неклинической психотерапии, разумеется) с нуля, как это происходит в обычной жизненной ситуации. Специалисту необходимо дополнительное

время и возможность для изучения личности того человека, с которым ему предстоит общаться и работать, при этом категория «изучение», разумеется, тоже весьма условна, а в большой степени и некорректна, поскольку речь идет о профессиональном навыке и умении за минимальное время составить насколько возможно целостное представление о личности, опираясь не только и не столько на предварительную информацию о ней, сколько на свои знания, опыт, профессиональную интуицию. И внутриличностный конфликт, который практически неизбежно возникает у специалиста (в особенности у специалиста молодого) в связи со спецификой трактовки озвученного принципа, может быть решен только единственным способом – поиском «поля свободного движения», нахождением или в отдельных случаях угадыванием общих ценностей и схожих представлений о значимых вещах, событиях и предметах.

Принцип анонимности означает, что «любая информация, сообщенная клиентом психологу, не может быть передана без его согласия ни в какие общественные или государственные организации, частным лицам, в том числе родственникам или друзьям. Из этого правила существуют исключения (о которых клиент всегда предупреждается заранее), специально оговоренные законом во многих странах. В нашей стране таким исключением, пожалуй, можно считать ситуацию, когда психолог узнает во время приема о чем-либо, что является серьезной угрозой для чьей-либо жизни. Но, конечно же, даже в этой ситуации его действия должны быть максимально осторожными и соотноситься с интересами клиента»⁵. В сравнении с принципом ориентации на нормы и ценности клиента принцип анонимности представляется уже просто техническим правилом.

Отдельными важнейшими вопросами в анализе специфики психологического консультативного процесса в пеницитарном учреждении является проблема восприятия психолога осужденными, а следовательно, и реакция на него, отношение к нему, а также проблема завоевания и удержания специалистом авторитета.

И, разумеется, отдельной строкой, как только речь заходит о практической консультативной работе, всплывает классическая триада вопросов: зачем? для чего? как?

Ответ на последний вопрос относительно прост (не говоря о том, что очевиден) – он описывает технологию и техники ведения собеседника. К слову сказать, классические стадии процесса психологического кон-

сультирования (знакомство – установление атмосферы эмпатии и готовность к общению – монолог обратившегося – уточнение, «сканирование» проблемного поля – выдвижение гипотез – диагностика – обсуждение – ответный монолог консультанта – принятие совместного решения и разметка возможных этапов его реализации) в данном случае не соблюдаются, в результате чего возникает необходимость специальной разработки схемы консультативного процесса в связи со спецификой субъекта консультирования и поля – условий, в которых данный субъект находится.

Два первых вопроса при всей своей внешней схожести отнюдь не идентичны, и ответы на них раскрывают совершенно разные аспекты консультативного взаимодействия. Вопрос «зачем?» должен быть связан с мотивацией, причем, как следует из «канона» консультирования, с мотивацией обращающегося за помощью. А если прямого обращения попросту нет? Значит ли это, что и мотивации на консультацию и общение с психологом нет и отсутствует запрос на консультативную работу? Совершенно не значит. Как правило, важнейшим нюансом является безусловность потребности в психологической помощи и поддержке, с одной стороны, и тотальное глубинное недоверие к специалисту как к человеку «системы» плюс непонимание разницы между врачом и психологом и боязнь вмешательства «в душу и мозги» – с другой. Эта дилемма ставит перед специалистом важнейшую, ключевую задачу – завоевание пусть не доверия, но права на профессиональный контакт, права на разговор. Решению этой задачи во многих случаях не может даже предшествовать длительное наблюдение, поскольку оно уже в процессе общения или выдерживания активной паузы становится второй стадией консультации. И диагностика как процедура, которая должна дать реальный, а не формальный результат, тоже подвергается искажению, поскольку стандарт ее классического проведения неприемлем и во многих случаях неосуществим. Здесь важно отметить, что граница между интуитивной догадкой, результатом вывода как следствием наблюдения и чрезвычайно напряженной внутренней психоэмоциональной деятельностью психолога-консультанта, с одной стороны, и додумыванием, фантазированием на основе принятия желаемого за действительное – с другой, чрезвычайно хрупка, а риск формирования контрпереносов увеличивается многократно в связи с тем, что субъект наблюдения и консультации

– собеседник – находится априори в чрезвычайных обстоятельствах и по определению виновен. Проблема формирования переносов и контрпереносов, а также развития специфических коммуникативных и эмоциональных зависимостей в ситуации общения «психолог – осужденный» является темой отдельной статьи, если не полномасштабного исследования.

Обозначенные проблемные узлы только первый слой, самое поверхностное обозначение специфики ситуаций психологического консультирования в условиях пенитенциарного учреждения, однако даже это позволяет сделать несколько чрезвычайно важных выводов.

Во-первых, говоря о специфике среды пребывания (внешних условиях) и о специфике внутриличностных переживаний, переосмысления происходящего здесь и сейчас человеком, который является потенциальным или реальным клиентом психолога-консультанта, мы, безусловно, приходим к необходимости пересмотра не только ряда базовых принципов самого процесса психологического консультирования, но и целого ряда связанных с ним понятий.

Во-вторых, процесс формирования взаимодействия в паре «психолог – собеседник» в силу ряда обстоятельств импровизиационен и, как следствие, менее подвержен воздействию профессиональных стереотипов. Следовательно, динамика этого процесса чрезвычайно вариабельна и целиком и полностью зависит, с одной стороны, от личностных (в данном случае мы интерпретируем это понятие максимально широко) особенностей консультируемого, с другой – от интуиции, эмоциональной и психологической подвижности, уровня профессиональной адаптивности специалиста.

Ответ на вопрос «для чего?», заданный нами выше, определяет третий вывод: именно профессиональная работа психолога-консультанта, который, если повезет наладить действительное, подлинное взаимодействие с собеседником, практически неизбежно превращается в специалиста по неклинической психотерапии, определяет готовность к переосмыслению клиентом консультации собственных поступков, в ряде случаев пересмотру линейки жизненных ценностей, что является психологической сверхзадачей пенитенциарной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Меновщиков В. Ю. Введение в психологическое консультирование. М., 2000. С. 4.

² См.: Мэй Р. Искусство психологического консультирования: как давать и обретать душевное здоровье. М., 2002.

³ Алешина Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. М., 2004. С. 12, 14–15.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Menovshnikov V. Ju. Vvedenie v psihologicheskoe konsul'tirovanie. M., 2000. S. 4.

² Sm.: Mjej R. Iskusstvo psihologicheskogo konsul'tirovanija: kak davat' i obretat' dushevnoe zdorov'e. M., 2002.

³ Aleshina Ju. E. Individual'noe i semejnoe psihologicheskoe konsul'tirovanie. M., 2004. S. 12, 14–15.

⁴ Tam zhe.

⁵ Tam zhe.

УДК 37.03:343.8

Об опыте использования потенциала фильмов духовно-нравственной направленности в процессе ресоциализации осужденных в условиях пенитенциарной системы

А. Н. БАЛАМУТ – начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

О. Н. СТАРОДУБЦЕВА – преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России;

Н. В. РЕДЁГА – начальник психологической службы УФСИН России по Калужской области

В статье анализируется имеющийся положительный опыт использования психологическими лабораториями исправительных учреждений УФСИН России по

Калужской области потенциала фильмов духовно-нравственной направленности в процессе ресоциализации осужденных.

Ключевые слова: психологическая коррекция; психотерапия; арт-терапия; кинотерапия; духовно-нравственный уровень личности; ресоциализация.

On the experience of using the potential of films of a spiritually-moral orientation in the process of resocialization of convicts in the conditions of the penitentiary system

A. N. BALAMUT – Head of the Department of Organization of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor;

O. N. STARODUBTSEVA – Lecturer at the Department of Organization of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

N. V. REDUOGA – Head of the Psychological Service of the Federal Penal Service of Russia in Kaluga Region

The article analyzes the available positive experience of the psychological laboratories of correctional institutions of the Federal Penal Service of Russia in Kaluga Region in the use of the potential of spiritual and moral films in the process of resocialization of convicts.

Key words: psychological correction; psychotherapy; art therapy; film therapy; spiritual and moral level of personality; resocialization.

В настоящее время в России отмечается трансформация социально-политических, экономических, социально-культурных, духовно-нравственных и иных сфер жизнедеятельности общества, что обусловлено высоким уровнем развития информационных технологий, являющихся следствием всеохватывающей глобализации, имеющей как положительный, так и отрицательный эффект. Это в конечном итоге может привести к угрозе национальной идентичности и духовной ментальности как государств и народностей, так и отдельных социальных групп и слоев населения, нивелированию личности в частности. Однако проблема, лежащая в основе деструктивного поведения личности, кроется в самом человеке, в выборе альтернативных форм и способов реагирования на постоянно меняющиеся вызовы ситуации, имеющей взаимообусловленный характер.

Негативная динамика повторных преступлений, совершаемых осужденными, обусловлена не столько средовыми факторами, сколько, прежде всего, их индивидуальными социально-психологическими характеристиками (негативный жизненный опыт, конфликтный характер взаимоотношений с окружающими, конформное поведение в

результате влияния тюремной субкультуры, низкий общеобразовательный и культурно-нравственный уровень личности, высокий уровень психолого-педагогической запущенности, деформированная система духовно-нравственных ориентиров и т. д.). Все это приводит к постепенному разрушению, угасанию и нравственному падению личности, что в конечном итоге (без учета внешних и внутренних ресурсов) может осложнять процесс ресоциализации и конструктивных изменений деформированных подструктур личности.

Необходимо отметить всевозрастающую роль инновационных форм и методов психолого-педагогического воздействия на личность осужденных, в том числе с деформированной системой ценностей и личностных смыслов, посредством приобщения их к самообразованию и личностному духовному саморазвитию арт-терапевтическими методами психокоррекционного воздействия. Все вышесказанное актуализирует вопросы коррекции ценностно-смысловой сферы изолированной личности через использование потенциала фильмов духовно-нравственной направленности в процессе ресоциализации осужденных в условиях пенитенциарной системы. Ценностно-смыс-

ловая сфера личности представляет собой функциональную систему, формирующую смыслы и цели жизнедеятельности человека, регулирующие способы их достижения¹.

В связи с этим изучение и описание материалов положительного опыта, в основу которого легла авторская программа «Использование потенциала фильмов духовно-нравственной направленности в пенитенциарной системе для психологического сопровождения осужденных», подготовленная Н. В. Редига, С. Е. Наумовой, Ю. А. Ермолаевой, являющихся сотрудниками структурных подразделений УФСИН России по Калужской области, является весьма актуальным.

Новизна передового опыта обусловлена самой постановкой проблемы и попыткой с современных теоретико-методологических позиций проанализировать возможности духовно-нравственного развития личности осужденных как одной из перспективных задач психокоррекционной деятельности пенитенциарного психолога.

В современных условиях одним из чрезвычайно интересных и востребованных направлений психокоррекционной деятельности практического психолога является арт-терапия. Она представляет собой один из методов лечения и коррекции, основанный на использовании художественного творчества. Термин «арт-терапия» (от англ. art – искусство, therapy – терапия), или «терапия искусством», впервые возник в 1930-х гг. при работе с детьми, испытывавшими стресс в концентрационных лагерях Германии. В 1938 г. Адрианом Хиллом был введен и научно обоснован термин «арт-терапия» при лечении больных туберкулезом, которое проводилось в больницах и центрах психического здоровья².

В психотерапевтической энциклопедии под ред. Б. Д. Карвасарского (2006) подчеркивается, что арт-терапия является широким понятием, включающим множество разнообразных форм и методов. В связи с этим не существует единой общепризнанной классификации. Зарубежные ученые анализируют ее по различным основаниям (сублимационная, деятельностьная и проективная)³. Основной целью арт-терапии является гармонизация развития личности через развитие способности самовыражения и самопознания. При этом коррекционная работа направлена на две основные модальности клиента – настоящее и будущее.

Кинотерапия (кинотренинг) является одним из методов арт-терапии. В широком

смысле это метод, в основе которого лежит использование художественных и документальных фильмов в качестве своеобразных терапевтических метафор⁴, а в узком – метод психокоррекционного воздействия, предполагающий групповой просмотр фильмов, содержательно отражающих различные жизненные ситуации и возможности выхода из них с последующим обсуждением в группе. Ученые отмечают, что искусство способствует преодолению педагогической невосприимчивости осужденных, может стать способом профилактики и коррекции их поведения, помочь компенсировать негативное психическое состояние, регулировать эмоциональные проявления личности, дать ценный опыт позитивных изменений⁵.

Рассматриваемая психокоррекционная программа включает в себя подбор тематических притч и фильмов духовно-нравственной направленности (видеоматериалы, являющиеся участниками международного Сретенского православного кинофестиваля «Встреча»), реализуемых на базе исправительных учреждений УФСИН России по Калужской области. Структура программы выстроена таким образом, чтобы поэтапно (подготовительный, основной, заключительный) обеспечить конструктивное восприятие осужденными духовных ценностей через использование тематических притч и просмотр фильмов духовно-нравственной направленности («Святые XX века», «Форпост» и др.).

На занятии необходимо обратить внимание на следующие факторы, определяющие его эффективность. Фильм заранее подбирается психологом, просматривается, формулируются вопросы, проводится предварительная беседа перед просмотром фильма на определенную тему, являющуюся ключевой в фильме, после чего осуществляется просмотр фильма, его групповое обсуждение и резюмирование. Фильм должен быть позитивным, учить высшим ценностям, по возможности быть максимально схожим с ситуацией лиц, отбывающих данный вид наказания, позволяющим посредством механизмов идентификации, эмпатии (сопереживания) и проекции прожить трудную ситуацию вместе с героем фильма и преодолеть ее.

Во время групповой беседы обсуждаются впечатления от просмотренного фильма (чувства, мысли, эмоции), анализируются герои, их поступки, то, что показалось символическим, нравственные проблемы, затронутые в фильме, или актуальные темы (на-

пример, смерть и жизнь, добро и зло, любовь к матери, преступление, жестокость, равнодушие, раскаяние, взаимоотношения между сотрудниками и осужденными и т. д.). Продолжительность одного занятия с учетом обсуждения может составлять 2,5–3 часа.

В психокоррекционном процессе при контакте психолога с клиентом воздействие направлено на духовно-нравственный уровень личности (общечеловеческие ценности, личностные смыслы и идеалы), включающий в себя:

- обретение смысла переносимых страданий и лишений в условиях длительной социальной изоляции;

- глубинную переоценку личностью своего образа «Я», других, жизни в целом с принятием ее новых ценностей и смыслов;

- формирование у личности нравственных чувств (совести, долга, веры, ответственности, гражданственности, патриотизма), нравственной позиции (способности к различению добра и зла, проявлению самоотверженной любви, готовности к преодолению жизненных испытаний);

- деятельностное раскаяние в отношении себя и своего прошлого с принятием ответственности за свою жизнь;

- определение перспектив своего будущего, ориентацию личности на самопознание, самопомощь, активную жизненную позицию⁶.

Если же рассматривать понятие ресоциализации личности осужденного в контексте проведенного исследования, то в данном случае подразумевается процесс повторной или вторичной социализации личности, осуществляемый посредством изменения установок, правил, норм и ценностей субъекта, с помощью которых личность восстанавливает прерванные ранее отношения и связи либо укрепляет уже имеющиеся.

Всего в проведенном нами исследовании приняло участие 60 осужденных с равным делением на экспериментальную и контрольную группы с учетом психодиагностических замеров до и после коррекционных занятий, реализуемых с учетом диагностического и коррекционного блоков программы в течение девяти месяцев.

Анализ эффективности психокоррекционной программы осуществлялся посредством оценки степени выраженности следующих критериев: 1) личностный рост, стремление к саморазвитию, самовыражению и самопониманию; 2) смещение иерархии жизненных ценностей в сторону общепринятых моральных стандартов;

3) индикаторы деструктивного поведения (склонность к праздности, развлечениям); 4) осмысленность жизни, способность планировать собственную жизнь, не откладывая на потом. Помимо стандартизированных самоотчетов осужденных (методики «Ценностные ориентации» М. Рокича и «Смысло-жизненные ориентации» Д. А. Леонтьева) учитывалась экспертная оценка поведения осужденных сотрудниками данного исправительного учреждения, находящихся с ними в непосредственном взаимодействии.

Контрольные замеры с использованием психодиагностического инструментария («Ценностные ориентации» М. Рокича, «Смысло-жизненные ориентации» Д. А. Леонтьева), проведенные до и после психокоррекционных занятий в экспериментальной и контрольной группах респондентов, в которую вошли лица, отбывающие наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, имеющие две и более судимости, с преимущественно средним образованием и усредненным возрастным критерием 37–40 лет, позволили сделать ряд наблюдений.

На начальном этапе работы группы высокую значимость для осужденных составляли такие ценности, как материально обеспеченная жизнь, свобода, любовь, здоровье, уверенность в себе. На завершающем этапе при проведении контрольного среза (после проведения психокоррекционных занятий с испытуемыми из экспериментальной группы) до и после коррекционных воздействий с применением Т-критерия Вилкоксона результаты исследования кардинальным образом не изменились, однако при этом значимость ценностей возросла, а ценность «материально обеспеченная жизнь» существенно снизилась. При этом ценности «счастливая семейная жизнь» и необходимость присутствия рядом «надежных и верных друзей» имеют значимые положительные сдвиги на уровне $P \leq 0,05$. Это может свидетельствовать о переоценке имеющихся ценностей, а также об имеющейся в период отбывания наказания нереализованной актуальной потребности личности в самореализации, полноценной, активной и эмоционально насыщенной жизни (стремление освободиться, увидеть своих родственников, создать семью, устроиться на работу и по возможности самореализоваться).

Необходимо отметить, что ценности осужденных контрольной группы в значительной степени сосредоточены на своей личности и собственных желаниях. Так, например, во время беседы при формулиро-

вании уточняющих вопросов нередко среди ответов осужденных можно было обнаружить такие варианты, которые имеют узконаправленный характер смещения в сторону своей личности. Это подтверждается следующими высказываниями: «хочу красиво жить», «люблю деньги», «люблю чувство риска», «желаю острых ощущений» и др., что отражает стремление данной группы респондентов к ситуативному удовлетворению примитивных актуальных потребностей личности.

На основе проведенной психокоррекционной работы с осужденными с использованием метода кинотерапии (кинотренинга) можно сделать следующие основные выводы:

– использование данного метода является доступным, творческим методом в работе психолога, что способствует эффективности оказания психологической помощи осужденным, содержащимся в условиях длительной социальной изоляции;

– он позволяет установить эмоциональный контакт психолога с осужденными и способствует выстраиванию более доверительных отношений;

– после просмотра фильмов чувства осужденных из хаотичных становятся более структурированными (понятными, осознаваемыми, имеющими четкую направленность), что приводит к снижению тревожности, раздражительности;

– кинотренинг помогает привести крайние отрицательные эмоциональные состояния осужденных (гнев, страх и др.) в среднюю фазу реагирования, найти баланс чувств, которые их переполняют, что дает возможность выйти из стрессовых ситуаций и усиливает способности к адаптации;

– осужденный легче преодолевает чувство одиночества, ощущает поддержку, понимает, что он не один оказался в трудной жизненной ситуации, это дает ему возможность лучше адаптироваться и преодолеть страх неприятия (отчуждения).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сучкова Е. Л., Штефан Е. Ф. Психологическая коррекция ценностно-смысловой сферы осужденных, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 59.

² См.: Осипова А. А. Общая психокоррекция : учеб. пособие для вузов. М., 2002. С. 160.

³ См.: Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб., 2006. С. 43.

⁴ См.: Карпова Н. Л. и др. Кинотерапия как средство психологической реабилитации и коррекции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 3 (64). С. 121–130.

⁵ См.: Зауторова Э. В. Нравственно-эстетическое воспитание как условие ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 1 (37). С. 88.

⁶ См.: Баламут А. Н. Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи : моногр. М., 2009. С. 143.

¹ Sm.: Suchkova E. L., Shtefan E. F. Psihologicheskaja korrekcija cennostno-smyslovoj sfery osuzhdennyh, v pervye otbyvajushih nakazanie v vide lishenija svobody // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 1 (29). S. 59.

² Sm.: Osipova A. A. Obshhaja psihokorrekcija : ucheb. posobie dlja vuzov. M., 2002. S. 160.

³ Sm.: Psihoterapevticheskaja jenciklopedija / pod red. B. D. Karvasarskogo. SPb., 2006. S. 43.

⁴ Sm.: Karpova N. L. i dr. Kinoterapija kak sredstvo psihologicheskoj rehabilitacii i korrekcii // Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 2011. № 3 (64). S. 121–130.

⁵ Sm.: Zautorova Je. V. Nравstvenno-jesteticheskoe vospitanie kak uslovie resocializacii nesovershennoletnih osuzhdennyh // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2017. № 1 (37). S. 88.

⁶ Sm.: Balamut A. N. Osuzhdennye k pozhiznennomu lisheniju svobody i puti okazaniya im psihologicheskoj pomoshhi : monogr. M., 2009. S. 143.

УДК 159.9:343.8-056.24

Психологическое сопровождение осужденных, имеющих ограничения по здоровью

Е. А. МАЛЕТИНА – научный сотрудник Центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России;

О. Г. ГОДОВАНЕЦ – старший инспектор по особым поручениям отдела организации психологической работы управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России;

А. В. БАРСКАЯ – старший специалист ИК-6 УФСИН России по Липецкой области

В статье рассматривается психологическое сопровождение осужденных, имеющих инвалидность, описываются их индивидуально-психологические особенности. Предлагается опыт работы сотрудников психологической службы УФСИН России по Липецкой области по психокоррекционной программе помощи осужденным, имеющим ограничения по здоровью.

Ключевые слова: осужденные, имеющие ограничения по здоровью; психологическое сопровождение; психокоррекционная программа.

Psychological support of convicts having health restrictions

E. A. MALETINA – Researcher of the Research Center on the Problems of the Execution of Criminal Sanctions and Psychological Support of the Penal System Staff of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia;

O. G. GODOVANETS – Senior Inspector for Special Assignments of the Department for the Organization of the Psychological Work of the Department of Educational, Social and Psychological Work of the Federal Penal Service of Russia;

A. V. BARSKAYA – Senior Specialist of the Correctional Colony-6 of the Federal Penal Service of Russia in the Lipetsk Region

The article is devoted to the importance of psychological support for convicts with disabilities. It describes the individual psychological characteristics of convicts with disabilities. The article offers experience of the specialists in the psychological service of the FPS of Russia in the Lipetsk region at psycho correctional program of care for convicts with disabilities.

Key words: convicted persons with disabilities; psychological support; psychological intervention program.

В уголовно-исполнительной системе одной из наиболее уязвимых категорий осужденных являются лица, имеющие ограничения по здоровью, в том числе инвалиды. Они в большей степени нуждаются в помощи и поддержке со стороны сотрудников всех служб исправительного учреждения. По состоянию на 1 января 2017 г. в исправительных учреждениях отбывали наказание 21 003 осужденных инвалида, что составило 3,6 % от общего количества осужденных¹.

Актуальной задачей для психологов является сохранение и укрепление психического здоровья человека, имеющего ограничения по здоровью, подвергающегося многообразным и непредсказуемым социальным влияниям как в повседневных условиях законопослушного общества, так и в ситуациях, связанных с пребыванием в вынужденной изоляции.

Г. С. Никифоров наиболее важным критерием психического здоровья личности считает психическое равновесие, по которому

можно судить о характере функционирования психической сферы человека с различных сторон (познавательной, эмоциональной, волевой). Этот критерий органично связан с двумя другими – гармоничностью организации психики и ее адаптивными возможностями. В общем смысле под гармонией понимается согласованность, стройность в сочетании чего-либо². Длительное пребывание осужденных в условиях интернирования с жесткими ограничениями и подчас напряженными межперсональными отношениями ведет не только к срыву компенсаторных механизмов и нарушению адаптивных возможностей осужденных-инвалидов, но и приводит к дополнительной структурно-личностной дисгармонии.

Индивидуально-психологические особенности осужденных-инвалидов во многом обусловлены соматическими факторами. А образ самого себя играет важную роль при оценке человеком собственных возможностей в различных ситуациях. Личностная

гармоничность во многом определяется социально-психологическими категориями. Основным параметром гармоничной личности является адаптивность, то есть способность индивида приспосабливаться к меняющимся жизненным ситуациям, а также степень принятия социального окружения, значимость удовлетворения потребностей. Это психологическое качество отражает реализм в восприятии окружающей среды и способность «принимать» этот мир и людей такими, какие они есть. Следующим параметром является самоактуализация, которая предусматривает «принятие себя» (оценка своих возможностей, понимание насущных потребностей, принятие выработанных ценностей), жизнь с внутренней удовлетворенностью, примирение и изживание чувства неуверенности.

Под социализацией традиционно понимается процесс усвоения индивидом социального опыта, системы социальных связей и отношений. В процессе социализации человек приобретает убеждения, общественно одобряемые формы поведения, необходимые ему для нормальной жизни в обществе³.

Рассмотрим опыт работы сотрудников психологической службы УФСИН России по Липецкой области (на примере ИК-6 УФСИН России по Липецкой области) с осужденными, имеющими в анамнезе инвалидность. В настоящий момент в колонии отбывают наказание 63 осужденных инвалида. Из них 37 чел. имеют III группу инвалидности, которая считается рабочей, II группу – 26 чел., обладающих правом работать или не работать по желанию.

Давая медицинскую характеристику, отметим, что инвалидность осужденным установлена по следующим заболеваниям: опорно-двигательного аппарата – 28 %, нервной системы – 32 %, сердечно-сосудистой системы – 20 %, дыхательной системы – 11 %, и 9 % в связи с заболеваниями эндокринной, мочевыделительной систем, органов зрения, а также врожденные аномалии развития.

По возрасту осужденные распределяются следующим образом: от 21 года до 25 лет – 3 %, от 26 до 30 лет – 22 %, от 31 года до 40 лет – 30 %, от 41 года до 50 лет – 14 %, от 51 года до 60 лет – 16 %, старше 60 лет – 15 %. Таким образом, в исправительном учреждении содержатся инвалиды трудоспособного возраста.

Наличие семьи, как правило, оказывает на осужденного положительное влияние.

Согласно исследованию, 58 % осужденных-инвалидов в зарегистрированном браке не состояли, 6 % состояли, 20 % были разведены и 16 % фактически не оформляли супружеские отношения (незарегистрированный брак).

Образовательный уровень определяет личность человека, его творческие и трудовые возможности, общественную ценность. Люди с более высоким уровнем образования легче адаптируются к жизни после освобождения. Анализ данных показывает, что среднее образование имеют 36 % осужденных, среднее специальное – 24 %, неполное среднее – 26 %, высшее – 14 %.

Были трудоустроены или учились до осуждения 28 %, не работали и не учились 59 %, а 13 % получали пенсии. На данный момент трудоустроено в колонии 16 % осужденных, 84 % не работает.

Анализ уголовно-правовых характеристик рассматриваемой категории осужденных позволяет сделать определенные выводы. Наиболее часто осужденные-инвалиды совершают преступления против собственности и личности. Так, убийство совершили 38 % осужденных, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 28 %, за незаконный оборот наркотиков привлечены к ответственности 20 %, кражи совершили 8 % осужденных, насильственные действия сексуального характера – 6 %.

По длительности сроков лишения свободы осужденные рассматриваемой категории распределились следующим образом: от 1 года до 3 лет – 10 %, от 3 до 5 лет – 18 %, от 5 до 10 лет – 52 %, от 10 до 15 лет – 14 %, свыше 15 лет – 6 %.

Всего в исследовании приняло участие 50 чел., которые относятся к категории инвалидов. Психодиагностика осуществлялась посредством адаптированных к пенитенциарной системе стандартизированных самоотчетов (методика по изучению акцентуаций характера К. Леонгарда, С. Шмишека; личностный опросник Г. Айзенка по определению типа темперамента). Анализ результатов психодиагностического обследования лиц, имеющих инвалидность, свидетельствует о наличии у них явных отличий от соматически здоровых осужденных, проявляющихся в высоком уровне коммуникативных барьеров, нейротизма, на фоне ярко выраженной интроверсии, низкой самооценки с высоким уровнем притязаний, неуверенности, необщительности, ригидности, тревожности, импульсивности, негативизме, противоречивости чувств, способной привести

к внутриличностному конфликту, усилении субъективного восприятия соматического дискомфорта. Обусловлено это тем, что данная категория лиц, попадая в исправительные учреждения, лишается привычных для них мероприятий медицинского характера и помощи близких. Как правило, у этих людей нарушены социальные связи, в том числе семейные, прекращено общение с друзьями, сужены духовные интересы. Длительная бездеятельность отрицательно сказывается на состоянии здоровья, вызывая синдром гиподинамии.

Изменение социального статуса инвалида, вызванное прекращением или ограничением трудовой деятельности, сменой ценностных ориентиров, образа жизни и круга общения, возникновением затруднений в социально-бытовой, психологической адаптации к новым условиям, определяет необходимость выработки особых подходов, форм и методов работы с данной категорией лиц⁴.

В этих целях сотрудниками психологической службы УФСИН России по Липецкой области была разработана психокоррекционная программа помощи осужденным, имеющим ограничения по здоровью, в рамках реализации ведомственного проекта «Социальное бюро». Целью программы является социализация и реабилитация инвалидов, помощь в повышении самооценки осужденного, формирование позитивной мотивации и активизация потенциальных возможностей личности в решении собственных проблем, а также профилактика рецидива.

Решение вышеперечисленных проблем возможно посредством введения в практику эффективных форм, методов, механизмов комплексной психотерапевтической деонтологии (науки о должном), основывающейся на принципах медицинской и клинической психологии. Главными задачами здесь являются изучение личности больного человека и использование методов, способствующих его позитивной социализации и адаптации к новым социальным ролям. Успех психотерапии тесно связан с особенностями реакции самого больного: или он борется с болезнью, не обращает на нее внимания, вытесняет ее, или же полностью покоряется, привыкает к ней, а в дальнейшем ищет ее преимущества.

В период первичного изучения важно выяснить отношение больного к болезни, лечению, взаимосвязь этих отношений с наиболее значимыми установками его личности. Знание клинко-психологических особенно-

стей осужденного, имеющего ограничения по здоровью, предоставляет возможность постановки качественного психологического диагноза и вовлечения пациента в систему психокоррекционных мероприятий.

Концепция работы психологов с лицами с ограниченными возможностями строится на основании трех аспектов: культурно-просветительского, психогигиены и психотерапевтических мероприятий. Организация личностного пространства в контексте повышения культурно-нравственного развития осужденных-инвалидов направлена на сохранение и продление их личностной активности. Предоставление возможности конструктивно использовать свободное время способствует развитию личностного потенциала, активности осужденных, а также пробуждению у них новых интересов. Методики косвенной психотерапии (музыкотерапия, смехотерапия, рисуночная терапия, библиотерапия) помогают открытию и осознанию иных граней окружающего мира (через раскрытие творческого потенциала), а также поиску ресурсов личности.

Ведущим компонентом комплексной реабилитации является психогигиена, направленная на создание благоприятных условий для укрепления здоровья, продления активной жизнедеятельности, а также восстановления и поддержания трудовой деятельности. Вовлечение данной категории лиц в общественно полезную деятельность является необходимым условием для культивирования чувства их социальной полезности и повышения самооценки. Комплекс психотерапевтических мероприятий способствует активизации телесных и психических функций, навыков и возможностей, а также решению конкретных проблемных ситуаций, с которыми осужденные-инвалиды должны научиться справляться самостоятельно. Специфичным в построении психотерапевтических программ является принцип активации и реактивации ресурсов личности как профилактики «угасания» невостребованных функций.

Психокоррекционная программа помощи осужденным, имеющим ограничения по здоровью, состоит из шести этапов: преодоление коммуникативных барьеров, активизация психических функций, охрана психического здоровья, гармонизация эмоциональной сферы, переосмысление жизненных ценностей и проработка преступления. В каждом блоке предусмотрено по шесть практических занятий, продолжительностью не более полутора часов.

Преодоление коммуникативных барьеров направлено на установление гармоничных отношений с социальным окружением, расширение возможности социальной коммуникации и социальной активности инвалидов.

Инвалидам свойственно испытывать трудности, когда требуется сосредоточиться, сконцентрировать внимание на чем-либо или что-то вспомнить. Восстановлению психических функций, сохранению устойчивого функционирования памяти и фантазии способствуют занятия по активизации психических функций. Задачами данного этапа выступают стабилизация сенсорного голода, развитие памяти и фантазии, ассоциативного, образно-чувственного и логического мышления, внимания и тактильных ощущений.

Третий этап направлен на охрану психического здоровья, для чего выявляются причины, вызывающие психосоматические заболевания у лиц, имеющих отклонения здоровья, переосмысливаются жизненные ценности и вырабатывается конструктивная жизненная позиция у осужденных.

Все происходящее в душе человека оставляет отпечаток в его организме. Наше сознание и бессознательное очень часто говорят не словами, а сигналами тела. В любой момент жизни состояние человека – это воплощенная история пережитых и переживаемых им эмоциональных и физических травм, накопленного жизненного опыта, взглядов и представлений, недомоганий и заболеваний. Для личностного роста и целостного развития человека необходимы эффективные механизмы, связующие во едино чувства, разум и телесные ощущения, восстанавливающие утраченные и строящие утраченные взаимосвязи между ними, создающие условия доверительного контакта человека с жизнью его тела.

Четвертый этап – гармонизация эмоциональной сферы. Эмоциональная сфера людей с ограниченными возможностями характеризуется притупленностью эмоций. Такие люди обычно полностью или частично утрачивают способность к эмоциональным проявлениям. Они сталкиваются с трудностями при установлении близких и дружеских связей с окружающими. При решении проблем или желании добиться поставленной цели, даже если она не жизненно важна, данной категории людей свойственно оказание физического силового воздействия либо проявление эмоциональной и вербальной агрессивности в отношении окружающих. Поэтому таким осужденным необходима

реабилитация эмоционального состояния, оптимизация стиля поведения.

Целями этапа переосмысления жизненных ценностей являются предотвращение кризиса личности, восстановление ее культурного развития, остановка процесса декультурации, мотивация на создание социально значимых связей и пересмотр собственных ценностных установок, укрепление нравственных ценностей как факторов социального поведения.

В связи с переживанием ограничений по здоровью у данной категории осужденных возникает критическая ситуация жизнедеятельности, что приводит к снижению их адаптивных ресурсов и даже кризису личности в целом. Независимо от сознания личности процесс культурного развития психики сворачивается, начинается процесс декультурации, то есть существования в обществе только благодаря физиологическим механизмам регуляции и полного распада социоадаптивного и смыслового уровней регуляции. Все это приводит к распаду интерактивных связей личности с культурой, социальными группами и другими значимыми личностями⁵.

Завершающим этапом психокоррекционной программы является «проработка» преступления, направленная на создание модели законопослушного поведения, обнаружение и устранение индивидуальных причин, вызвавших совершение преступления, выработку личностных механизмов противодействия оправданию преступлений криминальной субкультурой. Задачами данного этапа являются определение характерных для осужденных когнитивных искажений (самооправдание) и их целей; информирование участников занятий об общей модели совершения преступления и концепции «каждущихся невзаимосвязанными решений»; научить осужденных думать о преступлении с точки зрения жертвы, а также представлять последовательность решений, которые привели к преступлению.

Апробация данной программы была реализована в отношении 30 разновозрастных осужденных-инвалидов, содержащихся на различных условиях, имеющих III группу инвалидности, которая считается рабочей. Программа была реализована в два этапа: психодиагностический (диагностика эмоционально-волевой и личностной сфер) и адаптационно-реабилитационный (досуговая активность, трудотерапия и проведение психотерапевтических занятий). Эффективность реализации программы подтверждается существенным снижением письмен-

ных обращений по вопросам пенсионного, медицинского, юридического обеспечения осужденных, а также повышением самооценки мотивации личности на решение собственных проблем (оценочные листы и карты реабилитации осужденного-инвалида).

Таким образом, основные цели индивидуальной психоконсультационной и коррек-

ционной работы с осужденными, имеющими ограничения по здоровью, направлены на проработку их личных проблем с учетом приобретенного или врожденного заболевания, а также подготовку осужденных к освобождению, повышение адаптационных способностей в законопослушном обществе, снижение риска рецидива.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Статистическая форма отчетности 1-МЕД (Сведения о социально значимых заболеваниях у лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации и привлеченных финансовых ресурсах) за 2016 год.

² См.: Никифоров Г. С. Психология здоровья : учеб. пособие. СПб., 2002. С. 60.

³ См.: Психология : пол. энцикл. справ. / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб., 2007. С. 686.

⁴ См.: Цветкова Н. А. Технологии социальной работы в силовых структурах // Технологии психологической коррекции личности в силовых структурах : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (26 февраля 2010 г., г. Псков) / под общ. ред. Б. Б. Казака. Псков, 2010. С. 135–144.

⁵ См.: Шаповал И. А. Конструктивистско-психологический дискурс в анамнезе расстройств личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7-2. С. 157–161.

¹ См.: Statisticheskaja forma otchetnosti 1-MED (Svedeniya o social'no znachimyh zabolevaniyah u lic, sodержashhihsja v uchrezhdenijah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii i privlechennyh finansovyh resursah) za 2016 god.

² См.: Nikiforov G. S. Psihologija zdorov'ja : ucheb. posobie. SPb., 2002. S. 60.

³ См.: Psihologija : poln. jencikl. sprav. / sost. i obshh. red. B. G. Meshherjakova, V. P. Zinchenko. SPb., 2007. S. 686.

⁴ См.: Cvetkova N. A. Tehnologii social'noj raboty v silovyh strukturah // Tehnologii psihologicheskoy korrekcii lichnosti v silovyh strukturah : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (26 fevralja 2010 g., g. Pskov) / pod obsh. red. B. B. Kazaka. Pskov, 2010. S. 135–144.

⁵ См.: Shapoval I. A. Konstruktivistsko-psihologicheskij diskurs v anamneze rasstrojstv lichnosti // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2014. № 7-2. S. 157–161.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 376.58:343.8

Обсуждение морально-правовых дилемм как средство активизации правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии

О. Б. ПАНОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент

В статье раскрывается понятие «правовая ресоциализация» как процесс, состояние и результат, описывается методика применения морально-правовых дилемм с учетом особенностей несовершеннолетних правонарушителей, обобщается опыт обсуждения морально-правовых дилемм как средства педагогического влияния на процесс правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: правовая ресоциализация; правовое воспитание; несовершеннолетние осужденные; морально-правовые дилеммы; педагогические средства; коррекция правовых представлений; самоопределение в правовом пространстве.

The moral and legal dilemmas discussing as a means of strengthening the legal re-socialization of juvenile convicts in an educational colony

O. B. PANOVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor

The author reveals the essence of the concept of «legal re-socialization», describing it as a process, condition and result, presents the method of applying moral and legal dilemmas taking into account characteristics of juvenile offenders, the article summarizes the experience of discussing moral and legal dilemmas as the means of pedagogical influence on the process of legal re-socialization of juvenile convicts.

Key words: legal re-socialization; legal education; juvenile convicts; moral and legal dilemmas; means of pedagogical influence; correction of legal ideas; self-identity in the legal space.

В условиях построения правового государства происходят существенные изменения социальных отношений в системе «человек-право». При всем многообразии ролей праву все чаще отводится роль нормативной среды, для успешного существования в которой человеку необходимо быть должным образом подготовленным. Соответствующее сопровождение особенно ак-

туально в отношении несовершеннолетних осужденных, чей социальный и правовой статус на разных этапах отбывания наказания, а также после освобождения претерпевает неоднократные изменения.

Возвращение воспитанника исправительного учреждения в нормальную жизнь общества связывается с ресоциализацией. В последние годы категория «ресоциали-

зация» начинает использоваться в связи с проблематикой частных вопросов. Так, специально исследуются аспекты нравственной, трудовой, физической ресоциализации. Те или иные уточняющие обстоятельства нацеливают на специфические подходы к процессу интегрирования человека в общественные отношения определенного вида.

Известно, что право реализуется в той мере, в какой общество способно его усвоить. Для более точного обозначения образовательных процессов при сопровождении несовершеннолетнего осужденного в обстоятельствах, подлежащих регламентации нормами права, мы используем терминологический конструкт «правовая ресоциализация», который характеризуется всеми признаками, присущими ресоциализации в ее общепринятом значении, но при этом имеет свою специфику. Сущность правовой ресоциализации составляет коррекция противоправных представлений, оценок и поведенческих установок, сформированных в результате неадекватного восприятия несовершеннолетним правовых отношений, и развитие у него способности к ориентации и самоопределению в правовом пространстве на основе принятия ценностей права (легальность, равенство, достоинство)¹.

Правовая ресоциализация несовершеннолетнего осужденного может быть представлена как процесс и состояние. Как процесс она предполагает поэтапную последовательность решения задачи, ориентирующей на усвоение смысла правовой жизни; при этом имеет место преодоление психологических барьеров как разрешение противоречий между недостаточным социально-правовым опытом и возникающими в новых обстоятельствах потребностями в самореализации в правовом пространстве.

Как состояние правовая ресоциализация связана с сознательным отказом несовершеннолетнего от криминальных идеалов и ценностей, постижением значения правовой жизни, переходом от ситуативного и бессознательного следования правовым нормам к осмысленному правовому поведению. Результат правовой ресоциализации связывается с обретением смысла правовой жизни, принятием ценностей права, адекватным эмоциональным реагированием на право-значимые события и явления, установкой на правовое поведение.

Продуктивность правовой ресоциализации воспитанников исправительных учреждений зависит от субъективных (внутренних) и объективных (внешних) условий. Актуали-

зация внутренних условий предусматривает опору на позитивный потенциал возрастных особенностей несовершеннолетних осужденных: сензитивность в восприятии правовых норм, стремление к самоопределению, поиску смысла жизни и своего места в ней; появление личностных новообразований – самоутверждения, способности выбора, самостоятельного решения. В качестве определяющего внешнего условия выступает ориентированность воспитательной системы исправительного учреждения на создание развивающей среды для овладения осужденными социально-правовым опытом.

Успешной правовой ресоциализации воспитанников препятствуют объективно существующие обстоятельства, а именно: деформированное мировоззрение и поведение, активное влияние криминальной субкультуры, преобладание в исправительных учреждениях воспитательных систем авторитарного типа и др. Перечисленные явления убеждают в необходимости специального педагогического сопровождения, которое как стимулирующий фактор правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных представляет собой совокупность методологически обоснованных средств, направленных на формирование у воспитанников готовности к внесению позитивных изменений в свое поведение и отношение к людям на основе принятия ценностей права. Уточняя значение термина «педагогическое средство», обратимся к взглядам А. С. Макаренко, который в статье «Методы воспитания» отмечает, что к педагогическим средствам может быть отнесено все то, что приводит к результатам. При этом средство должно выводиться из цели и быть связанным с конкретной ситуацией. Основываясь на таком понимании вопроса о выборе средств, рассмотрим ряд аспектов, значимых для анализируемой проблемы.

Действующее законодательство нацеливает на формирование у осужденных уважительного отношения к нормам права, выделяя в качестве приоритетного направления стимулирование правопослушания. Такой подход в определенной степени сужает социализирующую функцию исполнения наказаний до императивного и запретительного содержания: главным критерием становится не делать то, что запрещено нормами права, при этом осужденному отводится преимущественно пассивная роль. Вместе с тем возраст несовершеннолетних осужденных (14–18 лет) характеризуется ярко

выраженной направленностью на поиск смысла жизни, выбор будущего социального положения и способов его достижения. Недооценка важности поддержания естественного стремления к самоопределению служит основанием для неблагоприятного прогноза, связанного с сохранением и углублением у воспитанников исправительных учреждений противоправных убеждений и установок.

Гуманистическая тенденция гармонизации отношений несовершеннолетнего осужденного с правовой реальностью, соответствующая его стремлению к проявлению своей индивидуальности, находит отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., ориентирующей на мотивацию осужденных к законопослушному поведению. Такой подход предполагает обращение к внутренним потребностям воспитанника и нацеливает на использование педагогических средств, побуждающих несовершеннолетних осужденных к более осознанному восприятию своей роли в системе правовых отношений. В ряду таких средств особо выделим обсуждение морально-правовых дилемм².

Одним из первых ученых, обосновавших целесообразность использования дилемм морального выбора, был американский психолог Л. Колберг. В 1958 г. он защитил докторскую диссертацию «Развитие образа моральных суждений и выбора в 10–16 лет». Базовой идеей морально-правового развития личности явилось представление об универсальности основополагающих ценностей, принимаемых всеми обществами и культурами. В предложенной ученым модели степень отношения к ценностям составляет критерий морально-правового развития. Человек, обладающий морально-правовой зрелостью, не только способен принять существующие моральные принципы, но и воспроизводить новые. Суть концепции Л. Колберга состоит в отнесении человека к определенному уровню нравственно-правовой зрелости в соответствии с его готовностью действовать тем или иным образом в экстраординарных ситуациях с морально-правовым контекстом³. Методика включает интервью моральных суждений, которое состоит из трех дилемм, и предусматривает выбор либо в пользу субъективных моральных представлений, допускающих нарушение закона, либо в пользу правовых, идущих вразрез с нравственными представлениями. Таким образом, интервьюируемый

изначально ставится в крайне сложные условия.

На основе методики Л. Колберга учеными разных стран было разработано значительное число модификаций, предусматривающих использование дилеммы в качестве основного диагностического и личностно-развивающего инструмента. Экстраполирование авторских вариантов, производных от оригинальной методики, на те или иные исследовательские площадки затруднено тем, что содержание дилемм определяется культурной относительностью представленных в них ситуаций. В соответствии с современными представлениями, принятыми в отечественном педагогическом сообществе, приверженцы метода дилеммы должны быть сориентированы не только на использование готовых ситуаций, но и на конструирование своих собственных. В любом случае дилемма как метод воспитания в содержательном плане должна соответствовать следующим критериям: наличие общественной значимости, реалистичность представленной ситуации, четкость и однозначность ее описания. Заданием должно быть предусмотрено, что при решении испытуемому недостаточно ограничиваться односложными высказываниями (типа «да» или «нет»), а следует аргументировать их, прогнозировать варианты развития событий.

Достаточно продуктивным оказался опыт применения морально-правовых дилемм в рамках разработанной нами программы правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных «Человек в правовом поле»⁴. Первоначально данная программа была апробирована на экспериментальных площадках в ходе педагогического сопровождения правовой ресоциализации осужденных нескольких воспитательных колоний (Вологодской, Брянской, Колпинской), а затем использовалась в исправительном процессе других пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних. Обсуждая юридически значимые моральные дилеммы, воспитанники овладевали социально-правовым опытом, учились отстаивать свою мировоззренческую позицию, обосновывать ее, поступать в соответствии с нормами права.

Работа с дилеммой предполагает использование вопросов, проблематизирующих ее, представляющих морально-правовую ситуацию через призму разноаспектных обстоятельств. Участие в обсуждении становилось в нашем опыте средством самовоспитания осужденных, стимулом морально-право-

вой рефлексии, которая заключалась в самоанализе и осознании морального значения правовых принципов, норм и правил, трансформирующихся в социально-правовой опыт и способствующих становлению правовой позиции молодого человека. При всем многообразии ситуаций, представленных в морально-правовых дилеммах, их приоритетное содержание фокусировалось на альтернативах, при которых сделанный выбор способствовал кристаллизации отношения воспитанников к ценностям права. Проиллюстрируем данное утверждение на конкретных примерах.

При формировании у осужденных адекватного отношения к ценности права «Легальность» общая для всех дилемм формула сводилась к необходимости выбора одного из утверждений, подлежащего обоснованию: а) без права прожить невозможно; б) возможно жить без права. Образцом соответствующей дилеммы служит задача, предложенная воспитанникам при усвоении ими вопроса о культурно-исторических предпосылках возникновения права в ходе дискуссии «Дикие времена правового поля». В ходе дискуссии воспитанникам предлагалось обсудить вопросы «Всегда ли были законы?», «Вы часто встречаетесь с понятиями “право” и “закон”. Что их объединяет и в чем различие между ними?», выразить свое мнение по поводу выражений «Закон суров, но он – закон», «Око – за око, зуб – за зуб». Признавая преимущества законов перед иными инструментами разрешения спорных вопросов, воспитанники заявляли о принятии ценности права «Легальность».

Для упрочения понимания несовершеннолетними идеи о неизбежности появления законов они получили информацию об ордалиях – разновидностях так называемого божьего суда, в процессе которого устанавливалась судебная истина во времена отсутствия юридического закона. После того как воспитанники узнавали, что нередко ордалии были сопряжены с физическими страданиями подозреваемых, каждому участнику предлагалась дилемма, решение которой озвучивалось в группе.

Пример дилеммы. Представьте, что Вам дана возможность выбрать один из вариантов прохождения судебного процесса: либо Вы выбираете уже известный путь, то есть судебный процесс, который прошли в реальности, либо предпочли бы судебное испытание, подобное тому, что описано в предложенной ситуации (далее следовало описание ордалии). Обоснуйте свой выбор.

Использование подобных дилемм выполняло не только социально ориентирующую, но и диагностическую функцию, так как позволяло определить направленность поведенческой стратегии осужденного. Обращение к историческим фактам, отражающим жестокость беззакония, оказывало сильное эмоциональное воздействие на воспитанников, побуждало их к признанию необходимости существования закона. Легальность права начинала восприниматься участниками программы в качестве значимой характеристики.

Приоритетное содержание дилемм, связанных с принятием ценности права «Равенство», в общем виде сфокусировано в следующей ситуации выбора: «Выберите одно из утверждений, с которым Вы согласны: а) целеустремленный и настойчивый человек может и должен защищать свои права; б) нет смысла бороться за свои права – только время потеряешь. Объясните свой выбор». Приведем пример задачи, содержащей соответствующую дилемму.

Ситуация. Несовершеннолетний К., вернувшись домой после отбытия наказания в воспитательной колонии, решил в тот же день пойти в школу, где обучался ранее. В школу он пришел со своим приятелем, который тоже недавно освободился из мест лишения свободы и на тот момент нигде не учился и не работал. Директор школы отказал К. в его просьбе о зачислении. Он пояснил юноше, что родители бывших одноклассников К. были категорически против, так как ранее К. систематически издевался над их детьми. Пришедший с К. приятель в этой ситуации предложил «отомстить» директору. В его план входило: разбить ночью стекла первого этажа школьного здания, переломать мебель и оборудование. С учетом сильных морозов молодой человек рассчитывал на то, что батареи в классах «разморозятся», а учебные занятия по этой причине будут отменены. Это и будет их мстью. После этого мальчики уйдут из дома и будут жить случайными заработками.

Дилемма: как следовало поступить К. в ответ на предложение приятеля? Выберите один из двух вариантов. Подумайте, какое продолжение в развитии ситуации могло бы последовать в каждом из двух вариантов. Обоснуйте свое мнение.

– К. следовало принять предложение приятеля. Надо было отомстить директору, ведь никто не может отказать ребенку в праве учиться в школе по месту жительства. А раз К. никому не нужен, он будет назло всем

вести бродяжнический образ жизни и ни от кого не зависеть.

– К. следовало обдумать сложившуюся ситуацию, попытаться понять причину отказа директора школы и начать решать вопрос с восстановлением на учебу с помощью взрослых: родителей, сотрудников департамента образования, правоохранительных органов и др. Очевидно, что получение образования – неотъемлемое право каждого гражданина.

В ходе педагогического сопровождения принятия воспитанниками ценности права «Достоинство» приоритетное содержание дилемм концентрировалось на обобщенной ситуации выбора: «Выберите одно из утверждений, с которым Вы согласны: а) делая свой выбор, я несу ответственность только перед собой; б) за свой выбор я несу ответственность не только перед собой, но и перед другими людьми. Объясните свой выбор». Приведем пример одной из задач, содержащих соответствующую дилемму.

Ситуация. На железнодорожном вокзале незнакомая модно одетая девушка, с которой Ваш приятель обменялся парой фраз, просит его присмотреть за чемоданами, пока она сходит в магазин. Девушка удаляется, а у Вашего приятеля мгновенно созревает план скрыться, присвоив чемоданы себе. Он испытывает серьезные материальные затруднения, при этом делает предположение: если девушка одета «шикарно», то и в чемодане у нее наверняка находятся дорогие вещи. Некоторое время он остается в замешательстве, не может принять решение, а девушка может вернуться в любую минуту.

Дилемма: как следует поступить Вашему приятелю в предложенной ситуации? Выберите один из двух вариантов. Подумайте, какое продолжение в развитии ситуации могло бы последовать в каждом из двух вариантов. Обоснуйте свое мнение.

– Ваш приятель осознает низость такого поведения и отказывается от совершения преступления. Ведь как приятно, когда тебе доверяют и считают нормальным человеком.

– Ваш приятель берет чемоданы и старается скрыться как можно быстрее, ведь никто не заставлял незнакомую девушку быть такой наивной и доверчивой. По всему видно, что она не бедная – не пропадет. А Вашему приятелю легкая добыча поможет хоть как-то свести концы с концами.

Методика использования морально-правовых дилемм включает в себя следующий

алгоритм работы: подготовительный этап, презентацию дилеммы, ее обсуждение, коррекцию поведенческих установок, побуждение к правовой рефлексии, обобщение приобретенного социально-правового опыта. Обращение к использованию морально-правовых дилемм предполагает наличие ряда педагогических условий: следование предложенному алгоритму, создание позитивного морально-психологического климата, стимулирование социального закаливания.

Особо следует учесть специфику организации рефлексивной деятельности воспитываемых. Среди соответствующих рефлексии приемов большое значение имеет дерефлексия, с помощью которой у человека пробуждается способность «к самоотстранению». В. Франкл, часто использующий данный прием в своей практике, делал это в связи с необходимостью подтолкнуть человека «к открытию им для себя адекватного смысла»⁵. Раскрывая сущность дерефлексии, философ пояснял, что объектом оценивания для человека становится некий посторонний индивид, оказавшийся в сходной с этим человеком ситуации. В обстоятельствах, когда человек как бы дистанцируется от своей физической сущности, процесс оценивания не себя, а другого, не травмирует психику и происходит более объективно. В то же время сходство обстоятельств побуждает к проецированию оценочных суждений уже на себя. Таким образом, дерефлексия пробуждает собственно рефлексию.

Морально-правовые дилеммы помогают воспитанникам исправительных учреждений постигать ответственность за ситуацию и людей, которые с ней связаны. Решая дилеммы, несовершеннолетние осознают приоритет правовых ценностей, задумываются о ничтожности сиюминутной, подчас сомнительной выгоды в сопоставлении с потенциальными потерями, привыкают к мысли о необходимости обдумывания целесообразности того или иного варианта юридически значимого поведения. Дилемма ставит воспитанника перед необходимостью выбора между правомерным и противоправным поступком. В качестве способа решения дилеммы выступает диалог, который строится на основе последовательных вопросов, раскрывающих специфику конкретной ситуации выбора. Такой диалог может развиваться как в устном высказывании, так и в письменной форме. С помощью морально-правовых дилемм осуществляется педагогическая поддержка воспитанников испра-

вительных учреждений, обеспечивающая функционирование механизмов правовой ресоциализации в соответствии с цепочкой: мотивация → усвоение социально-правового знания → эмоциональное реагирование → правовая рефлексия → преодоление кризиса правовой позиции → самоопределение в правовом пространстве.

Следует отметить, что основным детерминантом правового самоопределения являются смысловые ориентации. В каждой ситуации выбора актуализируются специфические для данной ситуации правовые ценности. В определенных обстоятельствах, когда правовой выбор связан с поиском смысла жизни и обусловлен смысловознательной текстурой, он имеет особое значение для несовершеннолетних. В ситуации правового выбора активизируется такое качество личности, как избирательность. Источником возникновения ситуаций правового выбора выступает определенное противоречие, имеющее личностную значимость. Главной движущей силой в ситуации выбора является стремление к наиболее полной реализации в своем поведении идеальных моделей способов удовлетворения общечеловеческих потребностей, в том числе в самореализации, самоутверждении, потребности быть достойным человеком в любых обстоятельствах.

Методикой применения морально-правовых дилемм предусмотрено, что после презентации ее повествовательного ядра (фабулы) наступает своеобразная пауза, дающая время на обдумывание и мыслен-

ное обоснование решения. В этот момент происходит некая «остановка бытия», своеобразная «точка бифуркации», при которой ситуация становится неопределенной и возникает вопрос: останется ли ситуация тупиковой или она предсказуема и может перейти на новый уровень? События как бы замирают, а их дальнейшее развитие теперь зависит от мнения присутствующих, которые при выборе того или иного варианта призваны домыслить происходящее и ответить на вопрос: что последует дальше? а потом? и т. д. Проектирование вероятных последствий продолжается до наступления наивысшего напряжения (кульминации) и последующей развязки.

Опыт применения дилемм в воспитательных колониях показывает, что несовершеннолетние осужденные обладают различной степенью готовности к совершению правового выбора, поскольку у каждого неодинаковый уровень социально-правового опыта. Это становится особенно очевидным в ходе возникающей дискуссии, когда присутствующие демонстрируют разную степень переживания ситуаций выбора. Использование морально-правовых дилемм в качестве инструмента педагогического сопровождения правовой ресоциализации дает возможность адресно и конкретно влиять на процесс становления правовой позиции воспитанников исправительных учреждений, позволяет сформировать у них убеждение в том, что следование нормам права – единственно верный способ продуктивного существования в правовом пространстве.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1994. С. 409; Матвеев П. Е. Моральные ценности : моногр. Владимир, 2004. С. 111.

² См.: Рожков М. И. Педагогическое обеспечение работы с молодежью. Юногика : учеб. пособие. М., 2008. С. 57.

³ См.: Kohlberg L. The Claim to Moral Adequacy of a Highest Stage of Moral Judgment // The Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70 (18).

⁴ См. подр.: Панова О. Б. Человек в правовом поле: методика правового воспитания несовершеннолетних осужденных : учеб.-метод. пособие. Вологда, 2011. С. 37–302.

⁵ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 18.

¹ См.: Il'in I. A. O sushhnosti pravosoznaniya. M., 1994. S. 409; Matveev P. E. Moral'nye cennosti : monogr. Vladimir, 2004. S. 111.

² См.: Rozhkov M. I. Pedagogicheskoe obespechenie raboty s molodezh'ju. Junogogika : ucheb. posobie. M., 2008. S. 57.

³ См.: Kohlberg L. The Claim to Moral Adequacy of a Highest Stage of Moral Judgment // The Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70 (18).

⁴ См. подр.: Panova O. B. Chelovek v pravovom pole: metodika pravovogo vospitaniya nesovershennoletnih osuzhdennyh : ucheb.-metod. posobie. Vologda, 2011. S. 37–302.

⁵ См.: Frankl V. Chelovek v poiskah smysla. M., 1990. S. 18.

УДК 343.85

Проблема совершенствования профилактической работы в области социальной запущенности обучающейся молодежи в образовательных организациях

О. С. АМОСОВА – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматривается понятие «профилактика», обозначаются концептуальные пути исследования проблемы совершенствования профилактической работы в области социальной запущенности обучающейся молодежи в образовательных организациях, анализируются различные методологические подходы профилактики данного явления.

Ключевые слова: профилактическая работа; социальная запущенность; обучающаяся молодежь; образовательные организации; основные методологические подходы.

The problem of improving preventive work in the field of social neglect of young people learning in educational institutions

O. S. AMOSOVA – Senior Lecturer of the Department of State and Law of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

This article discusses the concept of «prevention», outlines conceptual ways to study the problem of improving preventive work in the field of social neglect of young people learning in educational institutions; discusses the various methodological approaches for the prevention of this phenomenon.

Keywords: prevention; social neglect; students; educational organizations; major methodological approaches.

Совершенствование профилактической работы в области социальной запущенности обучающейся молодежи в образовательных организациях не перестает быть актуальным в настоящее время. Девальвация культурных ценностей, неуверенность в завтрашнем дне, неспособность части населения (и особенно молодежи) справляться с жизненными трудностями – вот те предпосылки, которые способствуют проявлениям данного вида социальной патологии обучающихся.

При этом существует заметный разрыв между теорией и современной практикой профилактики социальной запущенности, что, безусловно, влияет на эффективность и результативность данной работы. Поэтому сегодня возникает острая потребность в систематизации теоретико-методологических оснований, направлений и методов про-

филактической работы в образовательной среде.

Профилактика (от греч. *prophylaktikos* – предохранительный), как правило, ассоциируется с запланированным предупреждением некоего негативного действия, то есть с уничтожением оснований, способных вызвать ненужные результаты. Из этого следует, что профилактика социальной запущенности обучающейся молодежи должна проводиться в форме запланированных действий, нацеленных главным образом на достижение желаемого итога, но в то же время и на предотвращение возможных не очень благоприятных явлений.

Когда речь идет о мерах, то принято говорить об общих (общая профилактика), специальных (социально-педагогическая профилактика) и индивидуальных (индивидуальная профилактика) уровнях профилактики.

Исследование вопросов профилактики в области изучаемого феномена находит отражение в психологической науке в работах С. А. Беличевой, Е. В. Змановской, С. В. Косарецкой, В. М. Миниярова, В. А. Момота, А. Б. Петровой, Р. С. Романова, Т. Г. Харитоновой, С. В. Шепелевой и др. Именно психологи пришли к мнению о том, что содержательный анализ понятия «профилактика»¹ сводится к понятию «предупреждение»², а оно, в свою очередь, логически связано с дефинициями «предвосхищение» и «предотвращение»³.

Наиболее общим понятием в психологической науке, охватывающим все формы проявления опережающего отражения, считается антиципация. Психологические процессы мониторинга и подготовки к грядущим мероприятиям, делам и поступкам свойственны любому виду активности. Что бы ни делал человек, у него имеется образ будущего. Антиципация рассматривается как способность действовать и принимать те или иные решения с конкретным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых событий. Таким образом, в психологии профилактика социальной запущенности обучающейся молодежи в образовательных организациях выступает как процесс предупреждения (упреждения), то есть заблаговременного устранения неблагоприятных факторов для развития молодого человека и реализации комплекса мер психологического воздействия на личность.

В педагогике также исследуются проблемы профилактики в области социальной запущенности обучающейся молодежи (О. В. Андрюшина, С. В. Доедалина, А. Д. Гонеев, Л. В. Годовников, Э. В. Зауторова, Е. В. Звягина, Ю. А. Клейберг, Д. А. Кураева, Н. Ф. Маслова, Л. В. Мардахаев, А. А. Кочин, Е. Н. Фанина, А. Б. Фомин, С. Н. Щербакowa и др.). С одной стороны, как и психологи, педагоги рассматривают профилактику на уровне взаимодействия субъект-субъектных отношений, как учитывающую цели, задачи, интересы и потребности субъекта. С другой стороны, в педагогических концепциях акцент ставится на повсеместное обучение и педагогическое просвещение родителей, проведение социально-педагогических, психолого-педагогических консультаций по выбору форм и методов воспитания. Именно педагоги первыми заговорили об активном вовлечении во внеклассную и общественную деятельность обучающейся молодежи, об активизации организации свободного

времени молодых людей, склонных к рассматриваемому виду девиации.

Профилактика, будучи важным средством предотвращения развития негативных процессов на ранних стадиях, позволяет с меньшими функциональными затратами снять остроту проблемы и повернуть процесс в иное, более благоприятное русло. Правильный подбор методов профилактического воздействия, их своевременное и профессиональное осуществление обеспечивают эффективность профилактических действий⁴.

Таким образом, в педагогике преобладают социально-педагогические подходы к профилактике в области социальной запущенности обучающейся молодежи в образовательных организациях, предполагающие воздействие на образовательную среду, создание условий, которые снижали бы вероятность возникновения искомого феномена и повышали общую культуру всех субъектов образовательной среды.

Одним из классических считается информационный подход, который исходит из представления, что отклонения в поведении молодых лиц от социальных норм происходят потому, что они не понимают их. Уже теоретическая посылка данного подхода подразумевает, что профилактическая работа обязана направляться по пути информирования обучающейся молодежи в образовательных организациях о нормативных требованиях, предъявляемых к ним государством и социумом. Это значит, что необходимо интенсивное использование в данных целях средств массовой информации, а также кино, театра, литературы и иных передовых средств. Вместе с тем следует учитывать, что влияние информатизации может быть и негативным, что обусловлено снижением качества самой информации⁵.

Информационный подход основан на распространении информации об опасности того, что влечет за собой социальная запущенность обучающейся молодежи. Концептуальной основой подхода является донесение информации о том, как опасно, например, употребление наркотиков и к чему это может привести (стратегия запугивания). Это может дать определенный толчок к уменьшению проявления данных отклонений в среде молодых людей, однако практика показывает, что в последнее время данный подход не эффективен, так как информируем мы об одном, а в интернет-пространстве воспитуемый знакомится с другой информацией по этому же вопросу,

родители или ближайшие родственники демонстрируют в своем поведении уже следующий вариант и т. д.

В области юриспруденции (Д. И. Аминов, Р. М. Абызов, А. А. Глухова, И. В. Севастьянова, В. Л. Цветков, Г. Г. Шиханцов и др.) в качестве основного подхода к профилактике в области социальной запущенности обучающейся молодежи рассматривается виктимологический подход, связанный прежде всего с мерами по устранению ситуаций (обстоятельств), способствующих отклонению от общепринятых социальных норм. Одним из успешных направлений считается изучение личности молодого человека, допускающего в своем поведении те или иные формы отклонений, раскрытие причин, влияющих на деформацию, выявление позитивных сторон его личности.

Вопросы профилактики социальной запущенности исследуются и в медицине (Н. А. Гусева, Е. Г. Дозорцева и др.). Предлагаются прежде всего подходы, основанные на укреплении здоровья обучающейся молодежи в образовательных организациях. Важной составляющей концепции укрепления здоровья является жизненная компетентность.

Как показывает опыт, использование различных подходов без решения ряда организационных проблем профилактической работы оказывается недостаточно действенным. Социальная запущенность обучающейся молодежи в образовательных организациях может проявляться в нескольких областях: как особенность отдельных психических процессов, как социально обусловленное качество личности и черта характера, как низкая общая культура, отрицание нравственных норм и правил поведения, как вредоносная привязанность.

Наиболее перспективными при внедрении комплекса дополнительных мер по профилактике социальной запущенности обучающейся молодежи в образовательных организациях является системный, интегративный, программно-целевой, компетентностный подходы и подход, основанный на формировании жизненных навыков, навыков личного поведения и межличностного общения.

Основателем системного подхода считается австрийский биолог Карл Людвиг фон Берталанфи, определивший его основные принципы: целостность, иерархичность, структуризация, множественность и системность. Данный подход позволяет отделить и тщательно изучить каждый элемент системы в отдельности, проанализировать и

сравнить их друг с другом, объединив в единое целое. Системный подход рассматривает проблему профилактики социальной запущенности как совокупность взаимосвязанных элементов, имеющих определенную цель, подкрепленных ресурсами, имеющих связь с внешней средой (например, социокультурная деятельность субъекта, его общение, ценностные ориентации, социальные установки, владение знаниями социально-этического характера и т. д.).

Интеграция в педагогике позволяет молодым людям быстрее адаптироваться в окружающем пространстве. Она находится в неразрывной связи с системой и придает целостность всему процессу обучения. Представляет собой определенный процесс, а также результат взаимодействия разнообразных элементов, которые приводят к появлению чего-то целостного, нового. Кроме того, интеграция в педагогике имеет четкую структуру, состоит из множества связанных между собой компонентов всех частей системы образования. Конечная цель интеграции – разностороннее саморазвитие личности.

Развитие социальных качеств личности осуществляется на основе гуманизации и демократизации педагогических отношений, сотрудничества и сотворчества. Они определяются как способы воздействия, содействия, взаимодействия среды образовательной организации (институт образования, преподаватель, психолог, куратор, наставник) с обучающимся с целью активизации его внутренних ресурсов (через социальное творчество, организацию и самоорганизацию, формирование тактики и стратегии развития) и достижения намеченной цели. Диалоговое взаимодействие участников определяет стиль общения, методы и приемы взаимодействия, приводит к качественным изменениям субъектов воспитания, повышает педагогический эффект формирования и развития социальной активности личности⁶.

Программно-целевой подход является органичным продолжением развития классических гуманистических концепций образования, согласно которым человек выступает высшей ценностью. На наш взгляд, данный подход обеспечивает эффективность управления учебной деятельностью в системе непрерывного образования, логически связывает все образовательные ступени и имеет главной целью воспитание профессионала. Программно-целевой подход ориентирует молодежь на осознанное и всестороннее освоение ценностей культу-

ры, являющихся базовыми в определении своего «Я», а профессионализм становится неотъемлемой частью культуры личности.

Компетентностный подход появился в результате смены ценностных ориентиров и целей образования. Этот подход признает значимыми результаты обучения за пределами системы образования. На сегодняшний день основным содержанием компетентностного подхода являются: усиление личностной направленности образования (обучающийся должен сам исследовать и построить свое знание); решение социально значимых и важных задач путем освоения новых способов деятельности; ориентация на саморазвитие личности. С учетом данного подхода изменяются учебный процесс, цель, содержание и средства обучения. Предполагается единство знаний и умений у обучающихся, интегрирующее в себе их социальные и личностные качества, отношение к будущей профессиональной деятельности⁷.

Подход, основанный на формировании жизненных навыков, базируется на понятии изменения поведения. Жизненные навыки приобретаются в результате личного поведения и межличностного общения и позволяют людям направлять свою жизнедеятельность, контролировать поведение, развивать умение жить с другими в окружающей среде. Целью рассматриваемого подхода является повышение у молодежи устойчивости к различным социальным влияниям, повышение индивидуальной компетенции путем обучения личности социальным навыкам.

Теории социального научения и проблемного обучения позволяют, с одной стороны, приблизиться к пониманию причин социальной запущенности обучающейся молодежи в образовательных организациях, а с другой – создать потенциально эффективные профилактические стратегии. Под научением понимаются изменения в поведении, возникшие в процессе жизнедеятельности или в результате тренировки. Научение – это процесс и результат выработки навыков. Научение может происходить при воздействии на организм определенных стимулов и при осознании и когнитивной оценке личностью внешних событий. Суть обучения состоит в передаче и организации знаний. Сущность проблемного обучения состоит в том, что в процессе учебных занятий создаются специальные условия, в которых обучающийся, имея приобретенные знания, самостоятельно осмысливает учебную проблему, ищет и обосновывает наиболее оптимальный вариант ее решения. По сравнению с другими подходами данные модели оцениваются исследователями как имеющие шансы быть наиболее успешными.

Таким образом, одним из путей совершенствования профилактической работы в области социальной запущенности обучающейся молодежи в образовательных организациях является использование различных методологических подходов, что позволяет организовать данный процесс с наибольшей эффективностью, способствует развитию социально важных качеств у молодых людей во время их обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Беличева С. А. Основы превентивной психологии. М., 1993.

² См.: Змановская Е. В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. М., 2008.

³ См.: Беличева С. А. Основы превентивной психологии.

⁴ См.: Зауторова Э. В. Характеристика асоциального поведения воспитанников детского дома // Социализация в образовательном пространстве детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов, детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, детей, находящихся в трудной жизненной ситуации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (г. Калуга, 21–22 мая 2015 г.). Калуга, 2015. С. 161–165.

⁵ См.: Оботурова Н. С. Влияние информатизации образовательной среды на формирование общекультурных компетенций обучающихся // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 83–86.

⁶ См.: Зауторова Э. В. Технология развития социального лидерства у курсантов ведомственного вуза // Социальное лидерство в образовательной среде : материалы всерос. науч.-практ. заочной интернет-конф. Ярославль, 2017. С. 79–85.

⁷ См.: Она же. Повышение профессиональной коммуникативной компетенции студента при обучении иностранному языку // Лингвистика. Коммуникация. Образование : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Луганск, 9 апр. 2015 г.). Луганск, 2015. С. 170–172.

¹ Sm.: Belicheva S. A. Osnovy preventivnoj psihologii. M., 1993.

² Sm.: Zmanovskaja E. V. Deviantologija: psihologija otklonjajushhegosja povedenija. M., 2008.

³ Sm.: Belicheva S. A. Osnovy preventivnoj psihologii.

⁴ Sm.: Zautorova Je. V. Harakteristika asocial'nogo povedenija vospitannikov detskogo doma // Socializacija v obrazovatel'nom prostranstve detej s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja, detej-invalidov, detej-sirot, detej, ostavshijsja bez popechenija roditelej, detej, nahodjashhijsja v trudnoj zhiznenoj situacii : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Kaluga, 21–22 maja 2015 g.). Kaluga, 2015. S. 161–165.

⁵ Sm.: Oboturova N. S. Vlijanie informatizacii obrazovatel'noj sredy na formirovanie obshhekul'turnyh kompetencij obuchajushhijsja // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 4 (36). S. 83–86.

⁶ Sm.: Zautorova Je. V. Tehnologija razvitija social'nogo liderstva u kursantov vedomstvennogo vuza // Social'noe liderstvo v obrazovatel'noj srede : materialy vseros. nauch.-prakt. zaochnoj internet-konf. Jaroslavl', 2017. S. 79–85.

⁷ Sm.: Ona zhe. Povyshenie professional'noj kommunikativnoj kompetencii studenta pri obuchenii inostrannomu jazyku // Lingvistika. Kommunikacija. Obrazovanie : materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Lugansk, 9 apr. 2015 g.). Lugansk, 2015. S. 170–172.

УДК 343.8

Электронное обучение как инновационная форма образовательной деятельности в организациях ФСИН России: проблемы и тенденции развития

Л. В. КОВТУНЕНКО – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В статье рассматривается электронное обучение как одна из инновационных форм, определяются отличительные особенности и преимущества данного вида обучения в сравнении с дистанционным и традиционным обучением, определяются проблемы и тенденции развития.

Ключевые слова: образовательные организации ФСИН России; обучение сотрудников уголовно-исполнительной системы; электронное обучение; дистанционное обучение; традиционные и инновационные формы; информационные и коммуникационные технологии.

E-learning as an innovative form of educational activity in the organizations of FPS of Russia: problems and development trends

L. V. KOVTUNENKO – Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor

The article discusses e-learning as one of the innovative forms, the author defines distinctive features and advantages of e-learning by comparing it with the concept of distance learning; identifies problems and development trends.

Key words: the educational organization of the Federal Penal Service of Russia; training of employees of the penal system; e-learning; distance learning; traditional and innovative forms; information and communication technology.

В современную быстро меняющуюся образовательную среду активно внедряются новые средства и технологии обучения. Сегодня трудно представить процесс обучения без использования возможностей Интернета как неисчерпаемого ресурса в приобретении знаний. Вместе с тем, как справедливо отмечает Н. С. Оботурова, «влияние информатизации может быть негативным, а экспансия интернет-ресурсов в образовательный процесс имеет существенные риски, обусловленные снижением качества информации»¹.

В странах Западной Европы и Америки в последние годы широко исследуется и применяется электронное обучение (Electronic Learning, Electronic Tutoring или сокращенные E-learning, E-tutoring). В России гораздо чаще употребляется термин «дистанцион-

ное обучение», чем «электронное обучение», хотя эти понятия не равнозначны, последнее имеет более широкое значение.

В справочных изданиях электронное обучение определяется как система обучения при помощи информационных и электронных технологий. Специалисты ЮНЕСКО определяют «e-Learning как обучение с помощью Интернета и мультимедиа»². В. В. Белоус, Е. В. Смирнова под электронным обучением понимают образовательный процесс, который отличается систематическим и интенсивным применением современных информационных технологий и средств вычислительной техники. По их мнению, это понятие образует единый синонимический ряд с такими терминами, как дистанционное, мультимедийное, компьютерное, виртуальное, онлайнное, web-

ориентированное, кибернетическое образование и др.³

Электронное обучение развилось вместе с технологиями интернет-соединений. В своем становлении и развитии оно прошло ряд этапов: курсы на носителях CD-ROM; дистанционное обучение у живых преподавателей; собственно электронное обучение с использованием специальных интерактивных программ, нередко на специальных носителях (электронные учебники), массовые открытые онлайн-курсы⁴.

Качественное решение задач, поставленных ФСИН России перед образовательными организациями, в том числе предполагает использование современных форм, методов, технологий обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы. Использование интернет-ресурсов в образовательной деятельности позволяет активно внедрять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии независимо от местонахождения обучающегося. Особенно это актуально для категории слушателей дополнительного профессионального образования и первоначальной подготовки и сотрудников, обучающихся по заочной форме. Широкое внедрение технологий дистанционного образования в образовательных организациях ФСИН России, обусловленное применением информационных и коммуникационных технологий, позволит стереть грань между обучением на расстоянии и непосредственно в вузе, в аудитории. Однако здесь имеется ряд проблем.

Одна из них обозначена в Приказе Минобрнауки России от 09.01.2014 г. № 2 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ»⁵: для реализации образовательных программ с применением исключительно электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в организации, осуществляющей образовательную деятельность, должны быть созданы условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств и обеспечивающей освоение обучающимися образовательных программ в

полном объеме независимо от места нахождения обучающихся.

Вторая проблема заключается в кадровом обеспечении данного процесса. Наличие скоростного Интернета, ноутбука, интерактивной доски в образовательных организациях уголовно-исполнительной системы еще не говорит о том, что профессорско-преподавательский состав готов к реализации новой формы обучения. Поэтому вначале следует методически подготовить профессорско-преподавательский состав вузов к реализации возможностей электронных средств обучения.

Специфические условия ведомственной образовательной организации ФСИН России, связанные с жестким регламентом повседневной деятельности, вынужденным пропуском занятий из-за необходимости несения внутренней службы и т. д., актуализируют использование в процессе самоподготовки к пропущенным занятиям электронных форм обучения.

Электронное обучение во многом зависит от развития носителей, хотя полностью раскрывающие его потенциал электронные учебники еще находятся в стадии разработки. В образовательных организациях ФСИН России была предпринята попытка создания единых дидактических материалов в виде учебно-методических комплексов изучаемых дисциплин, однако в силу разных объективных и субъективных причин эта идея до настоящего времени не получила реализации.

Важное преимущество дистанционных форм обучения для уголовно-исполнительной системы России состоит в наличии у обучающегося права самостоятельно выбирать удобные для него время и темп освоения программы, при этом сотрудник может пройти обучение без отрыва от выполнения должностных обязанностей. Но и не только в этом состоит преимущество электронного обучения. Учитывая протяженность территории Российской Федерации, несложно подсчитать, какое количество денежных средств будет сэкономлено, если сотрудник, проходящий службу в одном субъекте Российской Федерации, должен отправиться на обучение в другой, значительно отдаленный от места его службы. При использовании традиционных форм обучения он должен присутствовать в назначенное время в определенном месте на занятии, что создает дополнительные проблемы в случае болезни, командировки или при других обстоятельствах.

Рассматривая отличительные особенности и преимущества электронного обучения для образовательных организаций ФСИН России, следует выделить следующие:

– во-первых, при электронном обучении широко используется сеть Интернет, ресурсы и возможности которой позволяют существенным образом модернизировать образовательный процесс;

– во-вторых, электронное обучение позволяет объединить разработчиков содержания обучения, специалистов соответствующих областей знаний и обучаемых всех ведомственных вузов;

– в-третьих, электронное обучение способно обеспечить коллективный режим обучения, оперативное взаимодействие обучающихся и обучающихся (в том числе в режиме реального времени). Например, чтение лекций в режиме онлайн квалифицированными специалистами в той или иной области знаний.

Образовательная организация, размещающая на сайтах информацию, имеет возможность предоставлять ее в разных форматах, управлять уровнем приобретенных знаний, создавать сетевые сообщества разработчиков содержания, обучающихся и экспертов. Попытка такого взаимодействия предпринята руководством ФСИН России в рамках изучения передового опыта организаций и учреждений пенитенциарной системы.

Основные задачи уголовно-исполнительной системы в области развития электронного обучения, на наш взгляд, состоят в создании «полнофункциональной, масштабируемой, гибкой, мобильной информационно-образовательной среды»⁶ для реализации систем дистанционного (электронного) обучения.

По области методического назначения средства информационных и коммуникационных технологий разделяют на следующие группы:

1) обучающие: получение знаний, умений, навыков, что обеспечивает необходимый уровень усвоения материала;

2) тренажеры: возможность формирования умений и отработки навыков, повторения или закрепления изученного материала;

3) информационно-поисковые и справочные: средство получения информации, систематизации сведений;

4) демонстрационные: средство визуализации изучаемого объекта или процесса;

5) имитационные: средство изучения какого-либо аспекта реальности, его структурных и функциональных характеристик;

6) лабораторные: средства, позволяющие проводить дистанционно эксперименты на реальном оборудовании;

7) моделирующие: эти средства позволяют моделировать предметы, процессы, исследовать и изучать их;

8) расчетные: средство автоматизации расчетов и различных операций;

9) учебно-игровые: основное назначение этих средств – создание учебных ситуаций, позволяющих реализовать деятельность обучающихся в игровой форме⁷.

Широкий спектр методического назначения информационных и коммуникационных технологий позволит усилить практико-ориентированную направленность обучения сотрудников. Электронное обучение рассматривается нами и как необходимое условие при переходе от репродуктивной к индивидуально-ориентированной многоуровневой подготовке специалистов для уголовно-исполнительной системы.

Преимущества электронного обучения позволяют повысить качество и эффективность традиционного обучения. Сравнение электронного обучения с традиционной очной формой позволяет отметить ряд положительных преимуществ для образовательного процесса:

– широкий доступ обучаемых через Интернет к электронным курсам из любого места, где есть выход в информационную сеть;

– сокращение материальных затрат на доставку обучения (обмен информацией происходит через Интернет, обучающийся не несет материальных расходов на покупку учебной и методической литературы);

– возможность разделить содержание электронного курса на небольшие информационные блоки, что позволит обеспечить гибкость в изучении предмета и упростить поиск нужной информации;

– гибкость обучения, так как последовательность и продолжительность изучения выбирается обучающимся самостоятельно, предоставляя возможность адаптировать под свои индивидуальные способности и потребности весь процесс обучения;

– возможность получить образование без отрыва от службы, используя современные мобильные устройства при наличии выхода в Интернет;

– возможность своевременно и оперативно пополнять учебные материалы новинками литературы, непрерывно развиваться в соответствии с новейшими технологиями и современными стандартами;

– возможность проходить обучение независимо от сроков сформированности группы и времени организации очных занятий;

– электронное обучение с четкими критериями оценки знаний позволяет исключить необъективность и предвзятость со стороны преподавателя.

Таким образом, электронное обучение в сравнении с традиционной формой обучения имеет ряд преимуществ. Вероятно, в связи с дальнейшим развитием информационно-коммуникационных технологий наряду с традиционным обучением электронная форма будет расширяться.

Однако электронное обучение, на наш взгляд, эффективно при высокой степени личной мотивации обучающегося. При отсутствии жесткого самоконтроля, наличии проблем с самоорганизацией результаты обучения будут низкими или процесс обучения может остаться вообще незавершенным.

В числе существенных недостатков электронного обучения называют дидактические проблемы разработки и использования информационно-образовательной среды: организация индивидуальной поддержки учебной деятельности каждого обучающегося преподавателями; организация самостоятельной когнитивной деятельности обучающихся; организация групповой учебной работы обучающихся (дискуссий, совместной работы над проектами и т. п.)⁸.

По сравнению с традиционным обучением в дистанционном отсутствует прямой, непосредственный контакт преподавателя с обучающимся, что в некоторых случаях может осложнить организацию учебного процесса. Сложившийся стереотип обучения (аудиторная форма) для некоторой катего-

рии лиц является единственно возможным (удобным) способом восприятия учебного материала.

Кроме того, качественное образование предполагает не только обучение, но и воспитание личности, которое предусматривает передачу молодым социального опыта предшествующих поколений, сформировавшихся ценностей, идеалов и нравственных норм. Поэтому считаем, что непосредственное общение с преподавателем полностью не будет вытеснено. Личное общение курсанта ФСИН России с имеющими практический опыт работы в исправительном учреждении сотрудниками оказывает мощнейшее воздействие на его становление как личности и формирование как профессионала. Ведомственная система образования, являясь одним из ключевых институтов профессионального становления личности сотрудника уголовно-исполнительной системы, должна в первую очередь выполнять возложенные государством и обществом задачи по ее формированию и развитию: от совокупности профессиональных знаний и компетенций до культуры и этики взаимоотношений человека и общества.

Направленность системы ведомственного высшего образования на перспективу профессиональной деятельности специалиста важна для формирования у него таких качеств, которые позволят ему самореализоваться не только на службе, но и в личной жизни. Именно поэтому электронное обучение как инновационная форма подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы должна получить широкое внедрение в образовательную деятельность наряду с традиционными формами обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оботурова Н. С. Влияние информатизации образовательной среды на формирование общекультурных компетенций обучающихся // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 84.

² URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 18.03.2017).

³ См.: Белоус В. В., Смирнова Е. В. Электронное обучение // Платформы и системы. 2013. № 7. С. 1.

⁴ См.: Сатунина А. Е. Электронное обучение: плюсы и минусы // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 1. С. 89–90.

⁵ См.: Российская газета. 2014. 16 апр.

⁶ Сергеев А. Г., Жигалов И. Е., Баландина В. В. Введение в электронное обучение : моногр. Владимир, 2012. С. 107–108.

⁷ См.: Бершадский А. М., Кревский И. Г. Дистанционное образование на базе новых ИТ. Пенза, 1997. С. 37–38.

⁸ См.: Соловов А. В. Дидактический анализ проблематики электронного обучения // IEEE International Conference on Advanced Learning Technologies : материалы междунар. конф. Казань, 2002. С. 212–216.

¹ Oboturova N. S. Vlijanie informatizacii obrazovatel'noj sredy na formirovanie obshhekul'turnyh kompetencij obuchajushhhsja // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 4 (36). S. 84.

² URL: <https://ru.wikipedia.org/> (data obrashhenija: 18.03.2017).

³ Sm.: Belous V. V., Smirnova E. V. Jelektronnoe obuchenie // Platformy i sistemy. 2013. № 7. S. 1.

⁴ Sm.: Satunina A. E. Jelektronnoe obuchenie: pljusy i minusy // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2006. № 1. S. 89–90.

⁵ Sm.: Rossijskaja gazeta. 2014. 16 apr.

⁶ Sergeev A. G., Zhigalov I. E., Balandina V. V. Vvedenie v jelektronnoe obuchenie : monogr. Vladimir, 2012. S. 107–108.

⁷ Sm.: Bershadskij A. M., Krevskij I. G. Distancionnoe obrazovanie na baze novyh IT. Penza, 1997. S. 37–38.

⁸ Sm.: Solovov A. V. Didakticheskij analiz problematiki jelektronnogo obuchenija // IEEE International Conference on Advanced Learning Technologies : materialy mezhdunar. konf. Kazan', 2002. S. 212–216.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ
на учебное пособие
«Методика расследования преступлений
коррупционной направленности,
совершаемых в уголовно-исполнительной
системе» (под общей редакцией
Р. М. Морозова)

А. М. ПОТАПОВ – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В современной России, несмотря на принимаемые государством и обществом меры, коррупция по-прежнему затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности экономики, вызывает в российском обществе тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж стране на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз национальной безопасности.

В настоящее время проблема противодействия должностным преступлениям в России – одна из наиболее актуальных, поскольку указанные злоупотребления криминализировали все общество и являются существенным препятствием на пути нормализации криминогенной обстановки в России. Коррупция как проявление должностной преступности дискредитирует государственный аппарат, не только подтачивая основы российской государственности, нанося ей ощутимый экономический вред, но и разрушая веру наших сограждан в торжество справедливости и главенство закона.

В связи с вышеуказанным возникает потребность в разработке и совершенствовании частной методики расследования коррупционных преступлений сотрудников УИС, что в свою очередь обусловлено, во-первых, отнесением должностных преступлений сотрудников к латентным преступлениям в силу закрытости учреждений и порядка прохождения службы, во-вторых, даже небольшое количество должностных преступлений, совершенных сотрудниками пенитенциарной системы, наносит огромный вред их сослуживцам, осужденным, отбывающим наказание, кроме того, причиняется существенный материальный ущерб государству.

Актуальность учебного пособия обусловлена отсутствием фундаментальных исследований, посвященных процессуальным и криминалистическим аспектам расследования коррупционных преступлений сотрудников уголовно-исполнительной системы, основанных на системе действующего законодательства, современных достижениях криминалистики и других юридических наук.

Учебное пособие написано стилистически и юридически грамотно, материал логичен и структурирован.

Стоит отметить, что авторами подробно рассмотрены правовые основы принципов противодействия коррупционным преступлениям в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, понятие и сущность коррупционного преступления. Авторы проанализировали нормативно-правовые акты в рассматриваемой сфере, а также дискуссионные вопросы о содержании и сущности коррупционных преступлений вообще и коррупционных преступлений сотрудников уголовно-исполнительной системы в частности.

При изложении учебного материала авторы активно используют материалы правоприменительной практики, а также формулируют программу (алгоритм) следственных и иных организационных действий сотрудников правоохранительных органов.

Рассматривая особенности возбуждения уголовных дел, производства отдельных следственных действий и противодействия расследованию по делам о коррупционных преступлениях, авторы описывают реализацию уголовно-процессуальных полномочий с учетом действующего законодательства, складывающейся правоприменительной практики и на основе последних достижений криминалистической науки.

Представленное учебное пособие особенно актуально для органов, осуществляющих выявление и расследование должностных преступлений сотрудников УИС, так как в нем получили рассмотрение вопросы криминалистической характеристики и особенностей производства отдельных следственных действий по делам о коррупционных преступлениях.

Таким образом, учебное пособие имеет большое значение для практической деятельности учреждений ФСИН России, а также иных правоохранительных органов, занимающихся выявлением и расследованием коррупционных преступлений. Исходя из изложенного можно сделать вывод, что учебное пособие «Методика расследования преступлений коррупционной направленности, совершаемых в уголовно-исполнительной системе» соответствует предъявляемым требованиям к научным изданиям и может быть рекомендовано к изданию.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

В ВИПЭ ФСИН России состоится международная научно- практическая конференция

3 ноября 2017 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России состоится международная научно-практическая конференция «Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 20-летию принятия Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации)».

В ходе конференции предполагается обсуждение широкого круга теоретических и прикладных проблем назначения и исполнения уголовных наказаний, предупреждения преступности, исправления осужденных, реформирования пенитенциарных учреждений, совершенствования социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в пенитенциарных учреждениях. На конференции будет проанализирован отечественный и зарубежный опыт назначения и исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, становления и развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

В работе конференции планируется участие ведущих ученых научных и образовательных организаций ФСИН России, МВД России, сотрудников территориальных органов ФСИН России, органов внутренних дел, суда и прокуратуры, представителей пенитенциарных служб и образовательных организаций зарубежных стран, общественных организаций.

По итогам работы конференции планируется издание сборника статей ее участников.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амосова О. С., старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: Amosova.o.s@mail.ru

Бабаян С. Л., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: bsl09@mail.ru

Баламут А. Н., начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: balamut01@yandex.ru

Барская А. В., старший специалист ИК-6 УФСИН России по Липецкой области. E-mail: maletina-kat@mail.ru

Бодрых С. Е., адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России. E-mail: svetonchik180591@mail.ru

Гаврилов Б. Я., профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: Profgavriliv@yandex.ru

Годованец О. Г., старший инспектор по особым поручениям отдела организации психологической работы управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России. E-mail: godovushka@mail.ru

Голодов П. В., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: pl-family@yandex.ru

Дворянсков И. В., профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: diw@yandex.ru

Долинин А. Ю., начальник кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Aleksander.Dolinin@yandex.ru

Житков А. А., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России. E-mail: zhitkoff2015@yandex.ru

Злотников С. А., заместитель начальника отдела организации оперативно-розыскной деятельности первого управления главного оперативного управления ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: zlsr2008@ya.ru

Ковтуненко Л. В., доцент кафедры уголовного-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: kovtunenkolv@mail.ru

Корепина А. В., заведующая кафедрой административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: anna.corepina@yandex.ru

Крюкова Д. Ю., старший преподаватель кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН

России, кандидат технических наук. E-mail: magnyi@list.ru

Малетина Е. А., научный сотрудник Центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России. E-mail: maletina-kat@mail.ru

Мокрецов Ю. В., старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук. E-mail: warog@mail.ru

Муркштис М. И., адвокат Московской областной коллегии адвокатов, кандидат юридических наук. E-mail: ugovnoe_pravo@list.ru

Павлушков А. Р., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: aravlushkov@yandex.ru

Панова О. Б., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент. E-mail: xenia-family@volnet.ru

Редёга Н. В., начальник психологической службы УФСИН России по Калужской области. E-mail: n.redega@yandex.ru

Свинин Е. В., заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: evsvinin@yandex.ru

Серёда С. П., ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: sta-sereda2006@yandex.ru

Середин А. А., начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: seredin-a@mail.ru

Слободчиков И. М., профессор кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор. E-mail: ilgrant@mail.ru, engr@yandex.ru

Смолев С. М., начальник кафедры огневой подготовки Академии ФСИН России. E-mail: ssmolev35@yandex.ru

Стародубцева О. Н., преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России. E-mail: OlgaStarodubceva62@mail.ru

Фомичев Д. А., адъюнкт кафедры уголовного исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России. E-mail: koby_91@mail.ru

Фумм А. М., начальник отдела разработки методологии исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: yanok83@mail.ru

Харьковский Е. Л., начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: elh76@mail.ru

Шаханов В. В., заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Яковлева О. Н., ученый секретарь Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: yakoksana.1977@mail.ru

Янчук И. А., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: igor35.82@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Amosova O. S., Senior Lecturer of the Department of State and Law of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: Amosova.o.s@mail.ru

Babayán S. L., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: bsl09@mail.ru

Balamut A. N., Head of the Department of Organization of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. E-mail: balamut01@yandex.ru

Barskaya A. V., Senior Specialist of the Correctional Colony-6 of the Federal Penal Service of Russia in the Lipetsk Region. E-mail: maletina-kat@mail.ru

Bodrykh S. E., Adjunct of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service of Russia. E-mail: svetonchik180591@mail.ru

Dolinin A. Yu., Head of the Department of Management and Organization of the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: Aleksander.Dolinin@yandex.ru

Dvoryanskov I. V., Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: diw@yandex.ru

Fomichev D. A., Adjunct of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with the Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: koby_91@mail.ru

Fumm A. M., Head of the Department for the Development of the Methodology for the Execution of Sentences with deprivation of liberty and the study of penal criminality of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: yanok83@mail.ru

Gavrilov B. YA., Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: Profgavriliv@yandex.ru

Godovanets O. G., Senior Inspector for Special Assignments of the Department for the Organization of the Psychological Work of the Department of Educational, Social and Psychological Work of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: godovushka@mail.ru

Golodov P. V., Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Research, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: pl-family@yandex.ru

Kharkovsky E. L., Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: elh76@mail.ru

Korepina A. V., Head of Department of Administrative and Financial Law of the North-West Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: anna.corepina@yandex.ru

Kovtunen L. V., associate Professor of criminal-Executive and criminal law, FCO IN Voronezh Institute of the Federal penitentiary service of Russia, the candidate of pedagogical Sciences, associate Professor. E-mail: kovtunenkolv@mail.ru

Kryukova D. Yu., Senior Lecturer of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Technics. E-mail: magnyi@list.ru

Maletina E. A., Researcher of the Research Center on the Problems of the Execution of Criminal Sanctions and Psychological Support of the Penal System Staff of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: maletina-kat@mail.ru

Mokretsov Yu. V., Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics. E-mail: warog@mail.ru

Murkshtis M. I., Lawyer of the Moscow Region Collegium of Advocates, PhD. in Law. E-mail: ugovnoe_pravo@list.ru

Panova O. B., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda

Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: xenia-family@volnet.ru

Pavlushkov A. R., Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor. E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Reduoga N. V., Head of the Psychological Service of the Federal Penal Service of Russia in Kaluga Region. E-mail: n.redega@yandex.ru

Sereda S. P., Scientific Secretary of the Scientific Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: sta-sereda2006@yandex.ru

Seredin A. A., Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: seredin-a@mail.ru

Shakhanov V. V., Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law. E-mail: Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Slobodchikov I. M., Professor of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Psychology, Professor. E-mail: il-grant@mail.ru, engr@yandex.ru

Smolev S. M., Head of the Department of shooting training of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ssmolev35@yandex.ru

Starodubtseva O. N., Lecturer at the Department of Organization of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: OlgaStarodubceva62@mail.ru

Svinin E. V., Deputy Head of the Department of State Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: evsvinin@yandex.ru

Yakovleva O. N., Scientific Secretary of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: yakoksana.1977@mail.ru

Yanchuk I. A., Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: igor35.82@mail.ru

Zhitkov A. A., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: zhitkoff2015@yandex.ru

Zlotnikov S. A., Deputy Head of the Department of Operative Investigation of the First Directorate of the Main Operations Directorate of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law. E-mail: zls-er2008@ya.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Ответственный секретарь:

С. П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-67019 от 30.08.2016 г.
ISSN 2076-4162

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160035, г. Вологда, ул. Октябрьская,
д. 51, оф. 208

Телефоны:

(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12

(8172) 51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.06.2017.

Дата выхода в свет 20.07.2017.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 5860.

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки».

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и соблюдении требований к оформлению.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 158 руб. за 1 экземпляр.